ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

www.lgz.ru

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году

Выходит по средам

№1 (5907)
15 – 21 января 2003 г.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Между двумя караулами
85 лет Учредительному собранию стр. 4

«Золотой гробофон»
для опостылевших телеюмористов стр. 5

Быков по-быстрому
Синдром поручика Ржевского стр. 7

Будущее литературы прирастает провинцией
и Литинститутом стр. 8

Юбилейный год Санкт-Петербурга
начался с музыкального фестиваля стр. 9

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

Триста лет вместе

Юбилейная инвектива

Круглая дата – вполне уважительный повод для славословия. Можно, конечно, повосхищавшись цивилизационным прорывом, который совершил триста лет назад Петр Великий, пожелать российской прессе новых побед в борьбе за демократию, свободу слова, политкорректность и прочую общечеловеческую бижутерию. Однако отечественная пресса в последнее десятилетие выработала довольно своеобычный подход к торжественным датам, сводящийся к формуле: «Мы, конечно, поздравляем, но…» Например, никогда широкий читатель не был так подробно осведомлен о человеческих слабостях и недостатках Пушкина, как в год его недавнего 200-летия. Грядет юбилей победной Курской битвы, и будьте уверены: журналисты приложат все усилия, чтобы теперь, спустя 60 лет, мы не узнали, кто в ней победил! Таким образом, делясь с читателями некоторыми нерадостными соображениями о нашей трехсотлетней молодице, я всего лишь следую канонам, выработанным ею самой.

Лучшие российские умы весьма сдержанно и без восторгов относились к роли печати в обществе. Основатель «Литературной газеты» великий Пушкин писал, между прочим: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно». (Увы, допускали – и в 17-м, и в 91-м.) Почти через сто лет после Пушкина Розанов вновь отмечал именно разрушительные, а не созидательные свойства прессы: «Печать – это пулемет: из которого стреляет идиотический унтер. И скольких Дон-Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Да и вовсе не доберутся никогда…»

Те, кто еще не забыл перестройку конца прошлого века, согласятся со мной, что процитированные слова классиков отнюдь не поэтическая гипербола. Советско-коммунистическая цивилизация на наших глазах была сметена восстанием журналистов, правда, приказ о начале восстания поступил, как ни странно, из ЦК КПСС. Поэтому видеть причину краха исключительно в мятеже пролетариев петита и батраков прямого эфира так же нелепо, как видеть причину падения Российской империи в залпе «Авроры». Просто отечественная пресса на всех крутых поворотах нашей истории до самоиспепеления воодушевлялась очередной «окончательной» версией прогресса, страстно навязывала ее обществу, выставляла сомневающихся, в том числе и журналистов, воинствующими неандертальцами, и все это для того, чтобы спустя несколько десятилетий потешаться над теми, кто в поте лица трудился, материализуя воздушные замки пожелтевших передовиц. Впрочем, может быть, именно таким довольно подловатым способом воплощается в жизнь великая и вечная парадигма развития. Но трудно при этом не заподозрить, что первым журналистом на земле был змей-искуситель, крупно подставивший наших прародителей.

Из своих трехсот лет почти двести восемьдесят российская пресса действовала в условиях жестко-централизованных систем – сначала монархической, затем советской. В известной степени она выполняла функции отсутствовавшей официальной политической оппозиции – отсюда ее необъятные амбиции и претензии на власть, хотя бы четвертую. Это вечное, но, по сути, безысходное противостояние испортило характер отечественной прессе: она сделалась по преимуществу оппозиционной не власти и даже не государству, а самой российской государственности. Государственник в медиасреде похож на «натурала», по оплошности забредшего в гей-клуб.

С другой стороны, долгие годы существования в исторических обстоятельствах, когда могли выпороть, сослать, а позже и попросту расстрелять, выработали у российской прессы еще одно качество, необходимое для выживания. Я имею в виду самозабвенный сервилизм, который живет в душе отечественного журналиста по соседству с отчаянным либерализмом. Вот почему наша пресса, потряся своим свободолюбием одну шестую часть суши и поспособствовав ее уменьшению до одной седьмой, потом вдруг куртизанисто расселась по коленям олигархов, вполне удовольствовавшись ролью относительно благополучной части обманутого и обобранного общества. Эта сервильная оппозиционность, или оппозиционная сервильность (кому как нравится), и составляет «лица не общее выраженье» нашей юбилярши.

Надеюсь, никого не обижу, если скажу, что пресса сама по себе не производит идей, точно так же как почта не пишет писем – она их пересылает. Как бы ни морщили в интеллектуальном изнеможении лбы телекомментаторы, как бы назойливо ни мудрствовали газетные обозреватели, даже самые глубокие, оригинальные их мысли, за редчайшим исключением, – это «версаче», пошитые в стамбульском подвальчике. Ничего постыдного тут, кстати, нет: производить идеи – работа других, дело прессы – эти идеи распространять, по возможности выбирая те, которые поднимают и облагораживают жизнь. Почему российская пресса чаще всего выбирает и навязывает идеи, опускающие общество, способствующие усугублению комплекса национальной неполноценности, – вопрос интересный и заслуживающий отдельного исследования.

Мое же, как заметил читатель, весьма субъективное мнение таково: свое трехсотлетие наша отечественная пресса встречает охваченная тяжким недугом, имя которому – информационная агрессивность в сочетании с изумительной социальной безответственностью. «Делать новости», подгонять реальность под свое очередное заблуждение, создавать параллельную виртуальную действительность, сбивающую с толку людей, – вот главное занятие нынешней прессы. Медиасообщество на наших глазах превращается в особый, весьма эгоистичный народец – «медийцев», распоряжающихся информацией, как сырьевые атаманы приватизированной нефтью. Вероятно, поэтому разговоры о священной свободе слова рождают сегодня у простого человека ту же усмешку, какую вызывали недавние плакаты «Вперед, к победе коммунизма!». Справедливости ради надо признать: это не чисто российская, а общепланетарная проблема, которой серьезно озабочены честные интеллектуалы, такие, как автор «ЛГ» итальянец Джульетто Кьеза.

Конечно, журналистам обидно читать эту мою юбилейную инвективу, но я сознательно ужесточил ситуацию: пусть и они хоть однажды почувствуют то, что слишком часто ощущает рядовой российский гражданин, разворачивая газету или включая телевизор. А нашу юбиляршу, вступающую в свое четвертое столетие, хочется напутствовать гиппократовским пожеланием: «Исцелись сама, российская пресса, и не навреди!»

Юрий ПОЛЯКОВ,
главный редактор «Литературной газеты»

ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ

Семен ШУРТАКОВ

16 декабря 1702 года Петр I издал указ о печатании «Ведомостей», чем и было положено начало русской повременной печати. Первый номер «Ведомостей» вышел 2 января 1703 года.

Какое важное значение придавал Петр этому своему детищу, видно уже из того известного историкам факта, что он сам собственноручно правил первый номер «Ведомостей». И хотя в подборе материалов и их правке принимали участие служители Посольского приказа (впоследствии Коллегии иностранных дел) и Печатного двора, осуществлялось издание под постоянным присмотром Петра и по его указаниям. Так что есть основание истинным главным редактором газеты считать самого государя.

Еще вон когда – триста лет назад! – Петр понимал, какое это могучее орудие – средства, говоря по-нынешнему, массовой информации. Времена, когда царские указы и другие важные известия оглашались с Лобного места на Красной площади кучке оказавшихся тут жителей Москвы, уходили в прошлое. Для успеха своих великих преобразований надо было доводить их смысл до самых широких слоев русского общества. А еще – если уж взялся прорубать окно в Европу – надо было знакомить русских людей с жизнью той самой Европы, с жизнью близких и дальних европейских соседей.

«Ведомости» как бы воспроизводят перед нами все многообразие тогдашней жизни и дают возможность видеть ее даже в мелочах почти как современникам – в этом их неоспоримое и неоценимое значение. Некоторые ревнители отечественной истории даже так считают, что по представляемому нам интересу они приближаются к историческому роману, превосходя его достоверностью. И в этом, пожалуй, нет никакого преувеличения.

«Ведомости» сообщали, с одной стороны, об успехах созданной Петром русской армии и строительстве флота, об открытии железорудных и иных месторождений, об организации фабрик и заводов и развитии торговли, о важных событиях русской жизни вообще; с другой же стороны – о всем том, что происходило в жизни европейских стран: о постоянных войнах, народных бедствиях и даже о метеорологических явлениях.

Вид первые «Ведомости» имели более чем скромный: формат восьмушки (то есть восьмой части листа, равной формату обычной книги), почти без полей или с очень небольшими полями, мелкий, не всегда четкий шрифт.

Поначалу газета не имела постоянного титула и называлась то «Ведомости», то «Ведомости Российские», то «Подлинное доношение», то «Реляция». Некоторые номера выходили вообще без заглавия. И лишь с 1704 года газета получает более-менее постоянный и как бы поясняющий ее общее содержание подзаголовок: «Ведомости о военных и иных делах достойных знания и памяти случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». Количество страниц было 4, 6, 8, 10, 16, а иногда и более. Тираж отдельных номеров доходил даже до четырех тысяч экземпляров.

Издавалась газета то в Москве, то в Санкт-Петербурге. Так было до 1727 года, когда она была передана Академии наук, которая вместо нее основала новый орган под названием «Санкт-Петербургские Ведомости». И тогда многие номера выходили в двух одинаковых изданиях – петербургском и московском.

Ну а после этого необходимого предисловия обратимся уже непосредственно к самой газете, поинтересуемся, о чем именно она писала триста лет назад, какие дела тогда считались достойными знания и памяти. Правда, сразу же возникает вопрос: а какими принципами руководствоваться при последующем отборе материалов? Весьма заманчиво процитировать особо интересные, наиболее полно характеризующие то время сообщения из разных номеров и разных лет. Но где критерий, который бы послужил нам компасом при определении: это север, а это юг, это более, а это менее характерно? К тому же по отдельным, пусть и очень интересным, материалам трудно, почти невозможно представить общее лицо газеты, ее направленность и сам «стиль» подачи тех или других известий. Так что не лучше ли нам познакомиться более полно с одним номером? Ну а уж если с одним, то, естественно, наибольший интерес для нас представляет первый, самый первый номер. Тем паче что до нашего времени дошел всего лишь один полный экземпляр, хранящийся в Публичной библиотеке.

Итак, читаем «Ведомости времени Петра Великого».

«На Москве вновь ныне пушек медных, гаубиц и мортиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и 12 фунтов. И еще много форм готовых великих и средних к литью пушек, гаубиц и мортиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, более 40 000 пудов лежит».

Современному читателю такое сообщение может показаться несколько странным: неужто для начала ничего более важного, чем пушки и ядра к ним, не нашлось? Но давайте вспомним: до Полтавской виктории еще далеко, а вот сражение под Нарвой в 1700 году, в котором русские войска потеряли практически всю свою артиллерию, было еще свежо в памяти и взывало к ответным действиям. И хотя вооружение армии всегда считалось государственным секретом, Петр сознательно идет на разглашение вышеозначенных сведений: надо было, с одной стороны, вдохновить народ и армию, а с другой – показать неприятелю, что Нарвой война не окончена.

Окончание на стр. 2

ЛГ-РЕЙТИНГ

● И.Ф. Богданович. **Душенька:** Древняя повесть в вольных стихах / Иллюстрации сочинял, рисовал и гравировал граф Ф.П. Толстой [Изд. подг. Л.В. Бессмертных, А.Л. Зорин, Э.В. Кузнецова]. – М.: Ладомир, 2002. – 349 с.: ил.

Первое отечественное эротическое произведение, легально опубликованное в России, которым восхищался А.С. Пушкин, а императрица Екатерина II учила наизусть, вновь переиздано с замечательными, можно уверенно сказать, бессмертными иллюстрациями Ф.П. Толстого (1783 – 1873). Героиня поэмы Ипполита Богдановича (1743 – 1803), Психея Лафонтена, ставшая сказочной русской Душенькой, возникла вроде бы для забавы автора, тешившегося игрой воображения. Однако поэма быстро была признана одним из редких шедевров русской легкой поэзии. Данное издание, несомненно, превратится скоро, если уже не превратилось, в раритет.

● Татьяна Глушкова. **После Победы** (Летопись дальнего детства). Предисл. Н. Лисовой. – М.: Ладога-100, 2002. – 464 с.: ил. – (Русская Традиция).

Впервые явленная отечественному читателю проза Татьяны Глушковой (1939 – 2001) не зря имеет подзаголовок «Летопись дальнего детства». Повествование автобиографично и охватывает время с 1943 по 1953 год, с освобождения Киева от немецких фашистов до смерти Сталина. Поэзия (кстати, «ЛГ» недавно откликалась на «молодогвардейский» ее томик) и публицистика Т. Глушковой давно и хорошо знакомы читателям. Новая книга состоит из отдельных рассказов, но они складываются в яркую мозаику цельного произведения. Память поэта преображенно воссоздала жизнь и судьбу любимой страны. Отечества, Российской империи. Усматривается параллель с «Последним поклоном» В.П. Астафьева при всей самобытности глушковского письма. Документальные фотографии отлично дополняют фактографический рельеф повествования.

● Инна Симонова. **Федор Чижов.** – М.: Молодая гвардия, 2002. – 335[1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 805).

Герой книги – доподлинно русский замечательный человек, крупный промышленник и финансист, организатор Московского купеческого сообщества, строитель многих русских железных дорог, а также увлеченный издатель, публицист-славянофил, ученый-математик, искусствовед, меценат и благотворитель. Друг писателей Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова, художников А.А. Иванова и В.Д. Поленова, Саввы Мамонтова… Книга щедро иллюстрирована и легко читается. Кстати, недавно в ЦДЛ прошел вечер памяти Ф.В. Чижова (1811 – 1877), посвященный 125-летию со дня его кончины.

ЭКСКЛЮЗИВ

«Роман высшей напряжённости»

А.И. Солженицын о романе Ф.М. Достоевского «Подросток»

Бытует мнение, что суждения большого писателя о произведениях других мастеров слова больше говорят об авторе суждений, нежели о критикуемых сочинениях. Пристрастные и взыскательные писательские разборы, как правило, содержат богатый материал по психологии творчества и имеют отчетливый оттенок литературного соперничества. Так Толстой читал Шекспира, а Набоков – Достоевского.

Однако наряду со стихией ревнивого писательского самовыражения живет и другая традиция (хочется назвать ее пушкинской) – когда писатель, становясь литературным критиком и рецензентом, отрешается от собственного творческого самолюбия и перевоплощается во внимательного, даже дотошного читателя и бескорыстного ценителя слова.

А.И. Солженицын – литературный критик и «коллекционер» литературы – наследует именно эту традицию. Медленное, пристальное, всепроникающее чтение – так можно охарактеризовать читательский и критический почерк Солженицына. Обозначу диапазон его литературных интересов: в составе продолжающегося цикла «Литературная коллекция» за последние годы были напечатаны 12 эссе (из 40 написанных), в том числе об Иване Шмелеве, Евгении Замятине, Маркс Алданове, Василии Гроссмане, Варламе Шаламове, Евгении Носове, Иосифе Бродском.

Продолжение на стр. 3

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 3787 человек. Заходите!

ОЧЕВИДЕЦ

Убитое время

Вот и наступил в России по всем календарям Новый год. На дворе святки, а страна, отсидев бессрочную смену у телевизора и отстрелявшись в замороженное небо китайскими зажигалками, вышла с хмельной головой на работу и учебу. Тройки, колядки, гадания на суженого – в свободное от работы время, да и запал уже прошел, как пропадает аппетит у того, кто пообедал, прежде чем прийти в гости. Жизнь по двойному календарю обременительна и не совсем удобна, но как ее переменить? До той поры, пока Рождество было праздником, государством не признанным, разность гражданского и церковного календарей воспринималась как вещь сама собой разумеющаяся и по-своему осмысленная, но теперь двоевременье выглядит нелепо.

Ситуация тупиковая: ни заставить страну перейти на юлианский календарь, ни тем более Церковь на григорианский невозможно. Хотя в свете наших отношений с миром переход России на старое летосчисление был бы логичным ходом и восстановлением справедливости по отношению к дням, выкинутым в 1918 году из истории. Пусть Европа вступает в НАТО, критикует нас за Чечню, не выдает преступников и не пускает наших людей в Калининград, а мы станем жить по тому стилю, по которому жила Российская империя, и никто не смел ей указывать, как себя вести. И те, кто к нам приезжают, пусть переводят не только часы, но и дни.

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь.

Это ведь очень наше, равно как и то, что **все врут календари...**

Однако есть исторические символы, которые могут быть восстановлены гораздо проще. Так, было бы весьма не худо в наступившем году вернуть народу возможность ходить в Кремль не с заднего крыльца, а через парадный вход, как это делали наши благоразумные предки. И, напротив, попросить никого не ездить через Спасские ворота на автомобилях, включая самых важных лиц. Характер времени и людей в конце концов и проявляется в таких вещах, да и вообще нехорошо, что значительная часть исторического пространства страны от страны отгорожена и приходящий в Кремль человек чувствует себя в гостях у администрации. Если на грядущих выборах какой-нибудь кандидат в президенты пообещает нынешнюю несообразность порушить и восстановить уважение к минувшему, он соберет немало голосов. Одно неловко, этим кандидатом, верней всего, окажется коммунист, говорящий про Отечество, которое когда-то его предшественники учили ненавидеть.

Геннадий Андреевич Зюганов из тех, кто любит соединять несоединимое. Он наверняка добрый и высоконравственный человек, быть может, даже крещеный, и на стене у него портрет Ленина висит, а на столе стоит икона, однако эти сближения вызывают отторжение. И не потому, что коммунизм имеет такое же отношение к Нагорной проповеди, как тело Ленина к мощам святых, но потому, что размывать границы между верхом и низом в России опасно.

Особенность наша в том – и русская история это многажды доказывала, – что мы генетически не способны к эклектике. Разнородные элементы в российском обществе не сосуществуют друг с другом в отношении политической корректности, как на Западе, но варятся в гигантском чане, и неизвестно, что в этой мирской чаше выварится. Самые лучшие намерения оборачиваются у нас провокациями, как девяносто восемь лет назад, когда священник возглавил январское шествие рабочих к Зимнему дворцу.

Коммунист, произносящий речи про патриотизм и духовность в храме Христа Спасителя, – это все равно что Гапон перед Зимним дворцом. Тут дело не в человеке, а в статусе. Не надо, чтобы православные священники шли во главе рабочих как священники. Не надо, чтобы коммунисты приходили в христианский храм как коммунисты. Пусть объединяются патриотические и народолюбивые силы, но всякому единству есть предел, а иначе оно становится абсурдным, как наше нынешнее разновременье.

Когда-то мы жили в христианской, потом в атеистической, теперь живем в языческой стране, где смешались астрологические прогнозы, восточные календари, советские песни, американские фильмы, заморские забавы, православные святыни, Новый год, Рождество, грядущий через месяц день святого Валентина, а затем Восьмое марта. На первый взгляд ничего дурного по сравнению с недавними временами тут нет: каждый волен выбирать свое, и никто не смеет другого принуждать или поучать, как жить, да только на деле все это оборачивается не свободой, а еще более изощренным способом порабощения и управления людьми и выхолащиванием сути именно по той причине, что русская душа не умеет все раскладывать по полочкам. Мы живем в своем пестром мире, построенном взамен коммунистического моноцвета, не задумываясь над тем, до какой степени от него зависим и как отражаются его черты на нашей психике и психике наших детей. Мы вспоминаем сегодня все подряд, кроме разве что двуликого бога Януса, бога входов и выходов, бога дверей, отпирающего и запирающего, обращенного в старый год и в новый, в честь которого древние римляне и назвали первый месяц нового года январем.

Этот древний языческий божок, носящийся бесенком над нашей заснеженной землей, считается символом лицемерия и двоемыслия. И не напрасно. Лицемерия и лицедейства в жизни всегда было предостаточно, и, по всей видимости, в наступившем году его будет не меньше, потому что в том ларце и находится ключ к манипулированию общественным сознанием.

Каковы люди – таково и время. Когда-то Константин Леонтьев говорил, что Россию надо подморозить. Сегодня это делает природа с усердием, превосходящим всякую надобность, а разгоряченная Россия освоила новую жизнь и веселится. Утратившие смысл бесконечные праздники стали в ней принудительной работой, после которой надо долго приходить в себя. Для кого-то это хороший бизнес, кто-то назовет это пиром во время чумы. А это просто убитое время, которого никто не знает, сколько нам осталось. Впрочем, если переменить календарь, можно отыграть у вечности тринадцать дней.

Алексей ВАРЛАМОВ

Печать и воля

● Олег ПАВЛОВ,
лауреат Букеровской премии 2002 года:

– Современная пресса мне не нравится. Она совсем ничего не рассказывает о человеке, о нашем современнике. Такое ощущение, что газеты живут сами по себе, у каждой своя маленькая ниша и своя маленькая задача. Из газет ушли целые жанры. Например, очерк, тот жанр, который и рассказывал о судьбах людей. Зато очень много всякого политиканства. И информативно однообразная масса сообщений не о главном, во что и погружают читателя. Единственное, что я сейчас читаю в газетах – криминальную хронику. Только там и осталось место человеку, пусть он там и представлен в страшненьком виде. Современная пресса не смогла преодолеть убогость прессы советской. Может быть, потому, что так и не стала свободной. Поскольку у нее все равно есть хозяин. Общество не является главной опорой средств массовой информации в России. Поэтому и СМИ не всегда действуют в интересах общества. Журналистика становится все более скучной профессией. Предсказуемо практически все, что можно прочесть. Почему-то исчезли громкие журналистские имена, на которых и держалась раньше пресса. У каждого такого журналиста была своя тема. Сейчас это исключение. А это значит, что темы журналистскими массами осваиваются поверхностно. И ответственности стало меньше – как профессиональной, так и гражданской. А что сказать хорошего? Ну, 300 лет-то все-таки продержались. И дай Бог, чтобы через какое-то время смысл вновь вернулся в эту бумагу с буковками.

● Никита ВЫСОЦКИЙ,
директор Государственного музея Владимира Высоцкого:

– Журналистика редко бывает добра, чаще она равнодушна или даже безжалостна. Приведу пример, мне наиболее близкий. При жизни Высоцкого о нем писали мало, в основном искусствоведы и театроведы. Но о нем и без того были прекрасно осведомлены едва ли не все жители СССР. Так что внимание печати отцу, в общем-то, и не требовалось – он давал «интервью» людям своими песнями. Помните: «Я все вопросы освещу сполна...»

После его ухода хлынул поток публикаций, который не иссякает уже 20 с лишним лет, но благодарить за них я могу далеко не всех авторов – иные были попросту необъективны, другие, образно говоря, лишь рвали цветы с его могилы. Но, к счастью, оказалось больше тех журналистов, которые помогли моему отцу – увы, слишком поздно – занять достойное место в литературе и в искусстве XX века. Впрочем, выслушивать хвалу и клевету в свой адрес – удел гениев...

● Раиса СЕМЕНОВА,
учительница:

– Общая проблема детей XXI века, и это ни для кого не новость, – их нелюбовь к чтению. Вторая особенность – они практически не интересуются тем, что происходит вокруг, не читают газет. Приобщаются к этому только в 10–11-х классах. Причем большинство, к сожалению, знакомится прежде всего с «желтой» прессой. С теми изданиями для подростков, где лишь советы да шутки «ниже пояса».

Но влияние на детей средств массовой информации надо рассматривать только в связи с влиянием СМИ, и прежде всего телевидения, на родителей. Особенно негативным оно было в начале девяностых, когда страну захлестнул поток западной некачественной, но тогда для нас «передовой» информации, неталантливого кино и бездарного шоу. Это был период расшатывания нравственных основ, романтизации образа «крутого парня», «плохишей». И эта поэтизация блатного мира, конечно, деформировала сознание не только детей, но и взрослых.

Сейчас, как мне кажется, общество уже пресытилось запретным плодом и потихоньку начинает осознавать важность подлинных ценностей. Оказывается, одних денег недостаточно. Родители стали контролировать, фильтровать информацию, поступающую детям. Так что будущее все же не за жареными фактами, не за американскими мультиками, блокбастерами и триллерами. Просветительская традиция российской журналистики обязательно возродится, потому что именно на нее будет спрос. Наши дети уже поворачиваются лицом к русскому наследию, как ни странно, даже у них, не живших в советский период, появилась ностальгия по тому времени, по тому кино, по той сказке, в которой человек был уверен в завтрашнем дне.

● Георгий ГОЛИЦЫН,
академик :

– Я регулярно слушаю утром информационные передачи по радио, вечером смотрю телевизионные программы. Газет же практически не читаю, за исключением «Литературной газеты». Их многообразие уже перестало интриговать, как это было в первые годы «гласности и открытости». И многое, к сожалению, раздражает, особенно в наиболее массовых и «нестеснительных» газетах, озабоченных сверхпопулярностью. Как выражается один мой американский коллега, им свойствен «специфический отбор фактов». Это мягко выражаясь, а говоря напрямую, из сотни, скажем, фактов, касающихся данной проблемы, предвзято и односторонне отбираются несколько угодных для собственной, как теперь говорят, пиаровской задачи, а все остальное умалчивается. В науке так не принято, и я все-таки призвал бы журналистское исследование приближать к научному. Ведь его вывод не менее важен для общественного сознания, чем научный результат для развития прогресса.

Не спорю, однобокостью и тенденциозностью страдала и советская однопартийная печать. Но наиболее яркие и мыслящие журналисты все же умели доводить свои наблюдения и суждения до читателя через бетон «идеологического заказа». Кроме того, и мы умели читать «между строк», что довольно-таки оттачивало читательский ум, являясь своего рода интеллектуальной тренировкой. Сейчас между строк читать нечего, разве что догадываешься, кто заказчик, и поток оголтелой тенденциозности, прямо скажем, развитию мышления не способствует. И западная печать страдала тем же самым – в разгар «перестройки» на одной международной конференции с участием зарубежных журналистов они открыто признали, что печатали про Советский Союз отрицательную информацию.

Вопрос «возможна ли другая печать» очень сложный и связан с ее истинной, а не мнимой экономической независимостью. Поэтому сейчас важно, борясь с недостатками прессы, все же не выплеснуть с водой и растущее дитя настоящей гласности и открытости, без которых невозможно демократическое общество.

● Виктор ПОНЕДЕЛЬНИК,
олимпийский чемпион, заслуженный мастер спорта:

– Нынешняя журналистика для меня – это синоним некомпетентности, неважного знания русского языка и зачастую неуважения к предмету, который обсуждают на страницах газет, журналов и на телевизионных экранах. Имею в виду прежде всего тех, кто освещает спортивную жизнь, и думаю, что вправе критиковать, поскольку долгое время возглавлял отдел в весьма популярной в свое время газете «Советский спорт», а позже был главным редактором в не менее известном еженедельнике «Футболхоккей».

Добавлю, что такой вопиющей некомпетентности, какую демонстрируют мои коллеги, пишущие и на другие темы, еще лет десять – пятнадцать назад не потерпело бы ни одно уважающее себя издание. Да, в советские времена журналисты находились под жесточайшим прессом цензуры, но уровень их профессионализма не подвергался сомнению.

В наши же времена можно писать о чем угодно. Но это вовсе не значит, что можно это делать как угодно – думаю, в журналистике, как и в медицине, актуален лозунг «Не навреди!». То есть вред, нанесенный неправильным лечением и... пером, может быть идентичным. Известны же примеры, когда человек, прочитав о себе заведомую ложь, от расстройства попадал на больничную койку...

● Анатолий ПРИСТАВКИН,
прозаик:

– Во времена советские, когда серьезная пресса у нас практически отсутствовала, она и не соответствовала той важности задач, которые позволяли бы назвать ее четвертой властью. Даже существовавшие властители дум состояли на корму у власти. И для меня явилось настоящим открытием, что после известных перемен в стране пресса так легко и свободно заговорила. Мне-то казалось, что она кастрирована и в состоянии лишь повторять зады из постановлений пленумов. Правда, теперь пресса зависит от коммерческих структур, и ведущие перья также находятся на корму. Но это нормально. Пресса и не может быть полностью независимой. И теперь совершенно понятно, что без газет и журналов жить просто невозможно. Я имею в виду хорошую прессу. Ну а «желтая пресса», существование ее рядом с хорошей неизбежно. Это как тараканы, куда ж без них? Но сегодня многие считают, что наибольшее достижение последних десяти лет – наша пресса. И когда после известных трагических событий на Дубровке зашел разговор о контроле над прессой – все поднялись на дыбы. Потому что без свободной прессы существовать невозможно! При этом я исключаю из разговора наше телевидение. Это нечто чудовищное и к прессе не имеет отношения. Надо помнить, что во все времена и в разных цивилизациях существовала респектабельная пресса и та, через которую что-то сливают. И это нормально. Нормальное, здоровое общество ориентируется на нормальную, здоровую прессу.

● Вячеслав ВОЛОДИН,
руководитель думской фракции «Отечество – Вся Россия»

– Сегодня в стране выходят тысячи газет самой разной направленности, идей и взглядов. Люди получили возможность выбирать, откуда черпать информацию. Сегодняшние газеты дают картину мира во всем его многообразии, а не «стригут» события под одну гребенку. И это наше главное достижение в области СМИ за последнее десятилетие.

Хотелось бы видеть российскую прессу более независимой. Сейчас, читая ту или иную газету, приходится постоянно иметь в виду, кому она принадлежит, какие финансово-промышленные группы за ней стоят. И информация воспринимается уже через призму этих данных. Впрочем, через эту ступень становления демократической прессы прошли многие развитые страны. На следующем этапе независимость и самодостаточность становится главным рыночным условием существования газеты. Стоит один раз солидной газете встать на сторону чьих-то корпоративных интересов – рейтинг падает: людям становится неинтересно читать «адаптированную правду».

Надеюсь, мы, депутаты Госдумы, существенно помогаем прессе, пытаясь максимально дать ей возможность работать независимо. Буквально под занавес прошлой сессии был принят внесенный фракцией «Отечество – Вся Россия» закон, продлевающий налоговые льготы для печатных СМИ на производство, распространение, рекламную деятельность. Это позволит многим, особенно региональным СМИ не только сохранить независимость, но и просто выжить в сложнейших рыночных условиях. А в конечном счете выиграют читатели.

● Сергей БАБУРИН,
председатель Партии национального возрождения «Народная воля»:

– Хорошо, что за последние 10 – 15 лет колоссально расширились возможности прессы в плане технической, технологической и интеллектуальной оснащенности. Плохо, что так же колоссально ухудшилась структура потребителей прессы. На порядки уменьшилось число людей, постоянно читающих газеты и журналы. Зато возрос намного объем времени, затрачиваемого народом на просмотр телевизора и слушание радио.

Очень яркие черты современной прессы – ее агрессивность и безответственность. Редко сегодня встретишь в изданиях публикации о чем-то вечном или хотя бы просто о добром. Сплошные катаклизмы, потрясения, впечатление такое, что для нас главное – не новости о жизни, а вести с полей сражений и криминальная хроника. И эти перекосы никто не собирается устранять.

Негативный результат развития прессы последних лет – падение доверия к печатному слову. Если раньше слово, прочитанное в газете, воспринималось если не как истина, то, по крайней мере, как значимая информация, то сегодня привыкли, что разные газеты публикуют диаметрально противоположные описания событий и характеристики одних и тех же лиц. Люди уже привыкли к тому, что за деньги можно опубликовать что угодно. Редкая газета не замарана в этих грехах.

Почти полностью пропало внимание к публикациям в прессе со стороны органов государства. Часто в газетах читаешь чудовищные, с уймой доказательств сообщения о совершенных преступлениях. Но реакция со стороны прокуратуры, милиция – нулевая. Это недопустимо! Отсутствие ответа действием со стороны власти на публикации в прессе – показатель кризиса государства.

Чтобы улучшить положение с прессой, нужна более ощутимая степень ответственности прессы за диффамацию – за публикацию ложных, клеветнических и оскорбительных материалов. Вплоть до того, что газеты должны разоряться, если они кого-то оклеветали.

Необходимо предусмотреть дисциплинарную и уголовную ответственность должностных лиц любых уровней за отсутствие их реакции на сообщения прессы о совершении общественно опасных деяний.

Надо обязательно сохранить многообразие собственников газет – должны быть издания частные, государственные, политических партий и общественных объединений. Только тогда у нас свободное слово будет гарантировано.

Петра творенье

Окончание. Начало на стр. 1

Никаких разделов и рубрик в газете пока еще не было, и сразу же за информацией о военных делах шло сообщение о тогдашнем состоянии культуры, в частности, образования: «Повелением его величества школы умножаются и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили. В математической штюрманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

Далее дается краткая демографическая справка: «На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек».

На этом, так сказать, официальная информация заканчивается, и идут сообщения из-за рубежа вперемежку с вестями из российской провинции.

«Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому Государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут: На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль Московскому государству.

Из Сибири пишут: В китайском государстве иезуитов велми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертию казнены».

Вы, конечно, уже обратили внимание на язык донесений: ни одного пустого или лишнего слова, суть каждого события описывается лаконично, точно и впечатляюще. Однако же это вовсе не значит, что писец или правщик-редактор, готовившие сообщения к публикации, придерживались лишь одного, краткого, говоря по-нынешнему, телеграфного стиля и чуждались более пространной информации. Следом же за Сибирью идет сообщение из Олонца, и происшедшее там событие развертывается в широкую, прямо-таки панорамную, картину.

«Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж в свейскую границу и разбил свейские Ругозенскую, и Гиппонскую, и Сумерскую, и Керисурскую заставы. А на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтарское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих. А достальные пожитки и хлебные запасы, коих не мог забрать, все пожег». И это еще не все. Далее описывается, сколько на тех заставах было «шведской конницы и пехоты убито и сколько ушло. А из попова войска только ранено солдат два человека».

Смотрите-ка, о слоне и иезуитах – краткая, в несколько слов, информация, а тут – целая газетная страница! И это, вообще-то, легко объяснимо. Во-первых, согласитесь, событие не рядовое, а из ряда вон выходящее: ведь не какой-то отставной вояка, затосковавший по лихим сражениям, не молодец-удалец, у которого взыграла шальная кровь, а священник, служитель Бога, влез на колокольню своего храма, ударил в набат (других средств оповещения тогда не было) и, собрав не десяток, не сотню, а тысячу охотников, безбоязненно переступил с ними границу могущественного по тем временам вражеского государства. А во-вторых, взаимоотношения России и Швеции были тогда не умственно-отвлеченными понятиями, а насущнейшей злобой дня: до Полтавы было так же далеко, как и до Персиды.

(В завершение сего исторического сюжета, немного забегая вперед, скажем, что Петр, узнав о походе за свейскую границу, отметил попа Окулова ценной царской наградой.)

О чем еще поведали «Ведомости» в своем первом номере?

«Из Львова пишут: Силы казацкие во главе с полковником Самусем умножаются, городом Немировым овладели и уже намерены Белую Церковь добывать, и чают, что и тем городом овладеют... Литовский гетман едет к своему войску. А войско шведское частию в Казимере, частию в Сандомире стоит и сказывают что через великую Польшу в прусскую землю пойдет».

Опять новости военные:

«Крепость Орешек высокая, кругом глубокою водою объятая, крепко московским войском осажена, но по се время невеликий убыток ей учинен и еще много трудов имети будут, покамест той крепостью овладеют».

И последнее сообщение:

«Из Архангельского города пишут, что в сентябре его царское величество войска свои в различных кораблях на Белое море запровадил... А в самом Архангельском городе на новой крепости на Двинке нареченной 600 солдат ежеденно работают».

Как видим, и начата газета сообщением о растущем военном могуществе России, и тем же – укреплением ее северных границ – окончена.

В заключение остается напомнить, что описание такого, отнюдь не малого множества событий уместилось всего-то навсего на четырех небольших страничках газеты.

Вот какой была наша первая русская газета.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

❑ Вечер поэзии, посвященный 85-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева, прошедший недавно в Большом зале Центрального Дома литераторов, собрал многочисленных друзей поэта и его собратьев по перу. Из Калмыкии приехал Давид Кугультинов, из Адыгеи – Исхак Машбаш, из Татарстана – Ренат Харис, из Башкортостана – Равиль Бикбаев, из Кабардино-Балкарии – земляки Кайсына Танзиля Зумакулова, Хачим Кауфов, Алим Тенпеев. Открывший вечер председатель исполкома Международного сообщества писательских союзов Сергей Михалков сказал, что «в этот вечер вновь ощутил атмосферу того времени, когда в течение 20 лет работал в Союзе писателей России и все руководители союза были озабочены желанием объединить и поддержать талантливых певцов республик России».

Юбилей поэта широко отмечала общественность Кабардино-Балкарии. Присутствовавший на вечере вице-премьер республики Хаути Сохроков сказал, что на торжественном вечере в Нальчике, посвященном 85-летию К. Кулиева, выступал президент республики В.М. Кеков, поставивший в заслугу поэту то, что он «в своей поэзии воспел человека и его любовь к родному краю. Его завет: «Мир и радость, вам, живущие!» Правда – высшее божество поэта. Испытания не испепелили его, а закалили. Он делал свой малый народ – большим. И малые народы обогащают мировую культуру».

❑ В последнем номере уходящего года «ЛГ» опубликовала большой обзор – «Круглые даты в 2003 году». Конечно, круг юбиляров в году наступившем гораздо шире. Мы и в дальнейшем будем пополнять их список. А пока напоминаем любителям литературы, что в 2003 году исполняется 85 лет Михаилу АЛЕКСЕЕВУ и Семену ШУРТАКОВУ, 80 лет – Виктору КОЧЕТКОВУ, 75 лет – Николаю ДОБРОНРАВОВУ и Анатолию ИВАНОВУ.

❑ В январе исполнилось бы 80 лет замечательному поэту Борису Алексеевичу ЧИЧИБАБИНУ (1923–1994). Долгое время творчество его оставалось неизвестным российскому читателю. Находясь в идеологическом конфликте с властью, поэт был лишен возможности нормально творить и печататься. Изменения в обществе вернули Чичибабина читателю. А в 1990 году за книгу «Колокол» Борис Алексеевич получил Государственную премию СССР.

❑ Литературная общественность Монголии отметила 75-летие со дня рождения известного монгольского поэта, прозаика, драматурга Чойжилына ЧИМИДА (1927–1980). Он в совершенстве владел русским языком и очень любил русскую литературу. В течение ряда лет был секретарем правления Союза писателей Монголии. Чимид первым познакомил монгольских читателей с драматургией Шекспира, осуществив перевод трагедии «Отелло». Переводил он Пушкина, Лермонтова, Толстого, Маяковского и других отечественных литераторов. Чимид неоднократно выступал на страницах «Литературной газеты».

❑ Накануне Нового года в Москве, в Международном центре славянской письменности и культуры праздновал четвертый день рождения журнал «Бельские просторы». Учрежденный Кабинетом министров Республики Башкортостан ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал выходит на русском языке тиражом более трех тысяч экземпляров. Через русский язык многие талантливые национальные писатели получают возможность выйти на всероссийское культурное пространство. Именинника в лице главного редактора Юрия Андрианова поздравляли скульптор В. Клыков, секретари СП России В. Сорокин и Н. Переяслов, общественные, политические и культурные деятели Республики Башкортостан.

❑ Опрос британских детей выявил, что лишь 32% из них знают, кто такой был их соотечественник Вильям Шекспир. Остальные не имеют о нем никакого понятия. Зато очень хорошо разбираются в терминах поп-культуры, могут бесконечно перечислять имена своих идолов. Они прекрасно знают, где и когда родились и чем знамениты Гарри Поттер и Дэвид Бекхэм. Исследование было проведено среди подростков 10–12 лет издательством Оксфордского университета, приступающим к изданию новой детской энциклопедии. Теперь редакторам придется немало поработать, чтобы вложить в нетронутые умы молодых англичан знания о литературе и истории собственной страны. Наши дети, к слову, в большинстве тоже без запинки ответят: Гарри Поттер – детский литературный герой, а Дэвид Бекхэм – футболист.

❑ После многолетнего перерыва Союз писателей России вновь приступил к изданию собственной серии книг российских писателей. Первым в серии вышел сборник публицистики «Российская литература в начале века». В него вошли фрагменты наиболее актуальных публикаций и стихотворения последних лет отечественных литераторов. Интересны и выступления молодых критиков «новой волны».

❑ Комиссия при президенте Российской Федерации по Государственным премиям Российской Федерации в области литературы и искусства до 1 марта 2003 г. принимает документы на соискание Пушкинской премии в области поэзии. Премии на конкурсной основе удостаиваются авторы поэтических произведений, чье творчество продолжает лучшие традиции российской словесности и является значительным вкладом в художественную культуру России.

Выдвижение претендентов осуществляется федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предприятиями, учреждениями и организациями, общественными объединениями, учебными заведениями, редакциями газет и журналов.

Документы и материалы направляются по адресу: 103132, Москва, Старая пл., д. 4, п. 6. Комиссия при президенте Российской Федерации по Государственным премиям Российской Федерации в области литературы и искусства. Необходимую информацию можно получить по телефону 206-26-90, факс 206-35-36.

Литературный конкурс

«Литературная газета» и Общероссийская общественная организация содействия воспитанию молодежи «Идущие вместе» объявляют литературный конкурс на лучший рассказ (объемом до 1 а.л.) современного молодого автора (до 35 лет), проживающего в Москве и Подмосковье, для сборника «Современный московский рассказ». Настоятельная просьба – не присылать произведения порнографической тематики и содержащие ненормативную лексику.

Срок подачи – до 15 марта 2003 года.

Почтовые отправления посылать по адресу: «ЛГ», Виктору Широкову, Костянский пер., 13. Москва, 103145. Тел. 208-98-96.

E – mail: iv@idushie. ru

Для тех, кто книгу любит, как жизнь

В следующем номере мы выпускаем очередной «Книжный салон». В этом проекте участвуют успешные издательства «София», «Алгоритм», «Ладога-100», «Эра», «Юристъ-Гардарика».

Из учебных заведений проявили интерес к «Книжному салону» Московский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова, Финансовая академия при правительстве РФ.

Есть интересные статьи и рецензии, в том числе на книги, о которых просили рассказать наши читатели.

Начинаем новую дискуссию. Будут опубликованы отклики наших подписчиков на материалы прошлого «Книжного салона».

Татьяна ДРАГНЫШ, *шеф-редактор «Книжного салона»*

Умер Вольфганг Казак. Знаменитый славист, а также переводчик на немецкий язык произведений В. Каверина, К. Паустовского, В. Розова, А. Солженицына и В. Тендрякова. Первый почетный доктор Литературного института имени А.М. Горького. Наибольшую известность в нашей стране ему принес «Лексикон русской литературы XX века» (М.: РИК «Культура», 1996).

Скорбим вместе с родственниками, друзьями и коллегами покойного. Память о В. Казаке останется надолго.

«ЛГ»

«Роман высшей напряжённости»

А.И. Солженицын о романе Ф.М. Достоевского «Подросток»

Окончание. Начало на стр. 1

В моем распоряжении – написанное в Вермонте в 1992 году эссе А.И. Солженицына с разбором романа Ф.М. Достоевского «Подросток», один из 28 не опубликованных пока этюдов «Литературной коллекции», единственная специальная работа писателя, посвященная сочинениям Достоевского. Чтение и осмысление Достоевского, давно ставшие весомой частью духовного и творческого пути Солженицына, всегда были абсолютно свободны от корпоративных недостатков или научных пристрастий, не зависели от академических стереотипов и общепринятых мнений. Так же обстоит дело и с восприятием «Подростка»: писатель даже признался, что удовлетворительного разбора этого романа ему до сих пор не встретилось.

«Как-то так получилось, – пишет Солженицын, – что "Подростка" я никогда не читал, сейчас [т. е. в 1992 году] впервые». Таким образом, роман «Подросток» был прочитан в первый раз, когда основные вещи Достоевского (и художественные сочинения, и публицистика) были достаточно освоены, а ключевые, жизнеустроительные выводы из них – извлечены. Тем интересней общая оценка романа «великого пятикнижия» – не только в свете «остального» Достоевского, но и на фоне своих собственных сочинений: «Подросток» попадает в сферу читательского интереса Солженицына уже после «Красного Колеса». Важно подчеркнуть, что эссе о «Подростке» – это результат первого и свежего чтения; и написано оно так, как вообще пишутся критические статьи о совсем новых произведениях. Такое чтение – посвежу – сильно отличается от исследовательского (повторного, многократного) восприятия художественного текста и, несомненно, имеет свои преимущества.

«От великих романов Достоевского, – пишет Солженицын, – эта книга отличается тем, что [в ней] *почти* не подняты великие вопросы и коллизии (всё-таки коснулся). Но именно тут, не вторгаясь глыбами великих вопросов, он и больше всего выказывал художественное *мастерство*: тут-то оно и видней всего, в чистом виде, – а в тех романах можно было и усомниться. На простейших бытовых ситуациях и распространённых человеческих страстях – он создаёт роман высокого мастерства, тонкости, высшей напряжённости и головокружительного сюжета. В психологии – и всегда у него очень тонкая вязь, глубоко, интересно, часто неожиданно. Но здесь – поразительные пируэты психологии, вихри, каскады догадок, предположений, неожиданных дальних связей. Бездны перемен настроений, скрытых мотивов – непредсказуемая и порой неуловимая психотехника. Охват психологии и проницание в неё – у него сверхчеловеческие. Он пристально услеживает каждый промелькнувший психологический хвостик – и ещё потом использует многие. Неисчерпаем в находках».

Однако, по мнению Солженицына, эта психологическая виртуозность, порою избыточная, порою даже искусственно нагнетаемая, когда прослеживается второй, третий и даже четвертый внутренние слои, может и утомить читателя, и ему уже трудно поверить в реальность изображаемого. Избыток психологии неизбежно прорывается в болезненность, герои теряют над собой контроль и срываются; «не свойство ли это самого автора?» – задумывается Солженицын. Так «сложнейший, интереснейший и всю книгу загадочный образ Версилова – крайне упрощается тем, что он просто впадает в сумасшествие. Блистательно, многогранно, многопеременчиво построенный Подросток – тоже "идёт к душевному заболеванию"... А просто истерику, запредельное возбуждение на грани душевного нездоровья – испытывает и ещё половина персонажей».

«Достоевскому, – размышляет Солженицын, – как будто противопоказано понять и передать насквозь душевно-здорового человека, или такой ему неинтересен? По этому контрасту теперь понимаю, почему я всю юность и до тюрьмы отталкивался от Достоевского».

И все же автору «Красного Колеса», анализирующему роман Достоевского, трудно оставаться на позиции внимательного доброжелательного читателя или «внешнего» критика. Увлекшись чтением (а писатель не скрывает, насколько сильно увлекся романом), он смотрит на него с самой интригующей творческой точки зрения – «как это сделано»: «как задумано и как выполнено».

Среди самого главного, что составляет суть романного мастерства, – сюжет, искуснейшее плетение повествовательного полотна. «Сюжет-интригу он [Достоевский] плетёт как будто из ничего: из десяти пальцев, всего из десятка персонажей, – но как неистощимо изобретательно! Какие бесчисленные головокружительные повороты сюжета! Добивается огромной напряжённости, захвата. А к финалу – умудряется и ещё убыстрить, усилить вихрь перемен и действий. И всё время – новые и новые импульсы-удары по сюжету – не дать ему успокоиться. Нагромождает случайности в таком количестве, что и сам пишет: "сыпались как из рога изобилия"».

Однако это же стремление Достоевского построить сюжет так, чтобы, «не дать ему успокоиться», порой достигает, как кажется Солженицыну, обратного результата, – когда писатель динамизирует действие явно искусственными приемами и эпизодами. «Общей виртуозной накрученности событий читатель порой уже и не выдерживает. Чуть прервёшься в чтении – уже что-то пропустил, забыл, не помнишь того прежнего, что вдруг упомянуто. Я читал по главе каждый день без перерывов – и то порой не вспоминал: на что тут намёк? на какую прошлую сцену? А это вот отчего: при всех психологических вихрях, бурях, неожиданностях – у него всё-таки не достает в "Подростке" *рельефа* событий. Все эти психологические зигзаги не умещаются: читаешь дальше, – а что-то прежнее забываешь. Слишком злоупотребляет он и примитивным приёмом неожиданных, неожиданных, неожиданных встреч».

Знаменательно, что Солженицын, читавший «Подростка» почти сразу по окончании «Красного Колеса», создавший протяженное многотомное повествование с огромным количеством лиц, втянутых в вихревое действие, обнаруживает в романе Достоевского родственную манеру организации художественного материала. Речь идет о методе, который уже с «Августа Четырнадцатого» назван писателем «методом Узлов», «узловых точек»; то есть такого построения повествования, при котором события огромной протяженности концентрируются на малых отрезках времени. «Я выбираю малые отрезки времени, по две недели, по три, где – или происходят самые яркие действия, или закладываются решающие причины событий. И я описываю подробно только вот эти маленькие отрезки. Это и есть Узлы. Так, по узловым точкам, я как бы всю форму движения, всю форму этой сложной кривой передаю. "Август Четырнадцатого" – первый из таких Узлов» (интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения. Кавендиш, 31 октября 1983 г. // Александр Солженицын. Публицистика. В 3-х т. Т. 3. Ярославль, 1997. С. 173).

С точки зрения Солженицына, испытавшего «метод Узлов» в практике создания огромной эпопеи, роман «Подросток» также написан Узлами. «Вся I часть – два дня, потом перерыв два месяца. После II части – девять дней беспамятства Подростка, перерыв. Между бурно взрывной, немыслимо уплотнённой III частью и Заключением – полгода (в нём – традиционное распутывание, закончание сведений)». «Метод Узлов» в экстраполяции на «Подростка» показан как художественно оптимальный: при таком головокружительном сюжете только и возможно повествование по «узловым точкам».

Но конечно, главное внимание Солженицына-критика (и восторженное сочувствие Солженицына-читателя!) направлено на центральных героев. «Самая большая удача романа, – считает Солженицын, – характер Подростка. С какой чуткостью это понято, перенято, подхвачено – 55-летним автором! Столь много раз показать нам эти изломы и вспрыги настроений – и ни разу не спуститься до прямых пояснений читателю! Подросток никогда не знает, чего именно он хочет и в какую крайность кинется через минуту. Капризнейшие извороты характера. Как верно передан возраст! – многоголосно, в многоизломанном движении. Несдержан, неуравновешен, дерзок, всё время срывается, нетерпим, груб, разбросчив... Порывистость и переменчивость подросткового возраста – исключительно удалась, сквозь весь роман, – а ведь как этого трудно достичь, неизмеримо трудно! Удивительные совмещения и чередования несовместимостей в мыслях и чувствах – и сколько раз! Истерические выходки. Всё мечется... То, в доме молодого князя Сокольского, наглая развязность при аристократах; то, вслед, заплакал, узнав, что сестра беременна. Не имея ни опоры, ни обоснования, кидается в наглость против Стебелькова. (И – детское, услужливое рабство в пансионе, у Тушара, когда и была так ранена надолго впредь его душа...) То вызвать на дуэль князя Сокольского, то тут же – развязная дружба с ним. И "идея" стать Ротшильдом через многолетнее воздержание (антитеза страсти игрока)... Внезапно обнажить мысли в незнакомой компании... Мелочно-злобные выпады против женщин (у старого князя; а сам, затаённо, их-то и жаждая)... Чего Подросток хочет от Ахмаковой? Любви, конечно, хоть она постарше его. Но всё это – зыбко переменчиво, и отношения и намерения к ней качаются в огромной амплитуде. И как верно: это позднее раскаяние над платочком бедной матери, к которой при товарищах отнёсся так грубо».

Роман «Подросток», считает Солженицын, отмечен самой оригинальной фабулой, которая даже и не встречается в русской литературе, – «переменчивым романом между отцом и сыном». «Тоска мальчика по неуловимому, необъяснимому и бросившему его отцу. Главное чувство: разгадать тайну отца, найти в нем высоту идеала (с надеждой, что он вообще содержится там), отдаться любви к отцу, но – и что б он же оценил и полюбил сына... Побранясь с отцом – и тут же кидаться на дуэль за его честь... Какая тонкая разработка психологии! И всё это ещё осложнено двойной ревностью: отца – к Ахмаковой, и: зачем отец бросил мать?»

Не меньшей удачей романа, помимо молодого героя, Аркадия Долгорукого, Солженицын считает образ Версилова – по сложности, загадочности, непостижимости. Солженицына поражает многослойность Версилова: в нем переплетено доброе, разумное, временами мягкое – с коварным, лицемерным, жестким и несдержанно безумным. «Сколько раз открываются новые слои. Вот – он несомненно любит сына, проснулись годами не существовавшие в нем отеческие чувства, даже чрезвычайно дорожит его мнением... вот с таким сочувствием выслушивает рассказ сына об Ахмаковой, – а на самом деле это он выведывает для своего шага-удара... Повороты на 180° делаются автором не раз и с лёгкостью, – но они начинают создавать и ощущение истерики. И эта вечная двойственность, и запрятанная истерика вдруг разрешаются сообщением о "двойнике" и потрясающей сценой: как душевно завещанную икону Макара – им же, Версиловым, не раз обманутого, и уж кажется так примирясь с ним перед его смертью – вдруг разбивает пополам о печку!»

Однако, так же как и в других случаях прорыва героев в болезненность, впадение Версилова в буквальное сумасшествие снижает всю ценность достигнутой сложности. Это разочаровывает Солженицына. «Правда, – замечает он, – и автор [Достоевский] затем отступает от версии сумасшествия – в "двойника". Но и в его (Версилова) нравственное выздоровление также не верится. И вполне в его духе отказаться от говения так: "Я очень люблю Бога, но вот к этому я не способен". Да, собственно, про себя же он и говорит: "Женевские идеи – это добродетель без Христа"».

Хотя в «Подростке», как считает Солженицын, почти не подняты *великие вопросы* и *коллизии*, от внимания критика не укрылось то обстоятельство, что именно Версилову отдано несколько «обширно-высоких мыслей», и даже собственно все мысли, какие в этом романе есть. Прежде всего любимые мысли Достоевского о всемирном гражданстве и о том, что высшая русская мысль есть всепримирение идей. И – рассуждение о дворянской элите («Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу избранных»). И – мысль о синтезе русскости и европейства: русский становится наиболее русским именно тогда, когда он наиболее европеец; русскому Европа так же драгоценна, как Россия, каждый камень в ней близок и мил; русским дороги чудеса старого мира, эти осколки «святых чудес» дороже, чем самим европейцам.

Очень красивым и выразительным находит Солженицын и монолог Версилова по поводу картины «Асис и Галатея» Клода Лоррена – о минувшем «Золотом веке» человечества. «Версилову же (но уже очень по адресу) вкладывает [Достоевский] ту ловко скроенную фантазию, как именно с рубежа отказа от Бога люди особенно нежно возлюбили бы друг друга. И как художник – Достоевский сам этой идеей как будто увлекается, строит её с предельным мастерством. И вот примечательный приём: не выставляет ей ни единого словесного возражения тут! (Да ведь Подросток и не способен его изыскать.) А сценой разбива иконы – как молнией освещает и опровергает: то есть возражение дано *действием*, а не аргументами. И: какая же порча души интеллигентного дворянина (из той самой "тысячи" элитарной). И – какой сигнал нашим следующим поколениям. (Но автор переживает: этот разбив иконы вдруг снится старому князю, перебор)».

Солженицын подробно останавливается на «экстракте всех промелькнувших важных мыслей», которые переданы в романе разным персонажам.

Это прежде всего идея Крафта («самоубийцы с довольно непонятными мотивами») – о русских как о породе второстепенных людей и о том, что в качестве русского не стоит и жить. Эта мысль, замечает Солженицын, находит почву в социалистическом кружке Дергачева – русский народ, дескать, есть народ второстепенный, и ему предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества; потому, считают социалисты, и всякая дальнейшая деятельность всякого русского человека должна быть этой идеей парализована.

И еще одна мысль Крафта впечатляет Солженицына – о том, что в России скрепляющая идея совсем пропала: все живут точно на постоялом дворе и не далее как завтра собираются вон из России. «В то время ещё нет [то есть скрепляющая идея ещё не пропала], но Достоевский угадал на 115 лет вперёд». И эта же мысль, мучившая Достоевского, находит отклик у заключающего роман «рецензента» – мечтающего о том, что когда-нибудь будет в России хоть какой-нибудь да порядок, и уже не предписанный, а самими наконец-то выжитый... Хоть что-нибудь, наконец, построенное, а не вечная эта ломка, не летящие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже лет двести все ничего не выходит...

Немногие из общих идей и «обширно-высоких мыслей» оставлено высказать и Подростку. Солженицын имеет в виду характерное наблюдение Аркадия Долгорукого о способности человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе высший идеал рядом с величайшей подлостью. На такие противоречия, замечает Солженицын, у Достоевского особенно острое зрение, но, может быть, порой он видит противоречия там, где их нет? К тому же, замечает писатель-критик, вряд ли способность лелеять противоречия («Мадонны и Содома») отличает по преимуществу русского человека: «нет уж, это – общечеловеческое».

Чрезвычайно выразительными представляются замечания Солженицына о женских персонажах романа. «Женщины – не удались почти сплошь. Ярче всех – Ахмакова, ибо она, в немногих сценах с ней, переливается, меняется, поражает неожиданностью сравнительно с тем, как о ней уже думали, говорили, истолковывали её мотивы. А что-то делает её сходной с её соперницей Анной Андреевной, ещё менее показанной. И начинают они чуть смешиваться, да ещё при безрельефной разнице имен: Катерина Николаевна, Анна Андреевна. И мать Подростка – недовоплощённая, хотя ясно: незащищённая, чистая, приниженная душа. С Лизой – один удачный момент, начало дружбы брата и сестры (когда, нагнав на улице, она бьёт его зонтиком по плечу). Но это – не получило никакого развития, Лиза задвинута в тень, и её горькая судьба не трогает читателя. А кто удалась – это Татьяна Павловна. Весь роман насквозь понятная тем, что – обычная заботливость постаревших женщин. А зачем она все эти заботы ко всем прикладывала – всю жизнь вмешивалась в их семью? просто из доброты? И вдруг – внезапной, во мгновение и проходящей догадкой Подростка: да она всю жизнь любила Версилова! и всю жизнь пыталась исправить наделанные им ошибки. (И короткими слезами, отвернувшись, она подтверждает догадку.) Ну, ещё её чухонка-прислуга лаконично выразительная. Оля и её самоубийство хотя и сильны, но Достоевский в этом повторяется, повторяется. (Ещё Ремизов потом подобное подхватит, повторит.) Мать же Оли чисто функциональна, для передачи сведений и вопросов по ходу сюжета».

Несколько весомых замечаний относятся к второстепенным персонажам романа. «Совсем в стороне от фабулы, малоподвижный и вот уже умирающий Макар Иванович – коренная фигура, как единственный тут представитель народного склада и православия. Оазис во всём романе. Без умильности подан, а как убедительно; через него легко, тактично вдвигается православное мировоззрение – всего на нескольких страницах, единожды. И это солнечно-закатное пятно на его лице. "Великодушно и раз навсегда её простивший". А вставной рассказ о раскаявшемся купце, и с типично фольклорными преувеличениями, пожалуй и лишний. Он и сильно отрывает от потока судорожного действия (хотя может быть, и нужен читателю как передышка?)».

И еще несколько наблюдений. «Старый князь – замечательно удался, хотя как будто и мимоходом. Молодой Сокольский – подмутней. А вообще "лёгкое обращение" Достоевского с высшим дворянством кажется надуманным: ведь не знает он эту среду? С неожиданной неистощимостью, уже в 3-й части, автор представляет нам новые фигуры – двух молодых шантажистов при Ламберте – свежо, ярко, вся сцена в ресторане хорошая. (И Тришатов мило фантазирует на темы из Фауста и Диккенса.) Стебельков – ярок, неожидан, но сразу и исчез из действия, автор о нём как забыл».

Впечатления об искусстве портрета и петербургского пейзажа у Достоевского также переданы через оптику «мастера в мастерской». «Портреты Достоевского – редко запоминаются: часто он начинает с детального описания наружности (и нужно усилие, чтоб это вообразить, ещё труднее запомнить), а потом ни разу к наружности не возвращается, ни штришком. Ошибка. А когда вдруг вспомнит деталь: "не черны были у нее глаза, а слишком черны ресницы" – вот это сразу врезается. Никогда не даёт [Достоевский] топографию Петербурга: кто где живёт, что на какой улице. Это – стесняло бы его фантазию в передвижениях, темпах, частоте внезапных встреч. Да для него вся жизнь – в движении чувств, материальное окружение и не важно. А жаль – Петербург становится условным городом».

Полную новизну романа – в сравнении с четырьмя другими великими романами Достоевского – Солженицын видит в том, что повествование ведется от первого лица. В «Подростке» сохраняется общее свойство всех книг Достоевского: у всех действующих лиц чрезвычайные события происходят как раз сейчас, и время уплотнено больше предела, – но это «замечательное свойство, это хорошо, хотя б и однообразно. Хуже – однообразность групповых бесед, внезапных знакомств и стыков, как они то и дело возникают». Порой однообразие наблюдается и в столь характерном для главных героев Достоевского приеме «выворачивании себя»: когда прием распространяется на молодого князя Сокольского (тот без надобности признается своей невесте Лизе, что ездил делать предложение другой), возникает ощущение однообразия. «А уж азартные игры, рулетка, переживания игрока – это ли не однообразие. От своей страсти Достоевский не может не только отрешиться, – но хоть забыть на время». Последнее замечание Солженицына тем более интересно, что ко времени написания «Подростка» Достоевский вот уже несколько лет как покончил с рулеткой – и после него тоже никогда больше не играл.

Отдельный исследовательский (художнический) интерес вызывают у Солженицына «спецприемы» Достоевского по вовлечению читателя в интригу романа – разного рода намеки, оговорки, подстегивания, авансы, забегания вперед. «Чтобы повысить и напрячь интерес, автор добавляет (но чересчур уж часто) уловки "загадок", предупреждений читателю, от себя подчёркивает многопоследственность поворотов сюжета, часто повторяя: "это имело огромные последствия для дальнейшего", "это было пророчество", "вот *это* потом сыграет роковую роль". Он как бы "каркает" вперёд: какая будет большая катастрофа, несчастье – довольно мелкий (и не нужный ему!) приём подбавить читательского внимания. (Потом оказывается, что и катастрофа-то – меньше ожидаемого)».

Солженицын, исходя из собственной писательской практики, пытается понять смысл подключения к авторскому повествованию некоего условного «читателя» – то есть смысл и назначение последней подглавки романа «Заключение». Почему понадобилось Достоевскому письмо-рецензия на всю его книгу? «Зачем? К тому ж мы не знаем рецензента, его фигура для нас – совсем воображаемая. И мысли рецензента тоже не поражают силой – ну, разве что разъяснение центральной идеи книги: о шаткости молодого поколения, непредсказуемости и опасности, куда оно склонится. А ведь из подростков созидаются поколения! Мысль же о несравненном превосходстве дворянства есть повторение Версилова, да и ценность мысли сомнительная; думаю, что и Достоевский не думал постоянно так».

И как почти в каждом эссе из цикла «Литературная коллекция» разбор Солженицына содержит обязательный раздел для «словаря языкового расширения». Это фразы, словосочетания, слова и словечки из романа, которые писатель считает особо выразительными, афористичными, яркими и образными. Вот некоторые из них, приведенные сплошным перечнем.

«А посади на место Юпитера какого-нибудь литератора – грому-то, грому-то будет!»; «Надо быть слишком подло влюблённым в себя, чтобы писать без стыда о самом себе»; «Идеи пошлые, скорые – понимаются необыкновенно быстро, и непременно толпой, всей улицей. Быстрое понимание – лишь признак пошлости понимаемого»; «Чтобы стать судьёй других, надо выстрадать себе право на суд»; «Ищет большого подвига и пакостит по мелочам»; «Кого больше любишь, того первого и оскорбляешь»; «Смех есть самая верная проба души. Хорошо смеётся человек – значит, хороший человек»; «Старцу надо отходить благоленно и умирать в полном цвете ума своего»; «Адвокат – нанятая совесть»; «Помилуй, Господи, и всех тех, за кого некому помолиться»; «Умиление, которое так широко вносит народ в своё религиозное чувство»; «Мстительная жажда благообразия»; «Мысли мои закрутились в уме, как осенние листья»; «Ныне (уже тогда! – **А.С.**) безлесят Россию, обращают её в степь, приготовляют для калмыков».

Эссе Солженицына содержит подробные наблюдения над языком некоторых персонажей романа. «Хорошим» признан язык Макара Ивановича Долгорукого – нет перебора «народности», которым грешат многие писатели. «Очень мило и по-старинному притяжательное: Макар Иванович. А некоторые формы, вероятно тогда обычные, теперь уже царапают, поди-ка так напиши: «ужасаюсь на вас»; «улыбаюсь на лист»; «мне было удивительно на него»; «не от всякого можно обидеться»; «его подозревают помешанным». Вообще же язык Достоевского, считает Солженицын, почти нацело лишен сочных русских слов. «А если вдруг сверкнуло "восклониться" – то сразу три раза в одной главке – небрежность, неотделка. Да бывают часто близкие повторы навязавшихся слов». Среди особенностей языкового богатства отмечены: «на всю распашку», «вызлиться на него», «стомчивый народ», «сообщительно», «накидчивость её на всех».

Спорными, вычурными Солженицын называет выражения: «капризиться», «деспотировать его». Типичными для слога Достоевского и очень часто повторяемыми писатель находит выражения с наречием усиления «слишком»: «слишком запомнил», «слишком понял», «слишком могу», «слишком ясно», «слишком слышно», «слишком счастлив» и даже «слишком поже», – которыми насыщено и перенасыщено повествование романа. Особо отмечены самые экзотические из выражений с любимым наречием Достоевского «очень»: «мы очень целовались» или «он очень слушал» («он ужасно слушал»); «ну что это!» – критически восклицает Солженицын.

Разбор завершается неожиданно парадоксальным выводом о месте «Подростка» в русской литературной традиции. «Этот роман – не в русской традиции, – утверждает Солженицын. – Его манера повествования (впрочем, почти повсюду у Достоевского) – нервная, многословная, возбуждённая, с неотчетливостью высказываний, со множеством оговорок, ускользающих по темным углам. Но и: насколько ж его романы наполненней и напряжённей – и мыслью, и действием – чем вяловатые романы Тургенева. (Хотя и от Тургенева пошла линия "настроений", которую перехватит и разовьёт Чехов.) А кто же, кроме Достоевского, столь же динамичен? Да, пожалуй, только Пушкин и Лермонтов. Этот роман – не в русской традиции, да. Но, из конца XIX века, он для западной литературы – передовой даже по её меркам XX века – напряжённость, динамика и глубина психологизма».

Эссе Солженицына о романе «Подросток» в полной мере оправдывает ставший уже общепринятым тезис о Достоевском как о писателе нашей современности, писателе XXI века. «Достоевский – один из тех, кто создал русскую литературную традицию, и даже больше, самую высшую духовную её струю. Трудно не попасть в эту струю и не испытать её влияния. Он был пророком. Он предсказывал поразительные вещи. Терроризм, крайнее революционерство он предсказал, когда никто ещё не видел, в 70-е годы прошлого века, в самом зародыше. 100 лет назад. Он, например, предсказал, что от социализма Россия потеряет сто миллионов голов. В это нельзя было поверить. А сейчас подсчитано, что мы потеряли сто десять миллионов человек. Это поразительно» (телеинтервью японской компании NET-TOKYO. Париж. 5 марта 1976 г. // Александр Солженицын. Публицистика. В 3-х т. Т. 2. Ярославль, 1996. С. 371).

Вместе с тем Солженицын считает, что после Толстого и Достоевского в русской истории вырыта бездна. Условия жизни в новом веке – как бы из другой планеты. Сознание народа сотрясено до такой степени, что всякие линии связи с девятнадцатым веком и параллели с ним требуют все больше и больше поправок. И только великое искусство Достоевского, его «реализм в высшем смысле», способный проникать во все глубины души человеческой и провидеть будущее, в новом веке завораживает и потрясает с новой же силой.

Современному читателю очевидно: Солженицына роднит с Достоевским прежде всего отношение к литературному творчеству – для обоих русских классиков это не словесная игра, не эстетическое препровождение времени, а инструмент познания тайны мира сего и «миров иных».

Людмила САРАСКИНА

Цитаты из эссе А.И. Солженицына о романе Ф.М. Достоевского «Подросток» приводятся по ксерокопии оригинала (машинопись), хранящегося в личном архиве А.И. Солженицына. Курсивы в цитатах принадлежат автору эссе.

Иллюстрации Юрия Селиверстова.

ДИАГНОЗ

Завод под названием «чиновник»

Вы приходите в магазин. Отсчитываете нужную сумму и покупаете пару ботинок. Вы ведь не говорите, что коррумпируете ботинки. Почему? Потому что ботинки – это вещь. Нельзя коррумпировать вещь. Человека – можно.

Ладно, ботинки. Вы заключаете сделку и покупаете завод по производству ботинок. Он приносит вам прибыль. Скажем, от продажи изготовленных на этом заводе ботинок. Есть коррупция? Нет. Почему? Потому что завод – это тоже как бы вещь. Вещь, производящая вещи.

А чем министр, поставленный на свою должность крупной корпорацией, отличается от завода? Это тоже прибыльное вложение. Вы потратили год на то, чтобы «прихватить» перспективного человека. Вы дали деньги, чтобы этого прихваченного человека поставили на нужное место. Теперь этот человек должен окупить ваши вложения. Как теперь говорят, отбить. Чем он отличается от купленного завода?

Некто сетует – министр плохо работает. Это ошибочное суждение. Потому что он не работает, а отбивает. Тем, кто дал, по нормам сверхприбыли. И, поелику это возможно, себе.

Мне говорят о нефти, металле... ЕДИНСТВЕННЫЙ СУПЕРПРИБЫЛЬНЫЙ ВИД ПРОИЗВОДСТВА В НЫНЕШНЕЙ РОССИИ – ЭТО ЗАВОД ПОД НАЗВАНИЕМ «ЧИНОВНИК». Маленький чиновник – лавочка. Большой чиновник – крупное предприятие. Такова Система. И у нее есть своя логика саморазвития и самозащиты.

В рамках этой Системы могут быть различного рода кривляния, выдающие себя за борьбу с производством данного типа и являющиеся на деле БОРЬБОЙ ЗА РАЗДЕЛ СФЕР ВЛИЯНИЯ В РАМКАХ ДАННОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Борьба идет за то, кто кого имеет право коррумпировать и в каком объеме. И каковы будут цены на коррупционном рынке... И кто будет устанавливать эти цены, а также правила поведения биржевых игроков...

Нет, вы мне ответьте все же на главное – почему пару ботинок купить можно, а начальника РЭУ нельзя? Ах, человек не вещь... Так договаривайте – чем он от вещи-то отличается?

Тем, что имеет ТО, что продаже не подлежит. Сколько стоят, например, ваша дочь, ваша любовь, ваш друг, ваша честь, Родина, картина Леонардо да Винчи? Нисколько – «продаже не подлежит».

Потому-то вы и человек, что есть это Нечто. Эта неовеществимая сфера. И вы ее защищаете. И есть от чего. Мир вещей враждебен этому Нечто и хочет поглотить его. Как? Совершив подмену. Любовь, например, не продается, но есть рынок сексуальных услуг. То есть можно подменить любовь секс-услугой и отоварить. Чем и занимается проституция.

Если Нечто (философы иногда его называют «экзистенциал») овеществляется полностью, человек исчезает. Превращается в особую, «помнящую о Нечто и бегущую от него» исключительно зловредную вещь. Маркузе именовал эту вещь «одномерным человеком». А ненавидящее Нечто воспоминание о себе ином Фромм определял как «бегство от свободы». Хайдеггер называл это отождествление человека с вещью «состоянием ман». А крайне уважаемый этими философами Маркс говорил о процентах прибыли, за которые капитал продает родного отца.

С Марксом все же можно поспорить. Капитал, по Марксу, – это лишь тенденция внутри реального общества. Страшная тенденция, описанная достаточно верно. Но лишь одна тенденция, которую Маркс абсолютизировал. Реальный капитализм умел бороться с этой тенденцией и боролся с ней.

Да, боролся, хотя одновременно с такой борьбой вскармливал в себе нелюдь. Коммунисты, советские в том числе, абсолютизировали эту нелюдь. Определили не как момент очень опасного капиталистического бытия, а как само это бытие целиком. Они правильно описали тот ужас, который грядет, когда капитализм разродится капиталом как абсолютом. Ужас исчезновения человека. Но они не обратили внимания на борьбу живого капитализма с этим тотальным ужасом. И на то, что, будучи творческим, капитализм к такому ужасу сведен быть не может. Смотри – Вебер о протестантской этике как почве творческого капитализма.

Но сейчас вопрос даже не в том, насколько неправильно оценивали советские коммунисты живой креативный капитализм. А в том, что свой коммунизм они построили как борьбу с ужасом абсолютизации капитала (и в этом смысле чего-то достигли на живом опыте живого СССР). Затем этот опыт сами же коммунисты (в лице своей номенклатуры) предали. И заявили, что коммунизм ложен, а капитализм верен.

Но (внимание!) в этом отречении в качестве позитива стал выступать не живой креативный капитализм Вебера, а капиталистический абсолют Маркса (тот абсолют, который сам Маркс, кстати, считал достижимым только как конец света).

Вчерашние коммунисты, они же фанатики капитала, – стали в виде покаяния за коммунизм строить вживе капиталистический абсолют. Конец света, конец истории. Вместо рая – ад на земле. А что такое ад по определению? Это жизнь минус душа, жизнь минус нетоварное в человеке. То есть это человек как «вещь вожделеющая». В постмодернизме (у Делеза, Гватари и других) это называется шизо-капитализм. Капитализм как Тотальность, в которой сосуществуют вещи вожделеющие, они же бывшие люди. Существуют уже не как личность, а как органы безумного социального тела.

Десятилетие российского отречения от коммунизма – это и есть десятилетие построения ада на земле, то есть капиталистической тотальности Маркса, то есть шизо-капитализма.

И в этом направлении достигнуты большие успехи. Их можно обсуждать, эти успехи. Можно строить социальную феноменологию, онтологию, описывающую формы быта и укладности такого шизо-капитализма. Они, увы, налицо.

Абсолютность коррупции – малое слагаемое внутри большого маразма. Нельзя бороться с этим слагаемым вне признания маразма и поиска форм избытия оного. Что на самом деле и надлежит делать.

Сергей КУРГИНЯН

Сон несостоявшихся Государств

За прошедшее десятилетие реальными государствами в СНГ были, по сути, только Россия и Белоруссия

10 лет длился вялотекущий сон под названием СНГ, прерывавшийся изредка буйными конвульсиями по поводу то одного, то другого стратегического партнера России, каковыми (чего не бывает во сне!) назначались то Узбекистан, то Туркмения, то Азербайджан с Грузией, то Украина, а то и Молдавия.

Забавно, что все перечисленные страны (бывшие республики разваленного с их же помощью СССР) время от времени все свои беды списывали на «имперскую» Москву, включая местные государственные перевороты и традиционно неудачные покушения на глав государств. Недавно «нейтральная» Туркмения после счастливо завершившегося покушения на Туркменбаши и поимки злодеев тоже заявила о «московском» следе этого теракта, как это обычно практиковали другие наши стратегические партнеры.

Слава Богу, пронесло, отпустило – и, протерев глаза после долгой спячки, мы обнаружили, что один стратегический партнер у нас все-таки есть и был всегда: это Белоруссия.

Что важно – в документах строящегося Союзного государства было зафиксировано не только долгосрочное военно-политическое и экономическое сотрудничество, но и продекларировано строительство общего СОЦИАЛЬНОГО государства. А сама эта попытка – утвердить социальное равенство белорусов и россиян на территориях двух стран – была, прямо скажем, беспрецедентной на всем постсоветском пространстве, которому снились совсем другие сны (и совсем не о России).

Всегда в нашем Отечестве было достаточно много высокопоставленных противников российско-белорусского союза на всех стадиях объединения, и нельзя сказать, чтобы эти господа и товарищи скрывали свои чувства, боясь народного гнева, или как-то уж очень изощренно маскировали бы свои малопристойные слова и действия.

Напомним забывчивому российскому обывателю, постоянно живущему в спячке, что как раз накануне подписания договора, как и в наши маловдохновляющие дни, в прессе шла открытая травля Белоруссии как самой главной «нахлебницы» России (Грузия, Азербайджан, Молдавия или Украина никогда не удостаивались такого изобразительного ряда), откровенное испытание Александра Лукашенко как человека, который-де только спит и видит себя главным интеграстом (было изобретено и такое специально-подлое словечко). И хотя популярный ныне пассаж о мухах и котлетах тогда не звучал из уст первого лица в России, остальные лица делали все, чтобы дестабилизировать ситуацию в самой Белоруссии.

Забывчивые россияне уже не помнят об осени 1999 года, когда в Минске прошла грандиозная провокация против «режима Лукашенко», в которой наряду с западными спецслужбами участвовали и... российские «яблочные» политики и депутаты Госдумы, охотно раскачивающие ситуацию в дружественной республике. Тогда это казалось несколько экзотической формой стратегического партнерства, но не прошло и трех лет, как осенью 2002 года российский депутат Борис Немцов стал откровенно призывать к экономической и политической блокаде (!) главного союзника России и ее партнера по Союзному государству, а также к свержению «режима Лукашенко» и к «работе с оппозицией».

Что характерно – именно это до Бориса Ефимовича в самой Белоруссии фактически и делал европейский посол, руководитель консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ Ханс-Георг Вик, бывший зубр немецкой разведки, возглавлявший спецслужбы Германии, а затем ставший советником Эдуарда Шеварднадзе по проблемам развития демократии. Даже самому сонному ежу в белорусских лесах давно понятно, что после этого в Грузии с демократией и Шеварднадзе не было проблем, в отличие от Белоруссии, которую большинство российских СМИ именовало исключительно «заповедником», а Лукашенко – фашистом и диктатором.

Обращаясь к осени 2002 года, когда белорусская лодка раскачивалась особенно сильно накануне очередного расширения НАТО на Восток, уместно вспомнить о том, что аналогичная ситуация имела место в Москве и Минске в 1999 году накануне подписания Договора о создании Союзного государства. В Москве разгорались дискуссии о том, зачем нам «союз с Лукашенко», а в Минске от речей перешли к делу: 17 октября в столице Белоруссии был устроен грандиозный «демократический» погром, когда толпа двигалась к резиденции Лукашенко «брать власть» при посильном участии иностранцев и... депутатов Госдумы.

Из братской Москвы этот местный демократический порыв (с запасливо заготовленными для диктатора булыжниками) горячо был поддержан депутатами Явлинским, Юшенковым и другими, а в Минске в авангарде оппозиции оказалась российская гражданка Ольга Беклемищева. То есть уже три года назад мы могли, как страшный сон (увы, он нам не приснился!), наблюдать участие российских политиков «в деле», которое очень смахивало на попытку государственного переворота... в дружественной Белоруссии. Вот таким «союзником» оказалась Россия.

Мы, в отличие от американцев, «сдаем» своих не глядя, под дружный радостный визг большинства отечественных СМИ: ату его! И молчат все, в том числе и официальные «друзья Белоруссии», коих на наши бюджетные деньги развелось великое множество. А если вы сдуру все-таки вздумаете пару-тройку слов сказать ради объективности по поводу Александра Лукашенко и наших общих интересов, то расплата последует немедленно: либо вас запишут в число «врагов интеграции», либо назовут, как водится, маргиналом. То есть магистральная линия партии и сегодня существует, как и негласная демократическая цензура, и колебаться надо только вместе с этой линией, в зависимости от указаний ОБСЕ и НАТО.

Кто-то непременно возразит: а Лукашенко-то тоже не сахар! Да, Александр Григорьевич ничем не напоминает даже рафинад для диабетиков. Но он – наш союзник. Кроме того, его все-таки избрал белорусский народ (несмотря на беспрецедентный прессинг со стороны Госдепа США и ОБСЕ), но не Явлинский и не его политический преемник на белорусской ниве, главный ныне эксперт по российско-белорусскому союзу г-н Немцов...

Десять дней спустя после грандиозного погрома в Минске и почти за месяц до начала Стамбульского саммита ОБСЕ в ноябре 1999 года (где Россия безропотно подписала фактически ультиматум США о своем окончательном разоружении и «сдаче» всех своих позиций в СНГ, в том числе и в Белоруссии, предопределив тем самым расширение НАТО на Восток осенью 2002 года) Александр Лукашенко, выступая в Государственной Думе, сказал: «Мы теряем время».

Сегодня, после очередного демократического расширения демократических ценностей, не встретившего даже формального отпора от России, уместно спросить себя: с какой целью мы отталкиваем от себя единственного союзника?

На всем постсоветском пространстве – при всех виртуальных разговорах о разноскоростной интеграции, общем пространстве Содружества, преимуществах двусторонних отношений (когда СНГ стало окончательно разваливаться) – было и есть все-таки только два реальных государства: Россия при всех ее минусах и плюсах и Белоруссия при всех ее специфических (да еще «советских») плюсах и минусах. Все остальные умильно и послушно, особенно после 11 сентября 2001 года, смотрели на кнут и пряник нового Старшего Брата, готовые ради второго блюда на первое.

Что скрывать, в эту сторону поглядывала и Россия. Видимо, потому нам и приснился в итоге сладостный сон о Большом Прянике от Большого Брата: сугубо демократический сон об общих атлантических ценностях, о том, что мы строим Союзное государство с США, что мы равноправные партнеры (эти нездоровые амбиции российской элиты, помнится, несказанно удивили еще в начале 90-х годов главного сценариста по развалу «империи зла» – Збигнева Бжезинского), о новых доверительных отношениях с Западом и прочая, и прочая, и прочая...

Видимо, пора все-таки просыпаться, чтоб не задохнуться при заботливо заколачиваемой белорусской форточке. Патологически долгий Сон Непроснувшихся Государств – длиной в целое десятилетие! – опасен тем, что он плавно и незаметно для больного перешел в другую стадию: Сон Несостоявшихся Государств.

А уж эта стадия, отмеченная декоративным суверенитетом («колониальный стиль»), весьма приближена войной США против Ирака: прогрессивному человечеству ясно, что независимо от того, найдут или не найдут что-нибудь этакое даже в гареме Хусейна эксперты ООН, Большой Брат все равно накажет Ирак, а затем примется за братьев поменьше. Хотят ли такими меньшими братьями быть россияне и белорусы?

Лидеры России и Белоруссии должны в 2003 году отдавать себе отчет в том, что от их выдержки и четкого понимания ситуации, от их умения вовремя просыпаться и не следовать при этом «лучшим» традициям славянской солидарности (паны дерутся, а у холопов чубы трещат) зависит очень многое. А именно – само существование двух, пока реальных, государств.

Наталья АЙРАПЕТОВА

ДАТА

Между двумя караулами

85 лет Учредительному собранию

Все борцы за освобождение России, все сторонники освободительного движения мечтали об Учредительном собрании. Именно оно, по их мыслям и мечтам, должно было выразить волю народа России и учредить в ней строй свободы и справедливости. Как на Западе. Падение царского режима в феврале 1917 г., казалось, вплотную приблизило мечту к реальности. Увы... Ее разбили два караула.

Дмитрий БИСТИ

КАРАУЛ МАТРОСА ЖЕЛЕЗНЯКОВА

Большевики вчистую проиграли выборы в Учредительное собрание: за них было подано менее четверти голосов. Проиграли и правые (кадеты, монархисты и др.), собрав около 14 процентов голосов. Победили правые эсеры, которые вместе с меньшевиками получили более 60 процентов.

Но власть уже была у большевиков, и многие сомневались: позволят ли они собрать Учредительное собрание? Однако большевики сдержали слово: приняли постановление об открытии Учредительного собрания 5 января 1918 г.

Учредительное собрание начало работу в Таврическом дворце 5 января в 4 часа дня. Открыть его пытался старейший депутат эсер С. Шевцов, но слово решительно взял председатель ВЦИКа Я. Свердлов, который предложил во внеочередном порядке принять «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» – она провозглашала Россию республикой Советов.

Принятие декларации означало бы признание власти большевиков. Большинством голосов собрание отказалось обсуждать предложение председателя ВЦИКа и в соответствии с намеченной повесткой приступило к обсуждению вопросов о мире и земле.

Дискуссия, довольно хаотическая, затянулась далеко за полночь. В 5 часов утра уже 6 января на трибуну поднялся большевик Ф. Раскольников. Он зачитал написанную В. Лениным декларацию, в которой говорилось, что Учредительное собрание встало «поперек дороги рабочему и крестьянскому движению», и потому большевики покидают Учредительное собрание. За большевиками последовали их сторонники – левые эсеры.

Обстановка в зале заседания стала сгущаться. Ораторов слушали уже плохо. Усиливались шум, крики. Находившиеся на хорах большевистские матросы спускались вниз. Перепрыгивали через ряды, клацали затворами винтовок, грозили выступавшим эсерам: «Без пули вам не обойтись!»

Фактически возглавлявший день открытия Учредительного собрания П. Дыбенко приказал начальнику караула Таврического дворца А. Железнякову закрыть собрание и нового заседания не допускать: приказ Ленина. Но Железняков осторожничал:

– А что мне будет, если я не выполню приказа товарища Ленина?

Дыбенко хмыкнул:

– Учредилку разгони, а завтра разберемся.

Спустя некоторое время Железняков появился в зале. Какое-то время он словно бы в раздумье молча постоял возле трибуны, с которой председательствующий эсер В. Чернов зачитывал предложенный эсерами закон, отменявший право частной собственности на землю, потом осторожно тронул докладчика за плечо:

– Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал.

Пронесся слух, что в зале погасят электрический свет. Срочно принесли свечи. Кто-то выносил какие-то важные бумаги. Кое-где вспыхивала паника.

Ленин отдал распоряжение «товарищам солдатам и матросам» «не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания» и свободно выпустить всех из дворца.

Более того, Совнарком даже предлагал ВЦИКу приглашать в свой состав депутатов Учредительного собрания, «желающих работать с Советами». Предписание Ленина было выполнено. Рассказывали, что, когда Ленину сообщили о том, как распускали «Учредилку», он стал смеяться. Смех его постепенно перерастал в хохот, который становился все громче, и Ленин никак не мог остановиться. Над чем он смеялся? Над бессилием «буржуазной демократии»? Или было в этом что-то другое?

КАРАУЛ ПОЛКОВНИКА КРУГЛЕВСКОГО

Роспуск Учредительного собрания стал одним из поворотных пунктов на пути России в пучину гражданской войны. Эсеры (кроме левого их крыла), боровшиеся с царизмом «револьвером и бомбой», теперь направляли оружие против большевиков. Фактически гражданскую войну они и начали. В Поволжье и Сибири были созданы подпольные организации, которые охотно пополняло офицерство, готовое к борьбе с большевиками под любым лозунгом.

В мае 1918 г. по Транссибирской магистрали к Владивостоку двигались эшелоны Чехословацкого корпуса. Он формировался на Украине еще до революции из числа солдат – славян Австро-Венгрии, либо взятых русскими в плен, либо перешедших на русскую сторону. Теперь по согласованию со странами Антанты корпус (40 тыс. человек) перебрасывался на Западный фронт через Владивосток и дальше морем.

Трудно сказать, что привело к восстанию чехословаков. Был ли это просто случай, происшедший на станции в Челябинске и приведший к столкновению чехов с пленными австрийцами, стоявшими тут же в своем эшелоне? Или в чешских эшелонах действовали эсеровские функционеры и связанные с ними агенты Антанты, стремившиеся использовать корпус для свержения большевиков?

Когда Москва узнала о «чешских бунтах», Л. Троцкий дал приказ местным Советам разоружить чехов. Но кто это мог сделать? Не потребовалось и двух месяцев, чтобы советская власть на огромной территории Поволжья и Сибири оказалась свергнутой. Возникло несколько эсеровских и проэсеровских правительств. Наиболее значительными были два – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) с центром в Самаре и Временное Сибирское правительство с центром в Омске. Они заявили о необходимости восстановления в России Учредительного собрания.

Члены собрания разными путями пробирались в Самару и здесь провозгласили себя Съездом членов Учредительного собраний. В сентябре 1918 г. на Государственном совещании в Уфе Комуч, Временное Сибирское и другие региональные правительства объединились, избрав временную Всероссийскую Директорию во главе с эсером Н. Авксентьевым.

После ряда поражений Красная Армия перешла на Восточном фронте в наступление. Самаре грозило окружение, под ударом была Уфа. Директория выехала в Омск, а съезд Учредительного собрания в начале октября 1918 г. перебрался в Екатеринбург. Военные неудачи Директории усиливали недовольство правых элементов (монархистов, кадетов и примыкавших к ним). Грозным симптомом стало убийство в Омске секретаря Съезда членов Учредительного собрания – правого эсера Б. Моисеенко.

Директория стремилась к февралю 1919 г. собрать депутатов и объявить об открытии Учредительного собрания, избранного в 1917 г. Но это могло бы подорвать позиции правых – ведь тогда, как и большевики, они проиграли выборы. И 18 ноября 1918 г. тайно созданная «переворотная команда» омских военных свергла Директорию.

Адмирал А. Колчак, провозглашенный верховным правителем России, заявил, что его цель – разгром большевизма, а как только это произойдет, он созовет Учредительное Национальное собрание, но отнюдь не то «партийное, которое было разогнано матросом Железняковым».

Находившийся в Екатеринбурге Съезд членов Учредительного собрания резко выступил против колчаковского переворота. Было опубликовано несколько обращений, где события в Омске характеризовались как попрание демократии, как «монархическая авантюра». В ответ из Омска приказали «принять меры к немедленному аресту Чернова и других активных членов Учредительного собрания, находившихся в Екатеринбурге». Гостиница «Пале-рояль», где размещались члены съезда, была разгромлена, депутат Н. Максудов застрелен, учредиловцев выселили из Екатеринбурга.

Секретарь съезда Н. Святицкий оставил яркие воспоминания об этом эпизоде. Членов Учредительного собрания сажали в телеги, к каждой приставляли чешского солдата с винтовкой. Повозки растянулись почти на целую версту. «Кто такие в этих телегах? – писал Святицкий. – Первые в России народные избранники! От кого они убегают? От русских солдат! Кто их защищает? Иностранцы, какие-то чехи. А сами чехи – друзья или враги, конвой или охрана?.. Поистине есть чему удивляться в России, в этой стране неограниченных возможностей!»

Съезд (вернее сказать, то, что от него оставалось) прибыл в Уфу, где пытался продолжать свою «литературно-агитационную работу» против Колчака. Но было поздно. 30 ноября 1918 г. он приказал пресечь деятельность бывших членов Учредительного собрания, предав их военному суду «за попытку поднять восстание и вести разрушительную агитацию среди войск». 2 декабря на станцию Уфа прибыл специальный отряд полковника Круглевского. Часть членов съезда Учредительного собрания (25 человек) была арестована, в товарных вагонах доставлена в Омск и заключена в тюрьму.

РЕСПУБЛИКА ИРТЫШ

В ночь на 22 декабря 1918 г. в предместье Омска вспыхнуло восстание рабочих против колчаковской власти. Первым делом восставшие освободили заключенных, среди них и членов Съезда Учредительного собрания. Но уже к утру 22-го восстание было подавлено. Колчак приказал предать всех причастных к нему военно-полевому суду. Омские военные власти приказали всем освобожденным из тюрьмы немедленно добровольно туда вернуться.

В Омске стояли трескучие морозы, многим покинувшим тюрьму негде было укрыться, по улицам рыскали патрули, и большинство арестованных, в том числе почти вся группа «учредильщиков», возвратились в тюрьму. Вскоре туда в сопровождении конвоя явились офицеры Ф. Барташевский, П. Рубцов и др., предъявили тюремному начальству «бумаги» и стали забирать членов Съезда Учредительного собрания и других арестованных. Некоторые из них были убиты по пути, а 13 человек расстреляны и добиты штыками на берегу Иртыша, отправлены, как говорили в Омске, «в республику Иртыш».

Когда о случившемся сообщили Колчаку (в эти дни болевшему), он, по некоторым свидетельствам, потерял сознание. Назначили следственную комиссию под председательством сенатора И. Висковатова. Но никто из убийц и тех, кто стоял за их спиной, не пострадал.

Так под хохот Ленина и обморок Колчака погибла многовековая утопия русских мечтателей о всенародном собрании, которое учредит прекрасную новую жизнь.

Генрих ИОФФЕ,
МОНРЕАЛЬ

ГОЛОСА

Глас народа все-таки, наверное, не является гласом Божьим. Но и политики, и пресса к народу прислушиваться обязаны. Стремясь крепить обратную связь с аудиторией читателей, мы на сайте «ЛГ» будем спрашивать их мнения по наиболее важным вопросам российской жизни. Первыми были: «Пугает ли Вас пропасть между бедными и богатыми? Что может их объединить?»

Пугаться не надо

«Пропасть» между «бедными» и «богатыми» можно вообще не воспринимать (соответственно, и пугаться нечего) – все зависит от личного отношения. Есть «богатые», которым и миллионов будет не хватать, а есть «бедные», которых их копейки не унижают. Всегда есть некто, кто богаче и кто беднее тебя. Надо просто это понять. А называть себя «бедным» не стоит спешить.

А объединить эту мнимую оппозицию может прекращение разговоров о пропасти между ними.

А. Б. *belari@inbox.ru*

Бедным — шанс!

«Объединить» бедность с богатством может только социальная система, которую Россия «уже проходила». Вы что, верите, что в США, где я живу, богатые и бедные «объединены» чем-то, кроме языка?!

С рождения дети из «хороших» семей обучаются тонкой улыбке (слегка приподнять уголки губ, губы плотно сжаты), с которой они разговаривают с «низшими»: «My dear, there is no need to be rude!» Они бедных просто не видят.

Самое главное – не пытаться «объединить классы», а добиваться действенной социальной защиты, когда дети защищены настолько, что у них есть возможность вырваться из проклятого плена бедности. Возможность «выбора», отрицание предопределенности судьбы – я голосую за это.

Irene irene_g_2001@yahoo.com

Богатые наглеют

Богатые перестают всех остальных считать людьми. Даже Мария Арбатова, хоть и феминистка, пишет на своем сайте с таким почтением об «успешных» людях и с презрением о «неуспешных»...

А что уж говорить о менее образованных, разбогатевших на торгашестве и от этого обнаглевших, вообразивших себя сверхлюдьми, плюющих на бедных, а особенно на безработных: сами, мол, виноваты, не нашли себе работу – значит, плохо искали, такие-сякие...

Вы себе не представляете, как мне такие мнения осточертели!

Виолетта ВИННЮК
violettewin@narod.ru

Так было, так будет

Пропасть между бедными и богатыми страшна только в тех странах, где она редко проявлялась и не в таких резких масштабах, как в России. Отношение тамошнего населения к этому явлению может оказаться в таком случае действительно непредсказуемым.

Но на Руси такая пропасть испокон веку была, да и до конца политического существования этого государства всегда будет. Притом в самом беспощадном виде. Современные российские богачи поведением очень напоминают князей домонгольской Руси. Те не имели ни малейшего представления о том, что такое Родина. Воспринимали ее как свою вотчину, которую высасывали до обескровленности ради собственной выгоды. Люди, проживавшие в этих уделах, считались простым хозяйственным скарбом, более или менее годным для личного процветания князя. Такое положение сохранилось (при кровавых, но поверхностных переворотах) вплоть до наших дней. Значит, не может быть и речи об объединении.

Клаудио НАПОЛИ
claudion76@tin.it

ПРОБЛЕМА

Нищета олигархов

«Если ты такой умный, почему такой богатый?»

– Владимир Борисович, в чем, по-вашему, заключается проблема богатства в современном мире?

– Возьмем древнеиндийское общество: там были три варны, делившиеся на разные касты. Варна брахманов, то есть мудрых, или ученых; варна кшатриев, воинов, к ней принадлежали и цари, и третья – вайшьи – ремесленники, крестьяне, купцы. Богатые принадлежали к третьей варне. Это не просто история: я думаю, что эти три социально-духовные группы формируются в каждом обществе. Богатые в традиционном обществе не только не являются господствующим слоем, они ниже двух слоев, которым принадлежит мудрость и сила.

Сейчас в средства массовой информации внедряется вопрос: «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?» С точки зрения традиционных ценностей правомерен другой вопрос: «Если ты такой умный, почему ты такой богатый?» **Во все времена мудрость заключалась в том, чтобы отрекаться от богатства, ибо мудрость ориентирована на вечное, а вечного богатства, согласитесь, не бывает.**

Олигархические режимы как власть богатых осуждались везде, даже в Древней Греции, где слово «олигарх» возникло. У власти должны быть либо сильные, либо мудрые. Присутствие богатых у власти всегда было разрушительно. Богатыми людьми считались и Чубайс, и Черномырдин – насколько плодотворна была их деятельность, показал дефолт 1998 г.

Когда пытаются рыночную экономику превратить в цель социального развития, какой раньше был коммунизм, из этого никогда ничего не выйдет. Я выскажу еще одну мысль, парадоксальную, но она подтверждается историей: **богатство эффективно и приносит какие-то плоды только тогда, когда оно презирается.** Когда в обществе царит культ богатства, оно не приносит никакой пользы и превращается в нищету.

Другой пример: поднимающаяся буржуазия на Западе в XVIII – XIX вв. Скажите, найдете ли вы в духовной жизни апологию буржуазии? Именно тогда появляется критический реализм: у Мольера – «Скупой», у Бальзака – «Гобсек», «Домби и сын» у Диккенса. Культура, которую создает буржуазное общество, направлена против самих основ буржуазности. На протяжении всего средневековья были крестьянские восстания; назовите мне хоть одно произведение, разоблачающее в принципе идею рыцарства! Она была возвышенна, а идея человека, наживающего деньги, – низменна.

– В таком случае почему же люди идут на это низменное дело?

– Богатство есть подвиг. Человек жертвует своей репутацией, уважением людей для того, чтобы приносить пользу так, как он считает нужным. К богатым всегда отношение было не очень уважительное. Вспомним Евангелие. Иисус же сказал ученикам Своим: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное. И еще говорю вам: удобней верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». И в другом случае Он говорит: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником.

– Но ведь и христианство не отменило существования богатых...

– Собственность как орудие, посредством которого делают добро, признавалась во всем мире. Русское православное купечество так смотрело на свою собственность. Сколько добрых дел делало так называемое «темное царство», нет нужды напоминать. Даже самый жестокий купец, гонящийся за прибылью, помнил, что он должен делать добро, иначе никакой прибыли не получит и Бог его накажет. В конце жизни купцы часто уходили в монастыри, значительную часть собственности раздавая бедным и только то, что останется, предоставляя своим наследникам.

У нас распространяются ссылки на так называемую протестантскую этику, которая якобы является апологией собственности. Читая крупнейшего протестантского мыслителя Кальвина, я не нахожу у него апологии собственности. Собственность религиозным мыслителем не может провозглашаться чем-то спасительным.

– Как соотносятся собственность и богатство?

– Они очень тесно между собой связаны, но, безусловно, не совпадают. Что значит вообще собственность, почему общество на это идет? Оно на основании исторического опыта, накопленного веками, полагает, что лучше предоставить контроль над собственностью определенной группе людей, которая живет на доходы от этой собственности, а не от того вознаграждения, которое от собственности не зависит. При этом собственность используется эффективнее, и степень ответственности выше.

Собственность делят на частную и на общественную. А я спрошу: **бывает ли собственность не общественная?** Был ли Робинзон Крузо собственником своего острова до тех пор, пока на нем не появились другие люди? Собственность – всегда по отношению к другим людям, всегда с согласия общества; крупная собственность, во всяком случае. Тот, кому она принадлежит, выплачивает определенные суммы тем, кому она могла бы принадлежать. Эта сумма – налоги. Выплачивая налоги, богатый подтверждает, что он действительно собственник.

Если общество не согласно на то, чтобы у человека была собственность, то он ее потеряет. Он никогда не наймет такую охрану, которая ему эту собственность сохранит. Собственность связана с именем человека, с ответственностью. В современном мире удобнее собственности не иметь. Гораздо лучше снимать квартиру, гораздо лучше быть на высокооплачиваемой работе, когда ответственность за вознаграждение (зарплату) берет другой человек.

– Почему в современной России мы не видим примеров отречения от собственности?

– А потому, что **у нас нет ни собственников, ни богатых людей.** В 1949 г. Л. Мартынов написал стихотворение «Богатый нищий»:

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу: там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое...
Пусть жрет, пусть лопнет! Мы – враги!

По существу, и теперь богатые люди – такие богатые нищие. Это случайные люди, захватившие собственность, им не принадлежащую. Они разбогатели в результате своих связей с властью в старом смысле этого слова, следовательно, это вариации все той же номенклатуры, которая и раньше контролировала собственность. Они и ведут себя как богатые нищие.

Разделение на бедных и богатых, миллионеров и нищих давно стало повседневными реалиями нашей жизни. Одни уповают на то, что от столь крайней поляризации излечит окончательное построение капитализма в России, другие видят спасительный рецепт в возвращении к советскому прошлому... Но на факты можно посмотреть и с иной, непривычной точки зрения. Вот как видит проблему Владимир Микушевич, поэт, философ, переводчик.

Ни в одной стране богатый человек не будет вызывать к себе неприязнь так активно, как делают это у нас «новые русские»: например, строить особняки, которые окружены настоящими «бедными» нищими. Они привыкли опираться на насилие, пренебрегать мнением тех, кто их окружает. Ведь нет такой неприязни к богатым в странах Европы или в Соединенных Штатах, потому что значительные слои населения заинтересованы в том, чтобы богатые были: это позволяет им самим пользоваться благами, которыми они иначе не пользовались бы.

Однако на Западе все-таки известно, почему богатый человек богат. Генри Форд, конечно, создатель конвейеров, потогонной системы, но вся Америка ездила на машинах, которые построил Форд. И вот что он пишет: «Алчность к деньгам – вернейшее средство не добиться денег, но если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке». Я думаю, что в каждом своем долларе он мог бы отчитаться. Знаем ли мы среди наших богатых людей тех, кто мог бы отчитаться не то что в каждом рубле, но хотя бы в своих миллионах или миллиардах?

У нас появился слой экономистов и интеллигентов, которые доказывают, что капитализм так всегда начинается. Но протестантская этика основана на неукоснительной, безупречной честности. Если бы капиталы все время друг у друга воровали, капитализм не сложился бы: воровать ведь выгодней, чем наживать.

И вопрос в этой связи об интеллигенции. Есть у нас премия «Триумф», всем известно, сколь сомнительны деньги, из которых она выплачивается. Всем известна афера с «АВВА». Вот в чем отличие Березовского от Форда: Форд посадил на машины американцев, а этот господин отнял деньги у тех, кто дал их на машины. Был ли хоть один представитель творческой интеллигенции, который отказался бы от премии «Триумф» потому, что эти деньги сомнительного происхождения? Мне такие случаи не известны. Отдают ли себе отчет эти люди, что они запятнаны этими деньгами? Назначение премии «Триумф» в том и было, чтобы их запятнать. Здесь есть одна очень серьезная опасность: отношение к деньгам тех, кто сам их не имеет, но хочет иметь.

– Почему в России так плохо продвигаются капиталистические реформы?

– А что такое были реформы Гайдара? Почему он гордится тем, что были пустые прилавки и вдруг они заполнились? Это говорит о том, что товары вообще-то были: ведь их не успели бы ввести из-за границы в таком количестве; просто то, что раньше продавалось с черного хода, было выброшено на прилавки – ценой уничтожения покупательной способности населения. Черный ход возобладал в экономике.

Старая бюрократическая модель, может быть, ошибочно называемая социалистической, отказала, но если спросить большинство людей, они определенно скажут, что им лучше жилось при Советском Союзе; а раз так, то реформы потерпели крах, потому что какие-то позитивные последствия их должны были почувствовать на себе все. Ведь в 90-х гг. всерьез обосновывалась мысль, что неплатежи – явление естественное. Намекали, что если люди не получают зарплату, то сами виноваты: нужно идти туда, где будут платить – получают же некоторые! Этот принцип сейчас перестал так явно внедряться, хотя неплатежи существуют все равно; складывается впечатление, что богатство основывается на них. Сомневаюсь, чтобы такая модель имела перспективу. Знаете, в чем основной порок нашей банковской системы? В том, что в этих банках наших денег нет. Банки лишь тогда банки, когда в них хранит деньги большинство населения.

– В СМИ часто принято отождествлять капитализм со свободой. Насколько это верно?

– Свобода не может отождествляться с социальным строем. Свобода – свойство человека. Это, конечно, крайняя, метафизическая точка зрения. Но современный капитализм выработал такие сложные системы подавления и манипулирования общественным мнением, что говорить о свободе здесь затруднительно.

Ярким примером того, какую свободу несет капитализм у нас, является дело Лимонова. Виновность Лимонова ни в коей мере не доказана: его вина в том, что он не принимает тот псевдокапитализм, который некоторые отождествляют со свободой. Я категорически не согласен с его пребыванием в тюрьме и считаю, что его карают за его литературное творчество, за ту форму, которую он избрал для высказывания своих идей. Однажды я сказал, что маркиз де Сад из Лимонова не вышел. Беру свои слова обратно. Длительное тюремное заключение сближает Лимонова со знаменитым писателем-революционером, освобожденным из Бастилии революцией.

– Что ждет нас в будущем, если отношение общества к богатству не изменится?

– Одно из двух: или Россию постигнет участь Советского Союза, она будет дальше распадаться, либо вопрос собственности будет пересмотрен, потому что и чеченская война – это война больших, неправедно нажитых денег. Без них не было бы терроризма.

Заметим, что террористическая акция развернулась вокруг мюзикла «Норд-Ост» – типичного проявления капиталистического образа жизни и буржуазного искусства, а не на каком-нибудь вечере симфонической музыки, и не потому, что террористы больше уважают симфоническую музыку, а потому, что сама операция тогда не имела бы такого резонанса. Это связано с огромными деньгами. По-видимому, эти деньги должны по-другому расходоваться, но **для начала неправедно нажитую собственность нужно просто осудить, хотя бы морально.** Пока продолжается ее апологетика, пока ею хвастаются и выдают за некую модель жизни, собственность ускользает от мнимых собственников.

– Что можно было бы посоветовать нашим богатым нищим?

– Советовать что-нибудь трудно, потому что у них индивидуальные ситуации: это ведь разлагающийся слой, а не господствующий класс. Во всяком случае, поразмыслить о своем будущем, которое вряд ли является радужным. Есть еще один миф: о швейцарских банках, где не спрашивают о происхождении денег. Возможна ситуация, когда богатый нищий приходит в швейцарский банк за своим миллиардом, а его спрашивают: «А вы кто такой, господин хороший? Мы вам не выплатим, подавайте на нас в суд». А в суд богатый нищий не подаст, потому что не ответит на вопросы, которые в суде будут ему предложены. Вопросы о происхождении денег рано или поздно зададут и здесь.

Подытоживая нашу беседу, я скажу: нельзя быть богатым отдельно от всей страны, нельзя быть богатым, когда вокруг столько бедных. Тот, кто богат отдельно от всей страны, – только богатый нищий; он как раз страдает той люмпенизацией, в которой обвиняет окружающих.

Фотина МОРОЗОВА

НОВЫЙ ГОД С ТЕЛЕВИЗОРОМ

Даешь самовар!

«Золотой гробофон» для опостылевших телеюмористов

Помню, как-то раз, незадолго до наступления Нового года, руководитель одного телеканала, комментируя предстоящую праздничную программу, выразился приблизительно так: даже хорошо, что 31 декабря зрители увидят старые фильмы, что очень удобно: в это время обычно готовят праздничный стол или наряжаются. Так что не будет жаль оторваться от экрана, чтобы проследить, как поспевает на плите ужин, или заняться выбором вечернего платья. Что ж, логично, хотя логика и забавная... То интервью было опубликовано лет эдак 12 назад, но такое ощущение, что и нынче составители новогодних программ руководствовались тем же ошеломляющим альтруизмом. Не подумав, что уже давно даже в семьях весьма среднего достатка телевизор есть не только в гостиной.

Вот и в этот раз в новогодние часы были показаны хорошие старые фильмы «Карнавальная ночь», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Карнавал», «Гусарская баллада», «Ирония судьбы», но даже шедевры, подобно шоколаду, в больших дозах имеют свойство надоедать. И выбраны они для показа, пожалуй, не столько из альтруизма, сколько на безрыбье, то есть от явного недостатка свежих новогодних фильмов и программ.

С предновогоднего телеэкрана странным образом исчезла атмосфера праздника, которая в течение многих лет отличала телепередачи волшебного вечера 31 декабря. Я не из тех, кто говорит: мол, когда-то трава была зеленее, вода мокрее... Но, дорогие читатели, из тех, кому за двадцать, помните, какие прекрасные киноконцерты когда-то дарило нам в этот вечер телевидение? Вместе с хлопотами, которые в канун Нового года совсем не такие, как во все остальные дни и вечера, эти кадры, эти мелодии создавали особое настроение.

Что же до кинопоказа... По причинам финансовым кинематографистам порой не удается преподнести эту дорогую во всех отношениях ложку «к обеду». Именно так недавно получилось с очаровательными картинами «Сирота Казанская» и «Приходи на меня посмотреть!». Хорошо, хоть «Сироту Казанскую» нынче показали в сочельник, а фильм «Приходи на меня посмотреть» – между Рождеством и старым Новым годом.

В последней трети двадцатого века поэтесса Алла Стройло написала: «У телевизора есть предок: старинный тульский самовар». Имелось в виду, что раньше гости собирались вокруг самовара и общались друг с другом, а ныне – вокруг телевизора и друг с другом уже не общаются. На что поэтесса и сетовала. А потом и широкая общественность забила тревогу: дескать, из-за этого коварного ящика люди теряют вкус к роскоши человеческого общения. (Кстати, есть у меня знакомый, которого в некоторых домах не принимают, ибо он считает, что, когда в доме гости, телевизор и радио включать нельзя.) Но рука не поднималась выключить телевизор, когда на экране прелестное, искрометное телеревю, юмористический телеальманах... Нынче же не жалко было выключить телевизор.

Скучно, когда в новогоднюю ночь на домашнем экране устраивается междусобойчик телеведущих, разбавленный артистами. Разумеется, телеведущие – тоже люди известные, но, хоть убейте, не могу понять, зачем их, а также политиков потянуло на пение. Да еще вперемешку с профессиональными певцами. Милые, да нельзя же так подставляться! Мало того, что голоса у этих самодеятельных куплетистов слабенькие, так некоторым еще и медведь на ухо наступил. Не буду называть фамилии, так как почему-то именно на такие упреки люди, причастные к искусству, реагируют очень болезненно. И знаете, о чем я подумала? Вероятно, на телевидении крепко не любят тех профессиональных политиков, которым на одну ночь предложили стать вокалистами-любителями. Ведь стоит хоть раз услышать говорящих Жириновского или Новодворскую, как станет ясно, чего можно ждать от них – поющих! Так ведь нет, запели. По-моему, издеваться нельзя даже над Жириновским и Новодворской, которых я тоже не люблю, в чем и не одинока. И уж точно, нельзя так издеваться над зрителями, даже не любящими Жириновского и Новодворскую. Слышать их пение – большое испытание, а уж если вспомнить поверье: как год встретишь, так его и проведешь, тоска берет. Позабавил один профессиональный певец, сказавший в одном из новогодних телеконцертов: «В хорошей компании есть для кого голосить!» Вот и голосят. На всю страну. Поневоле согласишься с пожеланием, прозвучавшим 13 января в «Нашей гавани» на «ТВС»: «Чтоб мы так жили, как мы поем!» Однако самокритика на грани мазохизма...

Юмор в новогоднюю ночь на телеэкране был. Порой думалось: лучше б его не было. Поздравляя зрителей с годом Козы (или овцы), Филипп Киркоров... заблеял. В буквальном смысле: «бе-э». Почему я оговариваю: в буквальном? Да потому что многие наши попсовики и попсовички (разумеется, к Филиппу это не относится) не поют, а то блеют, то мяукают... А что выбрал для новогоднего исполнения Александр Розенбаум! «Гоп-стоп». О том, как девице предлагается в последний раз полюбоваться белым светом, после чего по ней споют отходняк. Очень новогодняя тематика! Юмор висельника.

Да, пошлости в юмористических телепередачах было предостаточно. Особенно первого января. Вероятно, авторы и режиссеры решили, что зрители с похмелья все скушают. В программе «ТВС» «Публичные люди» эти самые публичные, то есть популярные, выдают в эфир фейерверк непристойностей. Процитировать рука не поднимается. Интересно, что завершает этот оглушительный залп Армен Джигарханян: «Как вам не стыдно?» Видимо, авторы передачи решили иронически смягчить эффект залпа, обратив сей вопрос к слишком строгим зрителям. Мол, шутим, шутим, а вы, которые слишком серьезные, расслабьтесь! На самом же деле сами себя высекли.

Не буду уточнять, в каких новогодних, а также рождественских передачах прозвучали юмористические перлы, которые ниже приведу. Таких передач было много, разные каналы дублировали выступления одних и тех же артистов, а от их перлов аж в глазах рябило. Какой текст написали внешне изящной Кларе Новиковой! Который она и озвучила в образе тети Сони. Мол, манекенщицы, чтобы правильно ходить, в процессе обучения прибегают к помощи сливы. Хорошо, что не арбуза, добавляет «Соня». Простите, читатели, за сию цитату, но ведь это ужас, что теперь несет со сцены и с экрана артистка, когда-то привлекавшая нас юмором тонким.

Удручает обращение и этой артистки, и Яна Арлазорова к бородатым анекдотам. А Юрий Гальцев ошарашил таким вот текстом: «Ходят кони по конюшне. Без кобылы коням скучно, и ни овечки хромоногой, ни доярочки убогой. Прыгнул на корову, только не попал: в навоз упал». Б-р-р, как смешно! Он же еще так пошутил: «Курица – не птица, Польша – не заграница». Хорошо, если польский посол не смотрел в тот момент телевизор. Ибо эта шутка – нечто большее, чем политическая некорректность. А что несет Евгений Петросян в передаче «Семейные радости»! «С кем поведешься, от того и забеременеешь!»

В передаче «Кубок юмора», очень скучной, тем не менее прозвучали неплохие мысли: «Не важно, что и как поешь, а важно с кем. Галкин – не певец. Но поет с Пугачевой. Вот уже и певец. Басков – не оперный певец, но поет с Монтсеррат Кабалье». После чего ведущий Ян Арлазоров, вообще-то творчески убитый авторами своего шоу, произносит слова, за которые ему и его авторам можно все простить: «Это муть или не муть?» Браво, Ян Майорович! Муть.

С особой силой фонтан «юмора» на телеэкране забил по мере приближения Старого Нового года. В «Аншлаге» 11 января звучат такие вот веселые вопросики: Мое весло, куда ты на фиг приплыло?», «Как чистить зубы, не снимая чулок?» Так хорошо когда-то начавший Святослав Ешенко, играя в «Кривом зеркале» Деда Мороза, пообещал подарить мужчинам клизму, чтобы... этим лентяям пыль с мебели не пришлось вытирать тряпкой. Виктор Коклюшкин подвел самого себя: «Вы верите в возрождение России? Да, меня потянуло на солененькое и подташнивает». Конечно, существуют шутки соленые, но это не значит пошлые. К тому же очень много было шуток, которые таковыми вообще нельзя назвать. Например, у Елены Степаненко: «Я получила приз «Золотой гробофон».

Впрочем, настоящий юмор на новогоднем телеэкране тоже был. Например, вот такая симпатичная сентенция: «Уход Бориса Ельцина – большая потеря для нашей эстрады». В передаче канала «Россия» «Театр + ТВ» обозначилась претензия на капустник. Однако все свелось к простому пересказу баек, а передач этого жанра на разных каналах нашего ТВ – пруд пруди.

Но знаете, что было самым смешным на новогоднем телевидении? Канал НТВ! Через час после полуночи на экране возникла картинка: над камином еловые ветки с игрушками. А за кадром зазвучали замечательные песни. И так всю ночь. Ничего лучше ребята не придумали. Последовали принципу: «Радио – телевидение для умных». А может, они и правы.

От сладкой парочки Степаненко–Петросян никуда не денешься...

Очень смешной оказалась программа «Аншлаг», в которой все резвились по поводу наступления года... Лошади! Теперь я прочувствовала смысл недавно родившегося анекдота: «Телефонная служба времени в предновогодние и новогодние дни сообщает, какой у нас нынче год». Представляете, выпил человек, уверенный, что празднует приход года Козы, а оклемавшись и включив телевизор, слышит: «Мы гонцы лошадиного года»! Нет, нас не дурачили. Если бы! Когда всем весело, не грех и талантливо подурачиться. Скорее всего, дело не в этом. Под Новый год услышала по радио стихотворение маленького мальчика: «Здравствуй, Дедушка Мороз, миленький, родименький, я хочу, чтобы ты жил в нашем холодильнике». Трогательные слова, но... Судя по новогоднему телеэкрану, за недостатком новых идей телевизионщики решили нас порадовать не только подарками Деда Мороза из Великого Устюга, но и другого, с тощеньким мешочком законсервированных подарков дедульки, коротавшего год в холодильнике.

Как ни странно, одним из самых романтических, самых рождественских оказался новый документальный фильм «Розы для синьоры Раисы». О том, как в годы войны полюбили друг друга Катя и Марио, как разлучились не по своей воле и как их сын, живя в Италии, нашел свою русскую маму. Но как можно было выбрать для праздничного кинопоказа скучный-прескучный фильм «Розовая пантера»? Даже блистательная Клаудиа Кардинале его не спасает. Необыкновенно скучен и «Доктор Дулитл». И «Астерикс и обелиск против Цезаря». Как можно было показывать фильм «Сказ про Федота-стрельца», в котором убита вся прелесть замечательной сказки Леонида Филатова? А уж страшненькие «Челюсти» и «Мышиная охота» – уж очень новогоднее зрелище! А в канун встречи Старого Нового года показали фильм «Я – кукла», который любому оптимисту может испортить праздник: там кровь льется рекой, во время драки у одного бедняги глазное яблоко вываливается наружу...

Утешает то, что, пожалуй, наши юмористы ведают, что творят, а, значит, может быть, исправятся (одновременно и удручает: неужели столь циничны?) Впрочем, будущее покажет. Евгений Петросян незадолго до Старого Нового года прочитал строчки молодого сатирика Алексея Щеглова: «Россия вспрянет ото сна, но в списке телебезобразий напишут наши имена».

В общем, много было подарков «из холодильника».

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Семь мужчин и одна женщина

История о том, как жизнь «по понятиям» привела предпринимателей на скамью подсудимых

Изучая любое судебное дело, журналист получает возможность разглядеть нечто потаенное в характере человека, преступившего закон, и поразмышлять над природой его поступков, упрятанных за сухими глаголами «заманил», «причинил», «совершил», «устранил». Их много в истории «деяний» семи мужчин и одной женщины. Присмотревшись к истории «бизнесменов», можно отыскать в ней и необычные детали, которые, впрочем, не стали от этого менее страшными.

Игорь ГОНЧАРУК

ПОД «КРЫШЕЙ» ДОМА СВОЕГО

Доподлинно неизвестно, почему генеральный директор индивидуального частного предприятия, впоследствии обвиняемая, а затем подсудимая Мадлена Павловна Зворыкина назвала свое детище столь возвышенно – «Святой Георгий». Быть может, верила, что деяния ее, как и помыслы, хотя бы поначалу будут чисты. Или просто не представляла, в какой омут ей придется нырять и сколько в нем топкой тины и мутного ила.

Завертела обычный для того времени бизнес: купил – продал. Продукты, сигареты, тряпки – все, что попадется под руку и что можно выгодно сбыть. Бизнесмена, как было принято в начале девяностых, осаждало множество настоящих «крутых» и «косящих» под авторитеты, настойчиво предлагающих диковинную тогда «крышу» и еще кое-что…

– Тут такое дело, Мадлена Павловна… По «Мальборо» на двадцать пять мы бы согласились…

– Двадцать пять чего?

– Процентов, конечно.

– Ребята, вы же меня разорите напрочь!

Содержание того диалога нам, разумеется, дословно неизвестно. Быть может, «ребята» витиевато или, наоборот, гораздо грубее и настойчивее выразили свои требования. Но из материалов судебного дела следует, что некие А.В. Косиков и П.А. Головин из банды некоего «Мопса» выдвинули именно такое «пожелание».

Встревоженная Мадлена Павловна поделилась надвигающейся бедой со знакомой: «Может ли кто помочь?» Та ответила утвердительно, и вскоре пред ясные очи гендиректора предстал Александр Владимирович Рощин, который позже был взят на должность заместителя директора. Решение щекотливой проблемы он выбрал самое радикальное.

Из материалов приговора: *«23 августа 1992 года Рощин А.В., работавший зам. директора ИЧП «Святой Георгий», Фокин А.Н., Щербаков Д.А., предварительно договорившись об убийстве Косикова А.В. и Головина П.А., ранее работавших в ИЧП «Святой Георгий», с целью устранения вмешательства последних в деятельность указанной фирмы заманили потерпевших на дачу…»*

Кровавый счет был открыт.

Спустя несколько дней *«неустановленные следствием лица с целью выяснения местонахождения Головина и Косикова вывезли Щербакова в неустановленное место и подвергли его избиению, причинив легкие телесные повреждения, после чего привезли его домой к тестю Головина – Русакову С. А. (тот самый «Мопс». – **В.Б.**), где Щербаков 12 сентября 1992 года рассказал… об обстоятельствах убийства Косикова и Головина и месте их захоронения, пояснив, что непосредственно убийство совершил Рощин и другое лицо, а он только присутствовал…»*

Через два дня Рощин и Фокин приедут в Институт Склифосовского, где лечился от побоев Щербаков. Скажут, что здесь опасно, посадят его в машину и увезут.

Больше Щербакова никто никогда не увидит.

Его задушили в машине.

ФИРМЕННАЯ БАНДА

Проходит время, и «сотрудники» ИЧП получают возможность напряженные ситуации с конкурентами просто и без хлопот разряжать. Причем в прямом смысле этого слова: среди имущества фирмы появились пистолеты ТТ, Стечкина с глушителями, наган; автоматы Калашникова; карабин Симонова, пистолет-пулемет Шпагина, обрезы, множество патронов, осколочные гранаты, взрывчатка. Теперь они стали настоящей бандой. Если же выражаться точно, бандой *фирменной*.

К одному из главных фигурантов и исполнителей – Алексею Фокину присоединились Михаил Веркетис, Александр Киселев, Гочи Гаприндашвили, Иракли Какиашвили.

Вполне вероятно, что членов этой банды связывали довольно теплые и, абсолютно точно, родственные отношения, поскольку Рощин к тому времени уже стал гражданским мужем Мадлены Павловны, а Гаприндашвили и Какиашвили являлись супругами ее дочери Ноны. Один – бывшим, другой – нынешним.

Вот такой семейный подряд.

Спустя год предприниматели совершили новое двойное убийство – пробил роковой час для граждан Грузии: Гии Имерлишвили и Михаила Канчашвили. Мотив злодеяния был также двойным – госпожа Зворыкина подозревала, что Имерлишвили был каким-то образом замешан в недавнем похищении дочери. Закончилось все, правда, благополучно, и Нону отпустили. Но обида у матери, вероятно, осталась. Смертельная, по сути дела.

Была еще одна досада на соплеменника – угнанная машина. Гость с юга никак не мог со Зворыкиной и Рощиным договориться о том, кому сколько от ее продажи причитается. В общем, в соответствии с испытанным сценарием решили Имерлишвили убрать. А заодно – и будущего свидетеля, Канчашвили, с которым они вместе перегоняли в Грузию очередной похищенный автомобиль.

И их больше никто никогда не увидит…

В бухгалтерскую отчетность «Святого Георгия» впору было включать новую графу – затраты по убийствам. Неведомо только, как «сотрудники» обсуждали их – на производственных совещаниях, летучках, дружеских беседах за чашкой чая или бокалом вина?

Душили, били гантелями по голове, стреляли, расчленяли и закапывали трупы только мужчины. Единственную даму, генерального директора ИЧП госпожу Зворыкину, они, вероятно, из соображений галантности и милосердия (?) избавляли от острых ощущений. Ее прямое участие в казнях следствие доказало лишь однажды. Но женщина, безусловно, знала обо всех кровавых преступлениях, ибо они совершались во имя благополучия возглавляемой ею фирмы.

Из материалов приговора: *«В судебном заседании государственный обвинитель считает, что обвинение подсудимой Зворыкиной М.П. в том, что она организовала банду, не нашло своего подтверждения в судебном заседании, и просит данное указание из обвинения Зворыкиной М.П. исключить и квалифицировать ее действия как участие в банде и совершаемых ею преступлениях».*

Вожаком стаи был признан Рощин.

НЕ ПОДХОДИ! МОЕ!

У Рощина было несколько десятков различных автомобилей – он их постоянно скупал и перепродавал. Однажды на его пути каким-то боком встали «конкуренты» из Львова. К тому же в это время у Александра Владимировича угнали «Волгу» – разозленный главарь заподозрил в краже украинцев и решил «конкретно на них наехать».

13 декабря 1993 года «георгиевцы» взяли «языка» по фамилии Григорьев, поместили в гараж и, как водится, начали допрос с пристрастием:

– …твою мать, колись, наконец, где львовские снимают квартиру?

– Ребята, я, честное слово…

– Ах, ты…

Из материалов приговора: *«Примерно в 18 часов, продолжая насильно удерживать Григорьева А.В. и под угрозой лишения жизни принудив его показать местожительство указанных жителей Украины, Рощин А.В., Веркетис М.Б., Киселев А.В. и приехавший к ним в гараж Фокин А.Н., вооружившись неустановленным оружием, на двух машинах приехали по адресу …»*

Поначалу в квартире было двое приезжих. Потом на свою беду пришли еще пятеро – после коротких и, видимо, бесплодных переговоров их участь уже не вызывала сомнений.

Семь жертв? Нет, одному в тот вечер необычайно, сказочно повезло: некий Панькив, проявив недюжинную сноровку, совершил побег – благо проваленная конспиративная квартира была на первом этаже. Исчез из квартиры и оставленный без присмотра «проводник» убийц – Григорьев.

Хлопки, звон разбитого стекла, визг собаки, крики, опять хлопки – один за другим погибают братья Романишины, Иваськ, Дмитрик, Шарак, Возняк.

Самое поразительное вообще и не объяснимое для нормального человека, в частности, было то, что у нападавших не было точного мотива убийства! Раз Рощин решил, так тому и быть.

Шесть убийств за несколько минут!

Вы не находите, что в этом повествовании чересчур душно и смрадно? Давайте отвлечемся ненадолго, заодно и поразмышляем.

Что же это за люди, составляющие костяк фирменной банды? Внешне самые обычные – без дьявольского безумия в глазах, одеты, как полагается, и руки на вид чистые. Народ уже не юный, но и отнюдь не старый – стало быть, росли при прежней власти, где неустанно декларировались любовь к ближнему, доброта и участие. Впрочем, иные, и их было немало, жили по совести потому, что иначе не привыкли. Другие притворялись смиренными лишь из-за боязни заблудиться в густом и темном лесу советских законов – в нем повсюду, как капканы на зайца, были разбросаны грозные статьи с немалыми сроками.

Лес вырубили, капканы убрали. Ловкачи и ушлые люди приосанились, напялили на лицо наглую улыбку и, расталкивая друг друга, ринулись к «изобилию». Суды – божьи, нравственные, городские, областные – многие перестали замечать. Униженную саму собой милицию – тоже.

Уже под стражей Рощин в беседе без протокола, рассказывая о преступлениях, совершенных бандой, заметил со смешком оперуполномоченному:

– Почему это я за вас, милиционеров, должен делать вашу же работу? Ведь я вынужден был сам с этими отморозками расправляться!

Вот так – ни больше и ни меньше! Впору наградить Александра Владимировича Рощина псевдонимом Робин Гуд. Он и впрямь был недалек от истины: почти все жертвы «георгиевцев» – люди и с явным криминальным прошлым, и с аналогичным настоящим.

САХАР С КРОВЬЮ

Как и положено уважающей себя фирме, она вела сразу несколько коммерческих операций. Еще в июне 1993-го – заметьте, до двойного убийства граждан Грузии – генеральный директор «Святого Георгия» заключила договор с директором Нижегородского АОЗТ «Восточный экспресс» Шереметьевым (Толоконниковым) А.Ю. на поставку 120 тонн сахарного песка. Однако с самого начала сделки стороны имели разные задачи – бизнесмен с Волги намеревался товар получить, Зворыкина и К хотели покупателей элементарно «кинуть».

Нижегородцы, перечислив 31 миллион рублей на банковский счет и 3 миллиона 600 тысяч передав в руки самой Мадлене Павловне наличными, ждали обещанного. Но вместо товара время от времени получали липовые платежные поручения, фиктивные номера транспортных накладных, мифические номера станций и путей, куда якобы спешат вагоны с сахарным песком. Тем временем присвоенные миллионы Мадлена Павловна пускает в дело и уходит в подполье…

Однако уклониться от серьезного разговора ей все же не удается. В середине декабря 1993 года – опять же заметьте, что параллельным курсом совершается разборка с львовскими «автолюбителями» – Толоконников вместе с двумя братьями Макацария и еще тремя мужчинами приезжают к Зворыкиной.

Хозяйка и Рощин необычайно радушны и как будто выказывают искреннее стремление восстановить доброе имя фирмы.

– Хорошо… Отдадим, конечно… Но не сразу, а за месяц, в крайнем случае – за два. Если можно, частями.

25 декабря 1993 года – снова обратите внимание: спустя всего несколько дней после шестикратного (!) убийства – банда идет на очередное преступление. Мадлена Павловна приглашает к себе Сосо и Гиви Макацария. Мол, хотим возвратить первый взнос, как обещали накануне.

Их тоже больше никто никогда не увидит…

Потом бандиты *«завернули трупы в брезент, погрузили в багажник автомашины ГАЗ-31029, на которой Киселев А.В. вместе со Зворыкиной М.П. вывезли трупы…»*

Вот он, доказанный следствием факт причастности Мадлены Павловны к убийствам.

Интересно, о чем они говорили, пока ехали от офиса «Святого Георгия» по залитой огнями предпраздничной Москве, а потом по темному шоссе в лесок под Наро-Фоминском, где намеревались устроить очередное «кладбище»? Может быть, о том, как они будут весело встречать Новый год?

Когда обеспокоенные родственники братьев Макацария начинают искать Сосо и Гиви чересчур настойчиво, Рощин привычно решает «разобраться». К тому же, вероятно, вспоминает, что согласно примете все долги надо возвращать в уходящем году…

31 декабря 1993 года – праздновать так праздновать! – пятеро бандитов, возглавляемых Рощиным, врываются в квартиру на Большой Пироговской, где находились родственники братьев Макацария, двое неустановленных следствием мужчин и вдовы братьев. На женщин никто не обращает внимания, они испуганно затихают на кухне, мужчин же собирают в комнате. Начинается смертельная прелюдия.

Пришельцы вскидывают оружие, щелкают затворами, Рощин накручивает на пистолет глушитель.

Внезапно у некоего Славика Курсуа не выдерживают нервы. С неожиданной для его возраста прытью он отталкивает одного из бандитов, распахивает балконную дверь и падает с четвертого этажа.

По сути дела, это самоубийство стало четырнадцатым убийством…

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

В течение лета следующего, 1994, года следствие и оперативно-розыскные структуры выявили участников описанных преступлений, к ноябрю большинство из них были арестованы. А началась «раскрутка» этого дела совершенно неожиданно. Благодаря неизвестному, который стрелял в… Мадлену Павловну у подъезда ее дома.

Как рассказал корреспонденту «ЛГ» федеральный судья Владимир Усов, в ходе расследования покушения на гендиректора фирмы и всплыла преступная деятельность «Святого Георгия».

Госпожа Зворыкина получила десять лет лишения свободы, восемь из которых уже отсидела. Рощин же, как читателям уже известно, был признан организатором вооруженной банды и осужден на пятнадцать, остальные – на сроки от 8 до 12 лет.

– Не слишком ли мягкое наказание для «тринадцатикратных» убийц? – спрашиваю у судьи Усова.

– Все восемь обвиняемых привлечены к суду по старому уголовному кодексу, поскольку совершали свои преступные деяния в 1992 – 1993 годах. Максимальный срок наказания за такого рода преступления – 15 лет лишения свободы, поскольку в России действует мораторий на смертную казнь.

– Но почему суд начался с таким опозданием? Основные подозреваемые ведь были задержаны еще в 1994 году…

– После расследования, в котором, кстати, была задействована мощная следственная бригада столичной прокуратуры, дело поступило к нам, в Московский городской суд, однако по ходатайству подсудимых было передано в областной. В областном же суде процесс никак не могли начать из-за большой загруженности и болезней – то адвокатов, то обвиняемых. После долгих споров все же решили рассматривать дело там, где проводилось расследование, то есть в Московском городском суде. Процесс начался в октябре позапрошлого года, а завершился в августе 2002 года…

Кстати, подсудимые находились в следственном изоляторе на вполне законных основаниях, – добавил в заключение Владимир Георгиевич. – Уголовно-процессуальный закон, действовавший до июля нынешнего года, это позволял.

«НЕХОРОШАЯ» ПРИВЫЧКА

Семь мужчин и одна женщина совершали преступления в одно время, нынче уже основательно забытое, а осуждены в другое – наше с вами, привычное. Вроде бы, без малого десять лет – дистанция огромного размера…

В начале девяностых годов прошлого века к нам пришла «мода» решать деловые споры просто и доходчиво пулями или взрывчаткой. Стали появляться новые услуги: «конторы смерти», чей профиль – заказные убийства. Их «сотрудникам» было все равно, кого «грохнуть» за деньги – бандита с большой дороги, депутата, губернатора или генерала. «Святой Георгий», кстати, решил сэкономить – создал собственный «расстрельный отдел».

О цивилизованном способе разрешения конфликтов – в суде – никто всерьез и не думал. Да и не способны были юристы в том правовом вакууме спорщиков «разнять». Рыночные отношения только зарождались, предметы разногласий были неведомы, а проекты новых законов хоть и вырисовывались, но довольно смутно.

Мало что, по сути дела, изменилось и за прошедшее время. Можно ли надеяться, что «нехорошая» привычка начнет устаревать? Как будто есть основания в это верить – появились мировые судьи, которые займутся, в частности, решением имущественных и хозяйственных споров. Только пойдут ли к ним «за правдой»?

Кто из мелких предпринимателей вообще знает, как цивилизованно защищать свои интересы? Как отказаться от навязываемых услуг «крыш»? Газеты пишут об этом вскользь, на ТВ в моде лишь жареное да горяченькое. И в новостях, и в бесконечных сериалах о «крутых» и их кровавых «разборках». Что такое нынче «хорошо»? Хорошо стирать «Тайдом» и чистить зубы «Блендамедом», а плохо быть слабаком и не уметь разговаривать с конкурентом, как «советуют» киношники.

…Поэт когда-то говорил, что «времена не выбирают, в них живут и умирают». Теперь же чаще *«убивают»*. Боюсь, что, когда «сотрудники» «Святого Георгия» обретут свободу, они без труда узнают в окружающей действительности старые, милые им черты.

Валерий БУРТ,
корреспондент «ЛГ»

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

Мужской род, единственное число...

Дети любят «анекдоты» из жизни ученых:

Ньютону упало на голову яблоко – и он открыл закон всемирного тяготения.

Пропп купил в лавке букиниста сборник русских народных сказок и открыл, что все волшебные сказки состоят из одних и тех же элементов, «функций».

Я не перечисляю их пятиклассникам, а предлагаю найти самим:

– Жили старичок со старушкою, у них была дочка да сынок маленький…

– Вот поженились царевичи: старший – на боярышне, средний – на купеческой дочери, а Иван Царевич на лягуше-квакуше…

– Сел Иван Царевич на Серого Волка верхом и поскакал… – Я делаю паузу. – Каким словом можно обозначить общее начало всех волшебных сказок, когда у героев «все хорошо»?

– Мир и покой.

– Совет да любовь.

– Взаимопонимание… – Предлагают дети.

У Проппа эта часть сказок называется «научно»: «начальная ситуация» – мы в конце концов выбираем «гармония».

– Что нужно, чтобы ее сохранить? – спрашиваю я.

– Не оставлять братца одного.

– Не жечь лягушечью кожу.

– Не трогать клетку жар-птицы… – Бойко отвечают дети.

– Как назвать это одним словом?

– «Нельзя».

– «Не надо».

– «Запрещаю»… – Перебивают друг друга мои ученики.

«Запрет», – пишу я на доске.

…И так, шаг за шагом, точнее, слово за слово, от частного, конкретного, от яблонь, речек, печек, сундуков, уток, яиц, жар-птиц и уздечек, мы двигаемся к общему, абстрактному:

– нарушение запрета,

– беда,

– поиск утраченного,

– чудесный помощник,

– место встречи,

– бегство,

– погоня,

– спасение.

В.Я. Пропп в своей книге «Морфология сказки» выделил 31 общий элемент волшебной сказки, Джанни Родари в «Грамматике фантазии» свел их к 20, мы – в школьных тетрадках – к 10, к той «игле», которая остается от «яйца» и «сундука».

И тогда я спрашиваю:

– А зачем нам это нужно?

Дети недоумевают: им так весело было работать, они такой стог сена перекопали в поисках «иголки», и вдруг – «зачем».

Но я продолжаю:

– Все сказки «снаружи» разные, а «внутри» одинаковые. «Внутри» они все об одном. Точнее, одно. «Сказка – ложь, да в ней намек», – сказал поэт.

Очевидно, «ложь» – это то, что снаружи, а «намек» – что внутри. Так что же там внутри? Какой намек?

Дети, понятное дело, молчат.

И я говорю:

– Вот послушайте…

Жил-был некто спокойно и счастливо. Всего у него было вдоволь. Все ему было можно. Все, кроме одного. Но вот это-то одно он и совершает. И в миг кончается его счастливая жизнь – у него отнимается что-то самое ценное. Он хочет найти утраченное, вернуть былое счастье, но сам сделать это не в силах. И тут ему на помощь приходит некто более могущественный, чем он.

Благодаря своему чудесному помощнику герой возвращает утраченное и, более того, возвращает с избытком… – Я перевожу дыхание. – Вот этот «намек», который находится внутри всех сказок, как самая маленькая матрешка внутри своих многочисленных пестрых сестер. Что же это за «сказка сказок»?

Я обвожу взглядом притихших детей и жду: я всегда надеюсь, что найдется хоть один…

И он находится.

Максим обхватывает голову руками, как если бы на него упало яблоко, и говорит шепотом:

– Да это же Библия!.. История грехопадения и спасения человека…

Он потрясен своим открытием.

Мальчишки жмут ему руки, девочки улыбаются…

…А я думаю о том, что он вырастет и напишет книгу «Онтологические корни волшебной сказки».

Все-таки наука – дело мужское…

Инна КАБЫШ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Это дублер или я?

О клонировании и в шутку, и всерьез

Пожалуй, главными героями прошедших новогодних праздников стали не только хорошо известный седобородый старец в красном колпаке, но и еще один малознакомый персонаж. Появление на свет якобы клонированной девочки оттеснило все другие новости. Пока не известно, блеф это или нет, но совершенно ясно, что ни сегодня-завтра двойники все же появятся. Ученые жаждут войти в историю, а обыватели – избавиться от страха старости и смерти. У всех есть свой интерес.

Однако давайте подумаем, так ли уж заманчива перспектива вечной жизни и чем, собственно говоря, клонирование может быть полезно конкретному человеку? Например, зачем вам ваш двойник?

БИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТОР

Вам нужны запчасти для ремонта собственного организма?

Вы их вполне сможете получить. Для этого нужно просто клонировать свое тело, вырастить его в абсолютно изолированных от общества условиях и законсервировать, к примеру, заморозив.

В этом процессе, правда, есть один особо пикантный момент. Чтобы получить полную копию себя любимого, нужно использовать не только наследственный материал ядер, но и митохондрий. То есть эмбрион двойника придется вынашивать вашим родственницам по материнской линии – матери или сестре.

Далее. Если вы все-таки получите свою телесную копию, но не изолируете ее от людей и культуры, она перестанет быть простым дублем вашего организма и станет вполне самостоятельной личностью. Попытка использовать ее как донора биологических запчастей будет равносильна убийству человека.

Вы скажете, что некоторых такие «мелочи» не остановят? Придется этих некоторых огорчить. Если для них не существует общечеловеческих ценностей, значит, они просто давно уже погибли как Homo Sapiens, и никакое бессмертие им не грозит в любом случае.

Главная ценность человеческой жизни связана отнюдь не с телом, а с душой, с уникальной способностью любить, творить, страдать, наконец. Нашу сущность невозможно «отксерить». Поэтому, если будете создавать для себя комплект запчастей в форме клона, изолируйте его от любых проявлений человеческой культуры.

И не пробуйте лично с ним встретиться. Это опасно. У вас возникнут к нему чувства. Вы можете случайно его полюбить как своего младшего брата, захотите о нем заботиться как о своем ребенке или приревнуете к его молодости и красоте. С этого самого момента вы начнете относиться к нему как к личности, а не как к биологическому конструктору, и все ваши планы расстроятся.

Если же вы четко выдержите все правила выращивания своего двойника и сможете воздержаться от его очеловечивания, то вас все равно ждет разочарование – новые запчасти не дадут вам существенного прибавления здоровья и долголетия. И вот почему. Известно, что процесс старения определяется не столько состоянием отдельных органов, сколько душой, образом жизни, способностью реализовывать свой потенциал. Уверена, у каждого есть примеры двадцатилетних старичков с потухшими глазами и семидесятилетних юношей, полных сил и вдохновения.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШИ

Может быть, вы хотите, вырастив своего клона, продолжить собственный путь в его новом молодом здоровом теле?

Увы, это абсурд – ваше тело повторить можно, а вот вашу уникальную личность, ваш особый внутренний мир – категорически нет. Поэтому после клонирования ваш телесный двойник станет жить своей собственной жизнью и через некоторое время начнет становиться непохожим на вас даже внешне, так же как с возрастом начинают отличаться друг от друга однояйцевые близнецы.

Может быть, вы надеетесь, что ученые научатся сохранять душу на дискетке и переписывать без потерь в новое тело? Но именно это утверждает теория реинкарнации, говоря, что душа бессмертна и каждый раз реализуется в новом теле для того, что бы пройти очередной виток своего развития, сохраняя все уроки прошлых жизней. То есть такое бессмертие у вас уже есть.

Кроме того, главная сущность человека – в свободе духовных и творческих проявлений. А это противоречит самой задаче это сохранить и

Игорь ВАРЧЕНКО

копировать. Поэтому надежды на искусственных носителей души – иллюзорны. Противники идеи клонирования человека не выступают против развития науки, они защищают гуманистические, нравственные и духовные ценности человеческого бытия, которые и являются его сутью.

Кстати, исследовательское любопытство ученых уже давно удовлетворила природа. Полными копиями друг друга с точки зрения генома являются однояйцевые близнецы. Наука активно изучает результаты этого естественного эксперимента для того, чтобы выявить взаимовлияние природных и социальных факторов в развитии человека. Оказалось, что в становление формальных способностей и темперамента больший вклад вносит природа, а на развитие и реализацию личности влияет культура, общество и неповторимый жизненный путь.

ИЩЕМ ТО, ЧТО ЛЕГЧЕ НАЙТИ

А может быть, клонирование поможет человечеству улучшить собственную породу? Такие идеи витали еще в XIX веке, когда наука генетика как раз и предлагала проводить селекцию и улучшать генофонд людей за счет скрещивания лучших с лучшими. Но в мире нет проблемы с гениальностью – есть проблема в раскрытии уникальных ресурсов каждого человека и их конструктивной реализации.

Вы, конечно, знаете анекдот про прохожего, который долго искал свои ключи под фонарем на остановке автобуса. Когда подключившиеся к поискам люди осторожно спросили: «А может быть, вы их потеряли не здесь?», – прохожий ответил: «Конечно, не здесь, но здесь искать светлее».

Людей тревожат не проблемы здоровья и долголетия – это всего лишь формальности, хотя и важные. На самом деле за страхом смерти – страх не успеть реализовать собственный потенциал.

Бог когда-то сказал людям: «Плодитесь и размножайтесь». При этом он, конечно же, имел ввиду не только биологическое умножение человеческого рода. Очевидно, что творческое, духовное, нравственное преумножение людского рода – вопрос намного более сложный, чем физическое размножение. Технический прогресс давно обогнал нравственный. Технологичность лавинообразно вытесняет человечность.

А мы все ищем не то, что потеряли, а то, что легче и престижнее найти.

Клонирование не спасет мир, поэтому придется спасаться более привычным путем – через любовь, творчество, веру, духовность.

Евгения ВАРЛАМОВА,
кандидат психологических наук

ЗНАТЬ ИЛИ НЕ ЗНАТЬ?

В конце ноября прошлого года («ЛГ», № 46) была опубликована полемическая статья Ильи Аркина «Литература умирает в школе», в которой с критических позиций оценивались учебники по русской литературе. Это не первая статья на наших страницах на действительно болезненную проблему. Предлагаем читателям продолжение дискуссии. Надеемся, что она затронет учителей, филологов и просто людей, неравнодушных к вопросу преподавания литературы, тем более что это касается каждого, чьи дети сегодня учатся в школе.

Поплакали. Что дальше?

Похоже, дискуссии о том, каким быть школьному курсу по истории русской литературы и быть ли вообще, стали уже общим местом. Каждое лето преподаватели вузов, читая по большей части шаблонные абитуриентские сочинения, воочию видят плоды рутинного, не свободного от догм недавнего прошлого школьного преподавания классики последних двух столетий. Налицо проблема, справиться с которой одним лишь школьным учителям, нередко ставящим «методику» преподавания выше самого предмета, очевидно, не под силу. И здесь чрезвычайно своевременной становится пока еще недостаточно широкая экспансия вузовских, университетских специалистов-филологов, чье участие в создании школьных учебников по литературе, разработке программ и методических указаний для учителей и учащихся, проведении углубленных занятий в гуманитарных выпускных классах могло бы оказать неоценимую помощь в учебном процессе.

Особая головная боль многих сегодняшних выпускников и в не меньшей степени их учителей, с которыми автор этих строк имел возможность непосредственно общаться в пору работы в одном из московских лицеев, – *это русская литература XX века.* В самом деле: как в доступной форме говорить в молодежной аудитории о художественных явлениях минувшего столетия, многие из которых еще и в академическом-то мире не получили адекватного осмысления? На какие источники ориентироваться при разговоре о литературе советского периода – понятно ведь, что ни официозные «конвойные» предисловия, ни ниспровергающие все и вся публикации перестроечных и даже послеперестроечных лет не могут сослужить здесь надежную службу. А с современностью-то совсем беда: какие явления из этого колоссального и разнокачественного литературного и псевдолитературного потока могут стать интересным предметом обсуждения для выпускников? Как, приобщая их к новинкам литературы, развить в молодых людях вкус к литературоведческому, читательскому анализу?

Сегодня из уст скептиков в отношении нынешнего преподавания словесности нередко с удивлением приходится слышать наивный в своей беспомощности тезис о том, что-де литературоведческий анализ «убивает живое восприятие» произведения юными читателями, что некое «свободное чтение» вообще несовместимо с такими едва ли не калечащими молодую душу формальностями, как «программа» и «ответы на уроке». Подобные суждения опасны таящейся в них перспективой фактически полного вытеснения курса литературы на обочину учебного плана и превращения разговора о произведениях в своеобразное кружковое действо по интересам, где каждый, упиваясь «свободным чтением» (в лучшем случае!), превратится в бездумного потребителя печатной продукции, воспринимающего прочитанное на сугубо бытовом уровне и говорящего о персонажах как о своих знакомых, полностью игнорируя эстетическую природу художественного образа. Спору нет, школа не ставит задачу подготовки профессиональных исследователей – речь не об этом. Но ведь даже полноценное читательское восприятие невозможно без методически грамотно организованных занятий по литературе, где «лекционная» часть непременно должна сочетаться с самостоятельно подготовленными учащимися сообщениями. В свое время, преподавая литературу XX в. в лицее, я подробно знакомил учеников с творчеством крупнейших художников, скажем, серебряного века – А. Блока, А. Ахматовой, В. Маяковского и др. – и видел тот неподдельный интерес, с которым выпускники брались сделать небольшие сообщения о других поэтах этой эпохи, рассмотрение произведений которых не входит в почасовой план. И какие интересные споры разворачивались у одиннадцатиклассников о стихотворениях З. Гиппиус, К. Бальмонта или ранней М. Цветаевой! Разве не рождается в этих дискуссиях (не пустословных, но опирающихся на полученные из лекционных занятий и проработанные ***в добровольно-принудительной форме*** знания об общем литературном и культурном климате рубежа столетий) истинно живой, не «умерщвленный методическим скальпелем» читательский опыт, опыт свободного самоощущения в гуманитарной сфере? Практика того, что мы с моими подопечными называли тогда «коллективными обсуждениями» пройденных произведений, необходима для формирования недогматично мыслящего и открытого к диалогу читателя. Несостоятельна точка зрения, согласно которой ученик якобы в состоянии, не имея никаких заранее сформированных навыков эстетического анализа художественного текста, выработать о нем самостоятельные суждения. Подчеркну: ***отказ от добровольно-принудительного прививания этих навыков, от систематического эстетического изучения литературы в школьном курсе лишь умножит армию читателей бульварных изданий.***

Чрезвычайно опасны и предпринимаемые сегодня попытки заменить сочинение по литературному произведению на изложение, которое полностью подчиняет пишущего ходу чужой мысли, или, что еще хуже, на тест. Очевидно, что тестовая форма напрочь лишает ученика всякой возможности самостоятельного творческого самораскрытия: ведь, работая над сочинением, его автор порождает свое, уникальное текстовое пространство, вступает в читательский и отчасти исследовательский диалог с тем художественным произведением, о котором он размышляет. Сама способность «сочинять», формировать и развивать свою языковую личность оказывается необходимым условием становления полноценной индивидуальности. Любой тест по литературе, в лучшем случае проверяющий лишь механическое владение фактографической стороной материала, примитивизирует сам процесс восприятия произведения. В самом деле: ***на первом ли месте*** должно стоять знание школьником точного количества снов Раскольникова или всех адресатов пушкинских любовных посланий? Да и что даст подобное «кроссвордное» отгадывание теста? Не стоим ли мы перед глобальной угрозой перерождения наших школьников в интеллектуальных «мутантов», принципиально не воспринимающих словесность в качестве художественного преломления векового национального опыта? А ведь именно к этому может привести введение ***теста*** по литературе вместо ***экзаменационного сочинения,*** которое является не только способом итогового контроля знаний, сколько обучающей формой, заставляющей человека ***создавать свой собственный текст*** и думать на родном языке. Об этом наши горе-реформаторы не подумали?

Курс литературы XX века завершает многолетний цикл школьного литературного образования, и это делает его роль стратегически важной. От того, как донесет учитель понимание трагической судьбы отечественной литературы, подвергшейся невиданному по сравнению с XIX в. давлению извне и в то же время обогатившейся новыми эстетическими открытиями, как покажет он соотношение кризисности и подлинных творческих исканий в современной литературе, зависят культурный кругозор выпускников, подчас утерянная ими сегодня способность ***рефлектировать о своей истории и современности.***

Александр КАРЗАНОВ

Действенным средством для повышения эффективности школьного преподавания отечественной словесности XX в. могло бы стать объединение творческих усилий вузовских профессионалов и учителей. Первый опыт такого сотрудничества уже имеется: создан пятитомный учебный комплекс по русской литературе XX века под редакцией проф. В.А. Агеносова, который объединил видных специалистов, в том числе из МГУ и МПГУ.

Как всегда бывает в России с любым масштабным начинанием, для пишущей псевдоэрудированной, но до сих пор по какому-то досадному недоразумению не создавшей ничего основательного братии учебник стал просто из рук вон плохим. Что ты будешь делать: то «настойчиво партиен» уже с первых строк, то «революционно преобразующей миссией русской литературы» авторы увлеклись. Его то за «пестроту» и многочисленность авторского состава поносят (ностальгия по «единственно верной методологии»?), то, наоборот, «плюрализма» в нем якобы недостает: что ни глава, то сплошные «советскому строю» упреки поразбросаны... Один «рецензент» даже договорился до того, что в главах о поэзии М. Кузмина и «Приглашении на казнь» В. Набокова увидел пропаганду гомосексуализма... Вообще сам характер этой демагогической (вполне в духе памятных разоблачений всяческого «формализма») дискуссии показателен для сегодняшнего общественного сознания, которое и по сей день пытается отыскать в учебнике как таковом некую последнюю, ту «единственно верную» истину о том, как же в конце концов этот XX век всем дружно в школе преподавать... ***Вероятно, откровенно политический характер многих нападок на учебник как «справа», так и «слева» свидетельствует о том, что его авторам как раз удалось совместить эстетический подход с историческим, осмыслить минувшее литературное столетие в качестве грандиозного художественного отражения и положительного, и отрицательного опыта нашего национального пути, до сих пор вызывающего ожесточенные споры.***

При этом не следует забывать, что учебник – ***только система необходимых ориентиров*** в мире литературы. Даже самый лучший учебник по литературе, особенно такой противоречивой эпохи, как XX в., ни в коем случае не может превращаться в настольную книгу школьника, служить «руководством» при знакомстве с произведением. Его задача – познакомить как учителя, так и ученика с имеющимися точками зрения на новый и новейший литературный процесс, скорректировать представление о главном и второстепенном в изучаемой программе, о предпочтительных формах доведения и обсуждения литературного материала с аудиторией. Он важен как средство систематизации уже полученных знаний ***после*** прочтения и обдумывания самих произведений.

На мой взгляд, указанный труд в полноте удовлетворяет этим научным и методическим требованиям. Полагаю, что для многих учителей немалая часть осмысленного здесь материала, особенно в части о второй половине века и современности, станет открытием. И слава Богу. Та самая множественность точек зрения на материал, в которой зоилы упрекали авторов, как раз создает вариативное, ориентированное на дальнейший диалог видение литературного пути и очень точно отражает сегодняшнее состояние филологической науки. Вместе с тем в учебнике последовательно выдержаны единые структурные принципы: обобщающие разделы удачно совмещены с развернутым рассмотрением художественного мира писателей и далее со скрупулезным разбором их ключевых произведений. При неодинаковых творческих пристрастиях авторов разделов здесь удалось нащупать целостный «сюжет» развития литературы – «от многоярусной художественной реальности» серебряного века, разделения русской литературы на параллельно развивающиеся «ветви» после 1917 г. до разноплановых и неравноценных творческих поисков во второй половине столетия и, наконец, до современности, которая, как, по-моему, не отмечал еще ни один из рецензентов, «прописана» в учебнике неожиданно ярко и рельефно. В завершающих главах второго тома («Художественные поиски и традиции в современной поэзии», «Современная русская драматургия», «Современная литературная ситуация») обстоятельно и одновременно доступно говорится о постмодернистских тенденциях, их соотношении с традицией в целостном контексте литературного движения. И здесь авторы, как бы опережая разработку вузовских курсов новейшей русской литературы, по сути, предлагают средней школе новейший инструментарий ее осмысления. Решена в учебнике и еще одна принципиально важная задача: авторам оказалось под силу пройти между Сциллой неумеренной политизированности при рассмотрении литературной жизни и Харибдой полной абстрагированности от конкретных социокультурных условий ее протекания.

Бесспорно, учитель вполне может расширить, видоизменить круг тех явлений, которые в классе будут подробно разбираться. Скажем, разговор о второй половине века невозможно представить без знакомства с творчеством поэтов-бардов: ведь авторская песня В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Ю. Визбора и др. стала тогда мощным стимулом духовного бытия нации, и это, несомненно должно отразиться в школьном курсе. Учебник В. Агеносова, создавший вполне завершенную картину XX в., в то же время не может быть воспринят учителем и учеником как единственно возможный путь интерпретации материала: не случайно повествование в главах часто сопровождается специальными вопросами к читателю, ориентированными в том числе и на выработку альтернативных суждений.

Думается, что этот учебник стал серьезным шагом вузовской науки навстречу проблемам, стоящим ныне перед средней школой. Но активность должна проявляться обеими сторонами: словесникам, взявшим на себя ответственность преподавать в выпускном классе, стоило бы почаще бывать на университетских конференциях по литературоведению, и не просто бывать, но и выступать, стремиться соотнести направления новейшей филологической мысли с учительской практикой. Например, на прошедшей недавно в МГУ конференции «Традиции русской классики XX века и современность» проблема преподавания литературы в средней школе прозвучала лишь однажды на пленарном заседании, причем из уст вузовского же преподавателя... А всем пишущим о школьном преподавании словесности пора бы от панихидного плача по якобы «умирающей» в школе литературе, зверски «добиваемой» плохими учебниками, перейти наконец к позитивному обсуждению того, как же все-таки помочь нашей школе научить старшеклассников читать и мыслить самостоятельно, соотносить литературную историю XX века с днем сегодняшним и грядущим.

Илья НИЧИПОРОВ,
кандидат филологических наук

СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

Поручик Ржевский

Есть такой анекдот из серии о поручике Ржевском. Прекрасное солнечное утро. Ржевский вышел на крыльцо – румяный, молодцеватый – и аж крякнул от удовольствия. Прыгнул в седло, проскакал версту, только пыль столбом. Вдруг остановился, посмотрел вниз и хлопнул себя по лбу: «Е-мое! А лошадь-то где?» И поскакал обратно.

Есть такой персонаж – Дмитрий Быков. Поэт, прозаик, критик, журналист и телеведущий. В последнее время, кажется, еще и политолог. Прошел огонь, воду и медные трубы. Был когда-то членом ордена куртуазных маньеристов, в тюрьме за нецензурщину сидел, с голубого экрана без рубашки позировал, на крупные литературные премии выдвигался.

Мне такие люди в общем-то нравятся. От их темперамента жизнь становится шумнее, беспокойнее. В конце концов самый симпатичный помещик в «Мертвых душах», разумеется, Ноздрев. А что крестьяне у него как мухи мрут, это не всякий школьный преподаватель заметит.

Конечно, Быков-критик, а тем более поэт и прозаик объемнее означенного образа. В его статьях нередко встречаются дельные и трезвые мысли, порой точные и выразительные оценки дутых авторитетов. В его стихах есть индивидуальная интонация и даже вполне серьезный мировоззренческий надлом, не переходящий, впрочем, в истерический надрыв.

Увы, *ржевщина* – штука затягивающая. Скакать в седле, не зная, что под седлом нет лошади, это еще куда ни шло. Но скакать, зная об этом, это уже паранойя.

В электронном «Русском журнале» наш герой ведет рубрику «Быков-quickly», название которой, сколько я понимаю, пародирует аналогичную рубрику Вяч. Курицына «Курицын-weekly», недавно закрывшуюся (см. «Сведение счетов» от 18 – 24 сентября 2002 года). Quickly переводится как «быстро».

Быков знает законы собственного жанра, и quickly, как правило, скачет по темам не самым значительным. Вроде присуждения очередного Букера. И тут очень уместен его забавно-самодовольный тон вроде: *«Я вполне доволен результатом Букера-2002»*, – так обычно главы государств на совместных пресс-конференциях выражаются. То есть Быков-то сам не чувствует этого стилевого комизма, он вполне *серьезно* так говорит, но это-то и смешно, и замечательно. Не знает о лошади.

И когда он дружески советовал лауреату Олегу Павлову *отмежеваться* от меня, потому что я *радикальный славянофил, переплюнувший Владимира Бондаренко,* потому что я печатаюсь *в позорной поляковской «Литгазете»*, я, честное слово, искренне смеялся, ибо вспомнил еще анекдот про Ржевского. Бал у князя Гагарина. Свечи, мазурка, *дамы с голыми плечами* (это цитата из Быкова, так он почему-то букеровскую церемонию представляет). Вползает на четвереньках Ржевский, похмельный, в кальсонах. Забирается на стол и падает мордой в торт. «Поручик, что с вами?» – спрашивает князь. «Кто здесь?!» – испуганно вскидывает голову поручик.

Не спорить же с Быковым всерьез? Не напоминать же ему, что *отмежеваться* и проч. – это из лексикона революционной и сталинской критики? Что до прихода в «ЛГ» Юрия Полякова в качестве главного редактора я печатался в той же газете 10 лет и взгляды свои с тех пор как-то уж особенно не менял. Что, наконец, *в позорной поляковской* газете печатается много известных писателей, журналистов, политологов. За что Быков их-то оскорбил? Михаила Веллера своего любимого за что облыгал?

Извинитесь, поручик!

В последнем быковском quickly речь идет о новой книге А.И. Солженицына о русско-еврейских отношениях «Двести лет вместе» (вторая часть), о которой я писал в последнем номере «ЛГ» за старый год.

«Он (я. – **П.Б.**) *заявил, что никакая книга уже не может подорвать авторитета Солженицына».* Ложь, причем какая-то даже необъяснимая. Ничего подобного я не писал. Я вообще слово *«авторитет»* терпеть не могу, поскольку оно из воровского лексикона.

«...адекватная реакция [на книгу] *почти невозможна. Начнешь защищать евреев – сразу признаешься в собственном еврействе, да еще злокозненном, злонамеренном, лживом, передергивающем и проч.».* Поручик, что с вами? Очнитесь! *Признаются* в пороках, преступлениях. Если в вас что-то эдакое сидит, ступайте к священнику, либо к прокурору, но не валите свои душевные и умственные комплексы на всех остальных.

Все, что пишет Быков дальше, не хочется ни цитировать, ни комментировать. Это такой экскурс в русскую литературу озабоченного хулигана, не понятно только, чем озабоченного. Гоголь у него *глуп*, Толстой *дремуче и непроходимо* глуп, Чехов *пошл и одномерен.* В сравнении с ними Солженицын, пожалуй, еще легко отделался. У него всего лишь *тьма несбывшихся прогнозов и неверных оценок, и он не может претендовать на подлинный исторический охват.* Подозреваю, что наш поручик иссяк на Гоголе с Толстым. Надо ж и передохнуть, стаканчик пропустить. В конце статьи он усталым тоном приносит свои извинения *всем, чьи национальные чувства задел.* Бедный, бедный поручик!

Советую ему поменять название рубрики с Быков-quickly на Быков-quickie. Две буковки всего, а смысл-то какой точный! «Quickie – 1) наспех выпущенная, недоброкачественная продукция, халтура *(о книге, фильме и т. п.)*; 2) что-то сделанное в спешке, второпях *(выпивка на ходу, еда на скорую руку и т. п.)*; 3) что-то очень краткое, непродолжительное». Из Большого англо-русского словаря. На выбор.

Павел БАСИНСКИЙ

НАШЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Веселое имя Пушкина — новому институту!

По аналогии с немецким «Гёте-Институтом», второй десяток лет с успехом действующим в России, на днях учрежден его российский аналог – «Пушкин-Институт» (Международная гуманитарная миссия), призванный способствовать распространению русского языка и культуры в Германии. Новый институт возник под могучим крылом Фонда культуры России. Президент фонда Никита Михалков стал президентом «Пушкин-Института». Наш корреспондент встретился с вице-президентами института Натальей Семиной и Асей Боярской. В беседе принял участие и координатор литературных программ «Пушкин-Института» известный литературовед Юрий Архипов.

– Каковы же задачи и цели института?

Н. СЕМИНА. Не секрет, что интерес к русской культуре в Германии то вспыхивает, то заметно ослабевает в зависимости от синусоиды политической конъюнктуры. Нами движет желание придать этому процессу стабильный и жизнестойкий характер. Не хотелось бы произносить громких слов, но, как представляется, наш проект востребован самим временем. Именно сейчас, когда весь мир встревожен угрозой всеобщей нивелировки под надвигающимся катком глобализации, важно создавать такие острова цветения традиционных культурных ценностей – идеальных, неподвластных диктату рынка. Форумы культурных встреч, где соприкосновение и взаимодействие разных культур становятся фактом живой жизни. Культурная ось Москва – Берлин (с возможным продлением ее в дальнейшем до Парижа и Мадрида, с ответвлениями на римский юг и лондонский север) должна стать мощным фактором сопротивления культурному одичанию, от которого Европа страдает не меньше нашего. Отсюда, кстати, и тот взрыв интереса к «перестройке», который можно было наблюдать в той же Германии лет двенадцать – пятнадцать назад. Там ведь ждали, что после исчезновения «железного занавеса» из России хлынет «свет с Востока», излучаемый прежде всего великой русской литературой. Увы, хлынуло другое. Россия оказалась разной. И сама с любопытствующим азартом ребенка набросилась на отхожие места европейской масс-культуры. Но ведь надо этому сопротивляться. Нельзя допустить, чтобы мир погиб, захлебнувшись в той жиже, которую, например, ежевечерне извергает на нас телевидение.

– Организацию «Пушкин-Института» полностью берет на себя Фонд культуры?

Н. СЕМИНА. Нет, нами созданы два совета – попечительский и учредительный (консультационный). В первый войдут, как мы надеемся, директор Пушкинского Дома РАН Н. Скатов, директор Института мировой литературы Ф. Кузнецов, директора Института русского языка им. Пушкина и издательства «Русский язык», директора главных пушкинских музеев России, представители Министерства иностранных дел России и Отдела внешних церковных сношений Русской православной церкви. Персональные приглашения будут направлены писателям А. Солженицыну, В. Распутину, А. Битову, поэтам Б. Ахмадулиной, О. Седаковой, А. Кушнеру, Ю. Кузнецову, Ю. Кублановскому, В. Куприянову, литературоведам–пушкинистам С. Бочарову, В. Непомнящему, П. Палиевскому. Список будет неизбежно продолжен.

В непосредственно рабочем Учредительном совете согласились принять самое деятельное участие главный редактор «Литературной газеты» Ю. Поляков, литературовед Ю. Архипов, постоянно выступающий с докладами о русской литературе на немецком языке в университетах Германии; академик-лингвист О. Митрофанова, автор методических разработок по преподаванию русского языка иностранцам; искусствовед В. Манин, теоретик кино И. Вайсфельд. Каждый из них будет занят разработкой и осуществлением программ в своей сфере компетенции.

– Какова же структура и сфера деятельности «Пушкин-Института»?

А. БОЯРСКАЯ. Они во многом аналогичны немецкому «Гёте-Институту», расположенному в Москве в здании бывшего посольства ГДР в конце Ленинского проспекта. Это библиотека, фонотека, фильмотека, постоянные курсы русского языка для всех желающих, периодические курсы повышения квалификации для немецких преподавателей русского языка; это и регулярные художественные выставки, выступления писателей, встречи с артистами, гастроли театральных коллективов, концерты мастеров вокала и балета, ретроспективы фильмов выдающихся русских кинорежиссеров прошлого и современности, «семинарии» по тому или иному писателю-классику, дискуссии о тенденциях современной литературы, «круглые столы» историков, философов, политологов, публицистов, тележурналистов и т.д. Для осуществления всей этой программы хорошо бы располагать центром, аналогичным тому, коим владеет «Гёте-Институт» в Москве. Было бы действительно прекрасно, если бы МИД пожертвовал для этой цели часть зданий, оставшихся от посольства в Бонне, перебравшегося в Берлин. В идеале – если бы со временем возникла целая сеть филиалов «Пушкин-Института» в таких городах, как Мюнхен, Гамбург, Кельн, Штутгарт (где и планировалось создание подобного учреждения еще при Горбачеве). Разумеется, нельзя забывать и о столице объединенной Германии – Берлине. Распространение замысла, утверждающего место России в мировой цивилизации, на другие страны мы бы, конечно, только приветствовали. А правящий орган «Пушкин-Института» должен находиться в Москве. Соответствующее помещение мы сейчас и подыскиваем.

– Таким образом, русский «Пушкин-Институт» – полная калька немецкого «Гёте-Института»? Или есть и отличия?

Ю. АРХИПОВ. Они концептуального или, если угодно, идеологического характера. «Гёте-Институт» прекрасно, образцово организован, но его созидательный пафос на русский вкус слишком нейтрален, невнятен, размыт. Образно говоря, его идеал – информация, наш идеал – любовь. Любовь, то есть нарастающий интерес, углубляющееся понимание, укрепляющееся чувство потребности друг в друге. Всему этому тоже можно разумно способствовать. Для этого недостаточны отдельные развлекательные мероприятия или образовательные курсы. Тут нужна целенаправленная программа, чтобы всем миром с обеих сторон попытаться выявить (в теории) да поддержать, внедрить (на практике) наиболее «питательные» элементы взаимообогащающего культурного обмена, основывающегося на давней истории русско-немецких отношений и на понимании их судьбоносной перспективности. Такие темы, как «Образ немца в русской культуре» и, соответственно, «Образ русского в немецкой культуре», должны стать сквозной задачей целых десятилетий. Вспомним, что наши великие князья женились почти исключительно на немецких принцессах, а их дети, российские государи, строили потом в Германии православные церкви, действующие и поныне. Вспомним и о том, что наши славянофилы, открывшие своеобразие русской культуры, обучались историческому романтизму в немецких университетах. Гёте, Шиллер, Кант, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр, Ницше (а также роковым образом Маркс с напарником) – это отдельные главы и в истории русского духа (недаром в некоторых американских университетах существуют кафедры «Истории русско-немецкой литературы и философии»). С другой стороны, нет ни одного сколько-нибудь значительного немецкого писателя XX века от Томаса Манна и Германа Гессе до Мартина Вальзера и Зигфрида Ленца, для которых не являлись бы величайшими авторитетами и учителями в литературе Толстой, Чехов, Достоевский, Гоголь, Тургенев, а для весьма многих и Пушкин, Лермонтов, Лесков, Горький, Бунин, Булгаков, Набоков, Платонов. Трудно найти в минувшем веке значительного немецкого поэта, который не попробовал бы свои силы в переводе с русского. «Пушкин-Институт» вполне мог бы устраивать конкурсы школьных сочинений на сюжеты из истории России и русской культуры.

«Пушкин-Институт», буде окажется в финансовых силах, возьмет под свое крыло и совместные русско-немецкие симпозиумы историков, а также экономистов, что представляется особенно актуальным.

Беседовал
Алексей ТИХОНОВ

Анатолий КОБЕНКОВ

Бывший человек

* * *

Эти капризы рыхлой резьбы по кругу
наших прогулок – родственники по вскрику
(да и по всхлипу) книге Исход, в которой
счастья коленце из одного колена
перетекает в другое – стопа музыки
там и вступает, где ваша боль ступала,
бедный Сирах, громокипящий Енох,
там и ступает, где от сибирской Евы
лишь черенок яблоневый – не боле
горького семечка, ставшего Божьей волей
сладкой репризой в небо летящей рамы –
вспышка гераньки в тюлевом нимбе мамы…

Утро

От песенки отталкиваясь, от
ее припева –
над городом очнувшимся плывет
ночная дева:

плечо крылатится
и мелодрамой
из тьмы халатика
то мрак, то мрамор…

Снам не обученный, в сатиновых трусах,
в штанах на вате,
в девицей прибранных крахмальных небесах
спешит солдатик.

Как хорошо им: встретятся, найдут
друг дружки руки
и медленно друг в дружку потекут,
как реки – в реки

и горы – в горы…
Жаль, что из-за нас,
зачем-то к ним летящим торопливо,
ночная дева вскрикнет «не сейчас!»
и мятым облаком прикроется стыдливо…

Пейзажик

Дождик выпал, и пейзажик мой запал
в немую темень и косится дико
на свет – что вороненая стопа
Софокла, подтолкнувшего Эдипа
к отцеубийству…

Налетает снег,
и мой пейзажик обрастает пеной,
как малое дитя, чей зычный смех
сначала – прыткий, а потом – степенный…

Подобно химику, обросшему во сне
глухонемой металликой Вселенной…

* * *

…и прободавшие столы
златоянтарными рогами
плоды,
и августа стволы,
шугающие нас лугами,
и вязкий свет, и тень пчелы,
затерянная меж псалмами;

и медом дышащий псалом
двадцать восьмой,
с чьим Богом славы
мы, побратавшись за столом,
очнулись посреди дубравы…
Вот родина – Давидов дом,
где сладко мужикам и травам:

где юноша Авессалом
знобит нас взглядом предкровавым…

* * *

И в этом быть, и в той – и тем, который плачет,
и той, которой плач увянуть не дает…
я бывший человек, я всех люблю иначе –
не ночи напролет, а годы напролет…

Быть шторкой при окне, приступочкой при сенцах,
печалью, что сгорит, обидой, что смолчит…
Я пращур и предпрах – мне ведомо, что сердце
не боле паучка
и ножками сучит.

Меж книжкою Дюма и штангою футбольной
да тем кукареку, что выдохлось в ку-ку…
Я бывший человек – а если мне и больно,
тем проще паучку, тем слаще паучку…

* * *

…ну и что с того, что башка твоя в моих поцелуях,
да и плечи – тоже, и те же руки, и та же попа,
ну и что с того, что спрашиваешь, почему я
о себе подумал, притом, что тебя прохлопал,

ну и что с того, что ты семя мое, а плачешь,
ну моя надежда, а маешься без надежды
на мою поддержку, и ломку никак не спрячешь,
и она, как ветр, сотрясает твои одежды,

ну и что с того, что ты вышел из дома, горю
подставляя щеки, на слово мое притопнув…
если встретишь Йорика, вспомни: отец твой – Йорик,
прикоснешься к тополю, думай: отец твой – тополь…

ну и что с того, что знобит нас, шатает, клонит,
что – летучий прах – мы то солнце, то счастье застим,
и притом, что не ждут нас, а, дверь приоткрывши, гонят,
мы с тобою пороги кровавим: здрасте!..

Вот с тобой мы какие: опять огорчаем маму
да, на радость соседям, таскаем себя, как гири,
от болотца – к морю, да от часовенки – к храму
да от горя к горю, от горя к горю, от горя к горю…

* * *

Могли бы и не жить.
Ты представляешь:
я – выкидыш послевоенной ночи,
ты – недоносок брежневского сплина,

я к облаку лечу,
подтолкнут воплем
«Да здравствует Иосиф Виссарьоныч!».
ты к облаку спешишь, подтолкнут всхлипом
лица социализма развитого.

и вот сидит на краешке союза
из социалистических республик
Евгений (но уже не Боратынский,
а тот уже, который Евтушенко) –

сидит и шумным перышком сверкает,
и складывает строки «Недоноска»,
тебя расслышав
и меня приметив.

ИРКУТСК

Борис ГОРЕВ

РАССКАЗ В ГАЗЕТЕ

Эти трое – Сережа Самсонов, Денис Савельев и Светлана Кузнецова – в начале этого лета покинут институт. Светлане Кузнецовой надо будет защитить еще диплом и сдавать госэкзамены, а ребятам только сдавать «госы», дипломы они защитили, в порядке исключения, на четвертом курсе – оба романами. Сережин роман «Настоящий Ненароков», тоже явление нечастое, был даже опубликован в «Вестнике Литературного института». А как еще быть, когда проза как проза, плотная и многообъемлющая, а не как цирковая трапеция, она ведь и востребуется не так, как пиво «Балтика» и кока-кола.

Все трое пришли в институт по конкурсу и отсидели у меня в семинаре 5 лет. Все из глубинок России. Денис – из Воркуты, Сережа – из Подольска, тоже не самого близкого Подмосковья, а Светлана из Самары. Два года назад у Дениса и Светланы в общежитии в их комната состоялась свадьба, было человек десять. На столе стояла курица, был морс из привезенной матерью Дениса клюквы, почти не было выпивки.

Я еще тогда подумал, вспомнив, правда, и свое полунищенское бракосочетание, что с будущим у этих ребят все будет в порядке. Я уверен во всех троих, уверен в их текстах, в их служении русской литературе, в будущих энциклопедиях и словарных статьях, которые со временем посвятят этим ребятам. Мне вообще иногда кажется, хотя я люблю и Москву и москвичей за их острый и цепкий взгляд, что будущее нашей литературы прирастет провинцией.

Сергей ЕСИН,
ректор Литературного института имени Горького

Будущее литературы прирастает провинцией

Сергей САМСОНОВ

Трамвай

Петр Вощанов просыпался ровно в шесть каждый день недели, кроме субботы: он садился на постели, свешивал между коленок длинные, с хищными, крючковатыми пальцами руки, озирал свою комнату длиной в семь метров и шириной в два с половиной, почти пустую, потому что если ее заставить чем-то, то негде будет ходить, нечем будет дышать. В полседьмого Вощанов, позавтракав чаем и яйцом всмятку, отправлялся в трамвайное депо, за ним был закреплен красный дребезжащий трамвай под номером семь – седьмой маршрут волей случая имел наименьшее число разных поворотов и скривлений, напротив, он, как швейная игла, и туда и сюда пронизывал город, волочил пассажиров с неуклонной, безразлично бряцающей заданностью. Трамвай содрогался, понятно, не от ужаса, что никто не может и ни разу не мог изменить маршрут, а от трудностей самого медленного пути, от собственной затянувшейся старости. Парк не обновлялся – вот он и оставался на ходу.

Уходя, Петр Вощанов старался не видеть своего отражения, благо зеркала у него не было, избегал видеть, потому что боялся напоминаний, на кого он похож. А он действительно был похож. Те немногие, кто знал его, говорили: это все борода, ты бороду сними. Но Вощанов-то знал, что не в бороде тут дело и что без бороды он будет похож так же, как с бородой. Пусть, может, и для одного себя. Дело в том, что далеким предком Петра Вощанова был... ну, как бы это сказать, язык не повернется, как же так, ведь поворачивался до сих пор, да то ведь тогда, когда предок был нам не предок, а был никто – благородным и скорбным челом в учебнике литературы, которое совсем уж бесчувственный малолетний мерзавец возьмет да и изукрасит очками слепца, дымящейся сигаретой и знаком доллара на этом самом челе. Предок Вощанова был канонизированный тайновидец и духовидец от нашей каторжной великой словесности. Поняли? Те, кто не понял, не поймут и того, что значил такой предок для Вощанова. Да он и не Вощанов никакой, а прямо ту фамилию и носил – привычную русскому уху, как водка и самовар. Не будь у Петра отчима по фамилии Вощанов, жизнь бы его в школе, да и дальше превратилась бы в сущую муку, потому как всегда есть в среде жестокосердных детей своя жертва, непонятно каким произволом избираемая. Впрочем, понятно каким – достаточно отличаться ушами, особенной прилежностью, слабосилием, толщиной, не то что такой фамилией. Страх перед фамилией был бы преодолен вскорости, не обнаружь и не ощути подросший за собой Вощанов непредусмотренного, необыкновенного свойства. Свойство было примерно того же рода, что и способность прыгать в высоту на три метра, когда все остальные прыгают на два и выше двух прыгать не полагается. Но нет бы разбежаться и прыгнуть, а Вощанов всякий раз при разбеге спотыкался и грохался, поднявшись, понуро, как будто просил прощения, отходил, так что никто и не знал, что он вообще способен прыгать. К литературе вагоновожатый никак не относился, никак не принадлежал (только через фамилию), часто случалось так, что он долго вслушивался в какое-нибудь слово, выхваченное из ряда других слов, и вид и звучание этого слова казались ему бессмысленны и ужасны, казались бесцельным и случайным смешением звуков. Вот и не мог Вощанов никак выразить и передать то, что он знал, при каждой встрече узнавал о людях. Он не мог сказать им этого убедительно и вообще никак не мог – язык его становился неуклюж и огромен, и всякий осмысленный звук стрял в горле. Его приняли бы за шарлатана, за увешанного цепями колдуна с руками, как бы нарочно приготовленными для того, чтобы судорожно вцепиться... в человека, в его неведомую судьбу, о которой тот ничего не хочет достоверно знать, а знать совершенно не то. Вощанов приходил в депо, получал табель, заранее радовался неуклонности своего пути, этой швейной прямизной он защищался от сваливающихся на него без порядка (кто на трамвай успеет) судеб; он чувствовал себя ответственным за этих людей до тех только пор, пока не закончит маршрута. Вощанов с лязгом открывал дверь, впускал людей, смотрел на них в зеркало заднего вида. Он видел женщину, грузную, оплывшую, ей было тяжело взбираться с рулонами моющихся обоев, придавленной новой мелкой заботой, забывчиво несущей настоящую, крупную – сына, которого надо было спасать от армии, недостатка витаминов в зимний период, замерзающих рук, и все это любой ценой: на женщине рыжая шуба, сшитая хитрыми китайцами из тысячи узеньких обрезков-лоскутков, синие мужские спортивные сапоги, как колодки... Вощанов волей-неволей знал, что будет с ней, с тягловой лошадью, и сыном ее, которого в трамвае в помине не было, переросшим подонком, который влезет в квартиру к собственной родной тетке и получит свои законные пять, а мать будет таскаться с передачами и без, писать кассационные, экономить, экономить и экономить. Вот едет кавказец, щупленький, замученный, обреченный, в дубленке с грязными, свалявшимися катышками воротника: его участь еще упрямей и злей, хотя кому позволено сравнивать. Его ударят ножом под самым носом милиции в завтрашней рыночной стычке – он будет стоять, замерши, пока будут разбегаться его соплеменники, топча помидоры и опрокидывая лотки, будет стоять, как приведенный на убой, глядеть затравленно недоуменными бараньими глазами, и высокий рыжий русский парень поймает эти глаза и мгновенно поймет, что этого можно. Вот едет стоя и ни за что не держась, как будто врос в дребезжащий пол, ясноглазый красавец в пальто, его подбородок тверд и резко очерчен, он белолиц и румян, пьет диетическую колу и всем видом говорит, что трамвай не его транспорт. У него, по крайней мере, все будет относительно хорошо и, уж конечно, долго. Он окончит свою академию, будет работать в гигантской мраморной и фонтанной конторе «Транснефти», отвечать за исправность нефтепроводов, то есть каждые с 9 до 19.00 не делать ничего, только раскладывать пасьянс и играть с компьютером в шахматы, женится на девушке, соответственно, ясноглазой и спортивной, похожей на всех известных теннисисток, вместе взятых, она не сможет родить ему ребенка и будет думать, что это ее вина, хотя это будет его вина. Да, он проживет относительно счастливо и достаточно долго, так долго и так нестерпимо, безвыходно счастливо, что в один июньский, тошнотворно солнечный день, в первый день отпуска, он выпьет виски «Джи энд Би», разгрызет с дюжину синеньких пилюль и ударится виском об угол мраморной ванной – люди в халатах и форме совместно констатируют несчастный бытовой случай. А на самое последнее сиденье обрушился по всем внешним признакам человек в болоньевой, в нескольких местах прожженной куртке, с короткими руками и непомерно большой, тяжелой головой, непонятно как держащейся на утлых, подергивающихся плечах. То был тяжело больной человек, непонятно как оставленный без присмотра, он вел трамвай, управлял им, то есть брызгал слюной, гудел и урчал, и на плавающем его лице была сосредоточенная старательность, ответственность довезти... А потом трамвай превращался в вертолет, катясь вперед, он еще и взлетал вверх, больной человек закатывал пустые бесстрашные глаза к потолку и вращал рукой невидимые лопасти над головой. Он был так подлинен, что все, что он делал, казалось вдохновенным, уже помимовольным притворством. Люди отсаживались, люди предпочитали стоять, мама сдергивала с места малыша, отворачивала его лицом от дебила к окну, а тот не мог понять, почему срывают, почему отворачивают – ведь так интересно. Тут уже и Вощанов не мог предсказать никакой перемены судьбы, потому что какая уж здесь перемена. Инвалидный дом меняем на областную лечебницу. Каково ему? Ему не так, как на Пусть только никто не подумает, что одни только уродливо обреченные жизни занимали вощановский трамвай. Влезали люди благополучные, люди, любимым делом поглощенные, одержимые, честные и нищие сыскари, самодеятельные музыканты, беспамятно пьяные, накурившиеся личности, которые засыпали на щербатом, изломанном сиденье и видели сквозь наглухо грязное, забрызганное окно синих и желтых драконов, разливанное море алмазов. В вощановском трамвае самозабвенно целовались, и мир тогда был огромно мал, сомкнувшись и сжавшись, стеснившись вокруг двоих, в его трамвае пели песни о кондукторе, морозе, мертвом рок-н-ролле, в его трамвае играл оркестр духовых инструментов, целых шесть остановок играл медленные тягучие вальсы. Плыли густые басовитые звуки, и качался, вздрагивал трамвай. Но всем этим забывшимся людям, которые одновременно были в трамвае и еще где-то, Вощанов забывчиво улыбался в усы. Он задерживался, спотыкался на тех, кто в его трамвае не был защищен никакой радостью. Но что он мог, хозяин хищного глаза, лишенный потустороннего могущества и всякого чувства слова? Он мог только довезти каждого до места, принявши на себя ту же ответственность, что и этот больной мальчик. И он вез, каждое утро поднимался в шесть, вздрагивал и холодел с каждым лязгом своих дверей, впуская нового человека, всегда с одним и тем же чувством раз и навсегда уходящего и неспособности помочь объявлял конечную станцию Партизанскую заставу.

Денис САВЕЛЬЕВ

Мальчик на чердаке

Через окно залы Никита видел, как мать разговаривает через забор с долговязым мужчиной в серой фабричной спецовке и замасленной, сдвинутой набекрень кепчонке. Потом мать исчезла из виду, а мужичок все стоял возле калитки, сопел папироску. Мать появилась в дверях и с порога:

– Никитк, курицу режь!

И кинулась к комоду, отодвинула один ящик, закрыла, отодвинула другой – платок искала, зеленый платок с розами. Никита не шевелился.

– Это с работы, – пояснила мать. – Ну поспеши же!

Прильнув к мутному зеркалу, по краям которого были приклеены старые пожелтевшие фотографии дедов и прадедов, она стала пудрить нос и щеки.

Никита вышел во двор и пошел к сараю. Первый снег хрустел под ногами, изо рта шел пар. Закрыв за собой калитку небольшого загона, построенного еще отцом для того, чтобы куры не разбредались по всему двору, Никита выбрал одну из птиц и пошел на нее, широко расставив руки. Курица была поймана. Никита взял ее за лапы, и она, повиснув вниз головой, стала яростно махать крыльями. Он отнес ее к поленнице, достал спрятанный под навесом топор. Курица, почуяв близкую смерть, еще яростнее замахала крыльями, но потом вдруг стихла, будто осознав всю тщету своих жалких попыток. Никита положил ее на чурбан, на котором обычно колол дрова для бани, задрал птице крылья и придавил их коленом. Левой рукой взял курицу за голову и оттянул ее в сторону. Из-под пальца на него неморгающе смотрел пуговицеобразный глаз. Колени Никиты задрожали. Он проделывал это много раз с тех пор, как остался в семье единственным мужчиной, и всякий раз его колени дрожали. Никита нешироко взмахнул и опустил топор на шею курицы.

– Михал Антонович, ну что же вы не заходите? – с крыльца закричала мать.

Мужичок в промасленной спецовке с желтой надписью на спине «ЦБК» выкинул очередной окурок в палисадник и, звякнув калиткой, вошел во двор.

Никита подошел к матери и протянул ей цинковое ведро, в котором лежала обезглавленная тушка курицы.

– Сынок, ты погуляй пока. К Сережке сбегай, – сказала мать и неловко погладила его по голове.

Никита хмуро посмотрел на мужичка, уже стаскивающего на пороге высокие шнурованные ботинки – такие ботинки носили за речкой фабричные. Заметив его взгляд, мужичок смущенно улыбнулся. Один носок его был дырявый, но он нисколько не стыдился этого. Никите нравилось, что он не стыдится.

К Сережке Никита не пошел, вместо этого он поднялся на чердак. Он здесь часто бывает. Обычно Никита сидит на сундуке, в котором хранятся старые журналы «Техника – молодежи», «Сельская новь», «Здоровье». Его мать еще молода, и он ни в чем ее не винит. На чердаке пахнет пылью и осенью. Листать журналы ему не хочется, он идет в дальний угол – там небольшое смотровое оконце. Отсюда видны весь поселок и даже часть города на той стороне реки. Паутина свисает с потолка. Изо рта идет пар. На улице происходят какие-то события – возле «Промтоваров» толпятся люди, по железке идет порожний товарняк, из труб фабрики валит дым, но это уже на той стороне, это далеко, это почти в другом мире.

Вдруг Никита заметил в паутине высохшего мотылька. Он мохнатый и толстый. Никита берет его в руки и долго рассматривает, потом относит его к разбитому трюмо, стоящему возле сундука. Из ящика трюмо он извлекает коробочку, в которой прячет грузила и рыболовные крючки. Он кладет туда мотылька и снова убирает коробочку в ящик. На пальцах остается пыльца.

Перед тем как спускаться, он останавливается напротив обломка зеркала, выпавшего из трюмо, и долго смотрит на свое отражение – он всегда так делает, прежде чем спуститься. Перед ним стоит горбатый двенадцатилетний мальчик. Где-то в углу копошатся мыши.

Светлана КУЗНЕЦОВА

Дрозд

Кот пропал три месяца назад. Он не смел безбоязненно гулять по улице, а только ползал по траве от почтения к большому миру, которому был не нужен: он радостно трусил за собаками, потому что верил – они друзья ему. Он проделал дыру в сетке от комаров, вставленной в форточку, и ушел. Дрозд так и не смог оправиться от потрясения. Он порвал с Олей Ивановой, потому что ему грустно было, просыпаясь ночью, видеть на подушке ее голову вместо своего серого кота, спящего на спине с блаженно раскинутыми лапами.

Сейчас он сидел в сквере на лавочке, потягивая «Кровавую Мэри» и громко матеря собак в ошейниках и их хозяев. Парень с боксером был единственный, кто подошел к нему. Остальные только косились осторожно.

– Ты что, нарваться хочешь? – произнес он почти по слогам, играя цепочкой на ремне под расстегнутой курткой. Боксер залаял.

– Вали отсюда, урод, – с ненавистью огрызнулся Дрозд.

Парень покрутил пальцем у виска и, дернув собаку за поводок, отошел.

Хозяйственная постройка (где хранили инвентарь работники сквера), расписанная граффити, порозовела от заката. Рядом дети в сыром песке рыли яму. От измороси щеки и руки их замерзли. Дети работали совками, лопатками и сосновыми сучьями (здесь росли сосны) сосредоточенно и безмолвно. Дрозд был уверен, что это особый прием: пока они не подадут голос, родители из окон соседствующих со сквером домов не позовут их ужинать и спать.

Он медленно допил свою томатную хрень из жестяной банки и начал жечь спички. Просто так. Он сидел и поджигал их одну за другой, наблюдая, как колышется от ветра оранжевый огонек. В мыслях Дрозд был далеко отсюда – в том времени, когда его еще никто не называл Дроздом...

Вдруг ему пришло в голову, что сегодня 3 октября, и он зажег сигарету одной из спичек, снова вспомнив о коте. Несмотря на молчаливый труд детей, откуда-то донесся женский голос:

– Петя, домой!

Вскоре песочница опустела. Дождь припустил. Дрозд видел только мокрые края песочной ямы. Она казалась ему бездонной. Это было наваждение. Он закрыл глаза и тихо позвал:

– Мыша!..

Кот не отзывался. Дрозд сидел со сжатыми веками. Он думал о том, что сейчас должен увидеть этот сумасшедший мир его глазами. Тогда он непременно отыщет кота. Но он видел только черноту.

Одежда на нем промокла, сигарета, зажатая в руке, наверное, отсырела. Но Дрозд не хотел вспоминать, где находится: он хотел спать.

Вдруг ему показалось, что рядом кто-то есть. Кругом была темень, даже собственных ног не разглядеть. Но то, что слева человек, Дрозд чувствовал так ясно, как никогда в жизни не чувствовал. Глаза все никак не привыкали к темноте, и Дрозд, топчась на месте, недоумевал: что с ним? Спустя какое-то время впереди зажегся яркий свет. По молчаливому согласию с человеком, что дышал слева, оба они пошли на этот свет, словно ночные мотыльки. Но огонек постоянно удалялся – они не могли приблизиться к его источнику. Дрозд напрягал глаза и всматривался, неимоверным усилием воли заставляя себя видеть дальше, чем он был способен. Поначалу ими владело только недоумение, потом – тревога. А когда Дрозд наконец разглядел шестигранный фонарь, который держала за кольцо чья-то рука там, впереди, тревога переросла в ужас. Подозрение разъедало душу Дрозда, с его спутником – он это чувствовал – творилось совсем худое: он готов был повернуть назад. Лицо фонарщика. Оно казалось знакомым. Мужское далекое лицо, белое, в темных пятнах, как старое почерневшее серебро, на него падал отсвет. Дрозд понял: этого человека он должен догнать во что бы то ни стало. И он ускорил шаг, внушая ногам, что надо идти быстрее... быстрее... как никогда прежде... Иначе...

Дрозду было страшно, но он настигал фонарщика. Человек, идущий рядом, внезапно отвернулся от ослепительного огня и, унося в сердце беспросветную тоску, пошел назад. А Дрозд наконец узнал это лицо. Человек с фонарем, вероятно, понял все и усмехнулся. Это был тот самый учитель геологии, который носил в верхнем кармашке пиджака искусственную белую астру и с геологией был знаком лишь по книгам. Десять лет назад ему раскроил голову сорвавшийся с крыши кирпич. Вся вина Дрозда заключалась в том, что в это время он со своей шоблой (как давно все это было!) тусовался на крыше. Кто бросил кирпич, Дрозд не знал. Может, он и сам сорвался, а может... Все были обдолбанные, и Дрозд ни фига не помнил, но все равно вымаливал по ночам прощение у Бога, в которого не верил.

Теперь, когда враг был опознан, когда он обрел плоть и обвиняющие глаза, Дрозду стало легче. Он нагнал его довольно быстро. Фонарщик, заглядывая в его лицо, ходил кругами, чтобы не приближаться к Дрозду, хотя они находились уже в десяти шагах друг от друга. Преодолевая отвращение и страх, Дрозд уставился ему в глаза. Фонарщик тоже остановился и всмотрелся в него. Так они стояли целую вечность. И когда враг, опустив взгляд, повернулся и пошел прочь и фонарь колыхался в его руках, Дрозд готов был выть от внезапного счастья.

Утро занималось. Серое замороженное небо тускнело над кучами гниющих листьев, над черными от осени деревьями. Неподалеку слышалось шарканье метлы. Оживляющий полынный запах костра, в котором жгли мусор, заполнил ноздри. Дрозд почти не чувствовал рук – так они замерзли. Он деревянными пальцами полез в карман за спичками и зажегшимся огоньком попытался отогреть ладони. Немного придя в себя, он услышал, как стучат его зубы. Только тогда он заметил слева от себя на лавке белую, как спичечный коробок, мертвую руку. Ночью рядом с ним замерз бомж.

Дрозд поднялся и медленно пошел к костру – погреться перед тем, как идти домой. Теперь он понял, что такое ад.

ГАСТРОЛИ

Пан Онегин на смене эпох

Варшавская Национальная опера привезла в Москву три спектакля. Два из них представили национальную классику XIX и XX столетий: «Страшный двор» Станислава Монюшко (первая постановка – 1865 год) и «Король Рогер» Кароля Шимановского (1926). Обе оперы не сходят с афиш польских театров. Первая – как романтико-патриотическая история «на все времена». Вторая – как попытка заглянуть в бездны века двадцатого, даром что события в ней лукаво отодвинуты авторами в далекое прошлое.

«Рогер» – запоздалый и оттого особенно прихотливый цветок модернизма. И сюжетно, и идейно он очень напоминает «Огненного ангела», над которым Прокофьев работал в те же самые двадцатые годы. К королю Сицилии Рогеру II приходит загадочный Пастух, не то искуситель, несущий разлад в души, не то посланец нового божества или даже само божественное существо.

Режиссер Мариуш Трелиньский, осуществивший нынешнюю постановку «Рогера» в 2000 году, не стал разгадывать все загадки, скорее переадресовал их зрителям. Из спектакля трудно понять, чем именно пленил всех Пастух, странный андрогинный персонаж в белом балахоне с малиновыми гроздьями. Он пришел, и жить по-старому становится невозможно. Рогер отказывается казнить пришельца, и за Пастухом устремляются приверженцы нового культа во главе с женой короля Роксаной. Но именно Рогеру уготовано пройти дальше всех. Последовав за Роксаной, он, ослепленный, восклицает: «Я вижу свет!»

Рогеру, как и другим персонажам, дано мало действия; опера статична, а эмоции спрятаны под наслоениями сложных гармоний, порой вызывающих в памяти позднего Скрябина. Но в исполнении Войцеха Драбовича король выглядит единственным цельным, созданным из плоти персонажем. К сожалению, Драбович оказался единственным из певцов, кто достойно поддержал усилия дирижера Яцека Каспшика по воссозданию непростого мира музыки Шимановского.

Солисты на первые роли – не самая сильная сторона польской оперы. Прозрачность западных границ, с одной стороны, позволяет варшавянам время от времени слушать у себя дома Хосе Куру, Чечилию Бартоли и других мировых звезд, с другой – не удерживает лучших певцов от отъезда в более богатые западноевропейские театры (например, молодой польский тенор Петр Бечала приехал в январе в Москву в ранге солиста Цюрихской оперы). «Страшный двор» становится, как и «Рогер», дирижерской удачей Каспшика – и вновь спектаклю не хватает ровного состава, чтобы во всей красе представить популярнейшую оперу польского репертуара.

К тому же поставлен «Страшный двор» по принципу «кто в лес, кто по дрова». В глазах рябит от попыток режиссера Миколая Грабовского идти одновременно в разных направлениях. На фоне условной декорации усадебного дома (художники Зофья де Инес и Славомир Левчук) под вполне донизеттиевские фиоритуры актеры вдруг начинают играть чрезмерно сочный быт, в который вдруг влезают карикатурные слуги старой вдовы.

Но ко второму акту весь этот коктейль более или менее успокаивается, и начинаешь получать почти детское удовольствие от наивной истории про гордых и отважных польских воинов и их не менее гордых и самоотверженных подруг. Апофеоз – огромная ария Стефана, пронесшего через всю жизнь песню, которую пел отец, уходя на войну, со вкусом исполнена Томашем Куком. И совсем уж стало замечательно, когда на сцене появился ключник Сколуба (превосходная роль Ромуальда Тесаровича), рассказывающий страшные байки про привидения и каждую историю завершающий вопросом: «Страшно-о? Нет? Ну тогда еще табачку» (густым-густым басом). Такой вот вечный персонаж, не требующий и даже протестующий против привязки к современности.

Быть может, эту смену эпох ярче всего иллюстрирует третий спектакль гастрольной программы – «Евгений Онегин». Точнее, просто «Онегин» – так назван спектакль Мариуша Трелиньского. Впервые за сто с лишним лет театр поставил оперу Чайковского на русском языке. Варшавская премьера 1899 года шла на итальянском (!), а затем долгие годы Евгениуш Онегин пел по-польски. Пел при царе и при Пилсудском, пел, естественно, при коммунистах. Не выдержал только последних исторических катаклизмов и в 1976 году покинул варшавскую сцену на целых двадцать шесть лет.

Новый «Онегин» поставлен людьми, не имеющими желания сводить какие бы то ни было политические счеты.

В спектакле не найти примет русской усадьбы или петербургского бала. Вместо непременного самовара – стол, усыпанный яблоками. Вместо лесов и дубрав – лишь фрагменты стволов берез («для меня Россия – это и березы, и Родченко», – говорит Трелиньский). Такой взгляд со стороны иногда обнаруживает неожиданную проницательность. Разросшиеся в пышное версальское представление куплеты Трике вдруг оказываются предшественником пасторали из «Пиковой дамы», а звериные маски в сцене ларинского бала вызывают в памяти сон Татьяны – его нет у Чайковского, но он есть у Пушкина, которым восхищается режиссер.

В то же время «Онегин» ярче всего воплощает противоречия сегодняшнего состояния варшавского театра. Для нового поколения польских певцов эстетика Чайковского понятна гораздо меньше, чем стилистика итальянской оперы. Они не чутки к нюансам и зачастую «спрямляют» музыкальный текст. В итоге спектакль теряет ту дополнительную глубину, которая могла бы возникнуть в сочетании психологической достоверности исполнения с броским режиссерским рисунком.

И все же знакомство с театром из Варшавы стоит признать удачным. Живой театр из Восточной Европы оказался интереснее, чем окаменевшая «Тоска» из Рима, побывавшая в Москве осенью.

Дмитрий АБАУЛИН

ФЕСТИВАЛЬ

Час пик на Площади Искусств

Петербург открыл сезон юбилейных торжеств

В четвертый раз фестиваль «Площадь Искусств» в Петербурге стал звездным мостиком из старого в новый год. Идея в том и состоит, чтобы добавить света в долгие зимние сумерки города белых ночей. Воплощать ее взялись учреждения культуры, расположенные на одноименной площади, прежде всего – Академическая филармония имени Д.Д. Шостаковича во главе с худруком Юрием Темирхановым. Он же возглавил оргкомитет фестиваля, который ныне открывал череду событий, посвященных 300-летию Санкт-Петербурга.

В честь юбилея фестиваль удлинился на два концерта, что не отразилось на концентрации звезд. Начать с того, что маэстро Темирканов три вечера провел за пультом, воплощая свой принцип «дирижировать не нотами, а смыслом». В программе – Брамс, Рихард Штраус, Мусоргский, Шостакович, Прокофьев, Григ. Солисты – Евгений Кисин, Вадим Репин, Ланг Ланг – из числа дорогих и редких гостей даже для Большого зала филармонии, но, разумеется, не могли отвергнуть персональное приглашение маэстро. Впервые в рамках фестиваля выступил Московский академический камерный хор под руководством Владимира Минина. В Малом зале прозвучала премьера концертной оперы Сергея Баневича «Сцены из жизни Николеньки Иртеньева» – первый опыт творческого заказа филармонии. Уже по традиции фестиваль представил молодое дарование – дирижер Алан Бурибаев, «открытый» Темирхановым на конкурсе в Копенгагене, дал концерт с Академическим симфоническим оркестром филармонии. С этим же оркестром выступали звезды вокала – Владимир Чернов, Марина Мещерякова (питерский зритель едва ли не впервые услышал ее изумительный голос), темнокожая американка Барбара Хендрикс, которой покорилась европейская классика…

Одним из главных героев фестиваля стал Евгений Кисин. Его виртуозная, полнокровная игра завораживала, исполняя Второй концерт Брамса для фортепиано с оркестром под управлением Темирканова, он словно плыл в потоке музыки. Кисин дал и сольный концерт – первый на этой сцене после 12-летнего перерыва, и вновь его благодарили стоя. Выступая четвертый или пятый раз на «бис», пианист неожиданно решился повторить сложнейшую фантазию «Исламей» Балакирева. Получилось даже более мощно и вдохновенно, чем в основной части программы. Кроме того, Темирканов и Кисин провели открытую репетицию: входные билеты на нее были буквально сметены. Наконец, Кисин играл в Юсуповском дворце на новогоднем балу маэстро, среди гостей которого вовсе не случайно оказалась делегация из США.

Грэг Такер, вице-президент Балтиморского симфонического оркестра, где Темирканов – главный приглашенный дирижер, был в восторге от «Площади Искусств», равно как от ансамбля Карла Росси. По инициативе Темирканова уже в феврале в Балтиморе состоится трехнедельный фестиваль «Виват, Санкт-Петербург!» – самое большое (бюджет 900 тысяч долларов) из аналогичных мероприятий в городах США. Что характерно: используя петербургские мотивы, он призван показать значимость Балтимора как центра культуры, искусства и туризма. Накал страстей обеспечат пять основных и более 50 мелких «очагов культуры». Американцы со свойственным им прагматизмом уже считают, сколько дополнительных долларов в туристический «мертвый сезон» получат гостиницы, кафе, музеи, театры города, и приехали к нам за опытом.

Разумеется, всякий фестиваль – не только искусство, но еще и маркетинг, и бизнес. С этой точки зрения «Площадь Искусств» – типично петербургский продукт. Лепту в его создание вносят и два других организатора фестиваля, обитающих на площади. Русский музей представил экспозицию «Двое» на вечную тему отношений добра и зла, любви и ненависти, «я» и «мы» в контексте разных стилей и эпох. Этот двоичный код бытия отражали около 150 икон, картин, скульптур из фондов музея и Третьяковской галереи. Как всегда, комфортным пристанищем для гостей фестиваля был Гранд-отель «Европа». И только. Другие учреждения культуры с площади Искусств пока в стороне. Балетная труппа Малого театра имени Мусоргского по традиции уехала на рождественские гастроли в Японию, благо что предоставив сцену для «Русского Гамлета» в постановке Бориса Эйфмана. Театр Музкомедии, говорят, озабочен сложностями, возникшими после ремонта. И пока американский «Виват, Санкт-Петербург!» подсчитывает будущие доходы, наша «Площадь Искусств» дума, как свести концы с концами. Можно было бы дать «растечься» фестивалю по театрикам, музеям, арт-галереям и кафешкам, но тогда будет безнадежно потерян его элитный уровень, что для Петербурга, понятно, неприемлемо. Похоже, и сами организаторы не склонны с кем-то делить свою тяжкую ношу. Когда речь у нас зашла о вовлечении в фестивальную орбиту еще одного соседнего театра, мне было замечено, что все-таки на площади он не прописан.

Многое фестивалю не благоприятствовало: лютые морозы, сравнительно дорогие билеты, недавние события вокруг «Норд-Оста», отпугнувшие часть гостей. Тем не менее свободных мест в залах практически не было, а было ощущение праздника. Если последующие юбилейные события пройдут на том же уровне, то краснеть за «отмечание» не придется. Планка поднята высоко.

Аркадий СОСНОВ

ПРЕМЬЕРА

Ироническое молчание народа

В Театре Наций «Бориса Годунова» разыграли как фольклорное действо

Князь Шуйский и бояре шумно выясняют отношения и перемывают косточки Годунову. Роскошные боярские наряды виртуозно сооружены из холста и веревок. Отброшены какие-то детали костюмов, взяты другие – и перед нами уже польская шляхта. Опять перемена деталей в нарядах – и вот уже развертывается сцена в корчме. Спустя какое-то время Хозяйка корчмы оборачивается Мариной Мнишек. А монахи и стражники превращаются в народ московский…

Между зрителями и сценической площадкой – длинная скамья. На ней разложены разные предметы и детали одежды, их берут артисты по ходу дела, превращаясь в того или иного персонажа. И на эту же скамью усаживаются те из актеров, кому приходится на какое-то время выйти из игры (костюмы Марины Алимовой).

Денис КРЕПКОВ

Сцена из спектакля

Председателю Пушкинской комиссии Валентину Непомнящему принадлежит мысль, что «Борис Годунов» может быть представлен на сцене именно как народное действо. Эту идею подхватил режиссер Юрий Авшаров. Именно в таком, «народном», ключе «Борис Годунов» в постановке Авшарова идет на сцене Театра Наций.

Спектакль разыгрывается как бы в фольклорном круге, и на самой сцене, и по ее периметру. Но зрители все же не включены в этот круг. Дань привычной психологии общения в традиционном портальном театре – линия раздела между пространством актеров и пространством зрителей, та самая длинная скамья.

Собственно, эта мысль – поставить «Годунова» как фольклорное действо – давно бродила в головах многих. То там, то тут возникали странные интонации, фарсовые, двусмысленно иронические – даже в самых возвышенно-драматических сценах, в спектаклях по «Годунову», в том числе и в постановке Деклана Доннеллана с Феклистовым и Мироновым. А почему бы и нет? Думается, Пушкин, который был гораздо ближе к народным истокам театра и национальной культуры, нежели многие мыслители последующих эпох, под термином «народная драма» понимал не столько социальную идею драмы народа, народного страдания, сколько именно фольклорный принцип сценического представления. Как, например, в знаменитом «Царе Максимилине» – в этой драме, кстати, в какой-то степени отразился взгляд народа на петровскую эпоху и на взаимоотношения Петра и царевича Алексея. И этот взгляд включает в себя насмешку, иронию, нисколько не умаляющие нравственную и философскую глубину духовных проблем.

Примерно в такой манере и поставил «Бориса Годунова» Юрий Авшаров. В спектакле все пронизано площадным сарказмом, какой-то подковыркой. И, может быть, более всего это удалось Николаю Денисову – Шуйский, Стольник, Мнишек, Пристав и многие другие в одном лице. Денисов виртуозно прошел по тонкой грани между серьезной драмой и саркастическим фарсом.

Но в какой-то мере эта половинчатость проистекла от… самого режиссера. Так получилось, что я видел этот спектакль в тот день, когда Ю. Авшарову самому пришлось выйти в роли Годунова. И вот этот артист, сорок лет связанный с Театром сатиры, апологет учения Михаила Чехова, истинный «щукинец», строит роль так, как понимает мхатовская школа принципы реалистического психологического театра.

И в режиссуре Авшарова его методы работы с актерами в данном спектакле заметно противоречили его же принципам построения действа. Поэтому временами действо наполнялось избыточным тяжеловесным мелодраматизмом и начинало буксовать… Но это я говорю не в укор постановщику, а как раз для того, чтобы подчеркнуть его смелость: ломать приходится на малоизученном пути не только сложившиеся в культурной традиции стереотипы, но и себя самого.

Валерий БЕГУНОВ

Поколение талантов

Несмотря на жуткий фон, создаваемый террористами и всяческими пожарами, случившимися перед Новым годом, как всегда, Москву будоражило культурное действо. Оно было выражено в различных формах: от залихватских новогодних представлений до респектабельных выступлений симфонических оркестров.

Но вот характерная деталь: Декабрьские вечера имени Святослава Рихтера, устраиваемые, как обычно, в Музее изящных искусств, не смогли на этот раз затмить другие не менее привлекательные для меломанов встречи. В числе их, конечно же, концерт Владимира Спивакова, в котором блистательный маэстро демонстрировал мощь и изящество своего детища – ансамбля «Виртуозы Москвы».

И это не все. Грандиозный, звездный концертный зал гостиницы «Россия» уступил место самым юным талантам – детям, приехавшим из многих городов и сел страны по велению сердца и души Владимира Теодоровича. Его благотворительный Фонд приложил немало усилий, чтобы имена новых даровитых детей, юношей и девушек достойно прозвучали накануне Нового года. В этом благородном деле его поддержал Национальный продюсерский центр «Российский ангажемент».

Не менее характерно и другое: «Новое поколение третьему тысячелетию XXI века» (таков девиз концерта) продемонстрировало поистине высокий уровень исполнительства без каких-либо возрастных натяжек. Называть всех музыкантов поименно – займет не одну газетную строку. Скажу лишь, что этот замечательный концерт лишний раз доказал, как велика и обильна земля российская талантами. Взрослым людям остается лишь быть отзывчивыми и щедрыми. Это ведь тоже талант.

Сергей ЛУКОНИН

КНИЖНЫЙ РЯД

О гениях и подлецах

Эту свою первую книгу **«Записки актера. Гении и подлецы»** *(Олма-Пресс, 2002)* Г.Ю. Бахтаров написал в почтенном девяностодвухлетнем возрасте. И сейчас, не без иронии, называет себя начинающим литератором. Бахтаров – старейший российский актер, игравший во многих театрах, а дольше всего в Театре имени М.Н. Ермоловой.

С отрочества он был страстным театралом. Пожалуй, в двадцатые и тридцатые годы прошлого века не имелось значительного спектакля, который бы он не видел и, отличаясь поразительной памятью, не запомнил. В книге он о них рассказывает. Знавал Георгий Юльевич так же множество театральных деятелей, в том числе знаменитых: К.С. Станиславского, В.И. Качалова, М.П. Марецкую (с нею вместе он работал) и других. Иногда он приводит факты, ранее в театроведческих трудах не встречающиеся.

Довелось ему беседовать с великим режиссером А.Я. Таировым вскоре после того, как руководимый им Камерный театр был закрыт. В беседе они вспоминали рождение театра, его интереснейшие спектакли, говорили о перспективе развития. И тогда Таиров заплакал. На Бахтарова это произвело тяжелейшее впечатление. А после закрытия театра Таирова и его жену, выдающуюся трагическую актрису А.Г. Коонен, перевели в Театр имени Евг. Вахтангова, где ему ничего не давали ставить, а ей – играть.

С большим уважением и симпатией рассказывает автор о великих актерах, которых видел на сцене и с которыми встречался в жизни: А. Остужеве, А. Южине, В. Пашенной, Р. Пляте и многих других. Он пишет и о тех, кто из карьерных соображений поддерживал жесточайшие меры руководителей партии и правительства, направленные на то, чтобы ликвидировать в театрах критический дух. Так были уничтожены театры Мейерхольда, Камерный, МХАТ 2-й, Театр комедии, Театр Корша, Еврейский, Московский и Ленинградский мюзик-холлы. Был расстрелян, без всякой с его стороны вины, великий режиссер Мейерхольд, был убит, по заданию карательных органов, замечательный актер Михоэлс. А сколько деятелей сцены, в их числе и Бахтаров, попали в тюрьмы, концентрационные лагеря, были высланы из больших городов. И когда в театрах проходили собрания, где звучали слова осуждения, случалось, их поддерживали недавние коллеги осуждаемых. Вот их-то Бахтаров и называет в своей книге «подлецами». И вместе с тем даже в это страшное время ставились спектакли высокого общественного и художественного уровня. И об этом в книге тоже написано много интересного.

Юрий ДМИТРИЕВ,
доктор искусствоведения

СЕНСАЦИЯ

Опасная мураль

Неизвестная фреска Давида Сикейроса выставлена для публичного обозрения

На тропу войны с угнетателями рабочих и крестьян художник Давид Альфаро Сикейрос вступил, будучи еще подростком. И уже ничто не могло свернуть его с избранного пути. В сорок принял командование бригадой испанских республиканцев. В преклонные лета познакомился с тюремными застенками. Идеалом своим Сикейрос избрал Иосифа Сталина, а злейшим врагом – Льва Троцкого, поскольку троцкизм воспринимал как предательство жизненных интересов пролетариата. Словом, Сикейросом двигала воистину гремучая идеологическая смесь искусства, революции, сталинизма. Великий художник, он называл себя в первую очередь революционером и только потом уже художником. И верил, искренне верил, что когда краски на его картинах высыхают, то превращаются в порох, и под слоем фресок он спрячет единственную правду мира.

Нынче эта «правда мира» в виде фрески, названной автором «Портрет Мексики сегодня. 1932», явилась американским любителям живописи в Музее современного искусства Санта-Барбары, города, хорошо знакомого каждому россиянину благодаря многолетней трансляции одноименной американской телевизионной «мыльной оперы».

Вообще-то известны три монументальных фресковых полотна, написанные Сикейросом в период его первого, восьмимесячного пребывания в Соединенных Штатах. Но полностью сохранилось только одно из них. Обнаружилась оно в Лос-Анджелесе и в течение последних четырех лет готовилось к сложнейшему переезду в музей Санта-Барбары.

Фрагмент фрески «Портрет Мексики сегодня»

Когда в 1932 году Сикейрос появился в Лос-Анджелесе (был приглашен преподавать в Школе изящных искусств в Пассадене), его целью, как напишет он в своей записной книжке, было создание «величественной фресковой живописи на открытом воздухе – под солнцем и дождем – для широких народных масс». Надо признать, что нет ни малейшей иронии в том, что из трех фресок Сикейроса, написанных в стране гринго, «в живых» остался лишь «Портрет Мексики». Просто это была единственная из трех фресок, никогда не находившаяся ни под дождем, ни под солнцем, ни, что равноценно, в руках народных масс, а сохранялась все семьдесят лет на территории частного владения, вдали от любопытных глаз и под надежной непромокаемой крышей.

Первую фреску он сделал для Школы изящных искусств. Хозяйка школы предложила расписать наружную стену здания: «Давид, напишите что-нибудь про Америку, желательно в своей восхитительной муральной манере».

И Сикейрос написал. По краям фрески – оборванных и агрессивных пролетариев, в центре – революционера, такого же, как и сам автор композиции, «агитатора, горлана, главаря», раздающего народу винтовки и прокламации. По словам Сикейроса, его работа символизировала «простой тезис марксистской диалектики: «знание и борьба неизбежно приведут к освобождению». Сегодня нет однозначного мнения относительно того, было ли скорое исчезновение фрески преднамеренным или же влияние оказали естественные природные факторы. Так или иначе, через год росписи на стене как не бывало. Но разразившийся во время презентации скандал был настолько грандиозен, что опальный мексиканец в одночасье стал знаменит. И вскоре получил новый заказ. Калифорнийский Plaza Art Center попросил расписать в новаторской манере, но, естественно, без всякой политики, стену площадью около двухсот квадратных метров. Рекомендуемый сюжет – веселый тропический рай. Сикейрос, верный себе, написал пирамиду, джунгли, индейца, распятого под когтями американского орла, и революционеров, готовых к отмщению. Так возникла ставшая еще более знаменитой «Тропическая Америка, угнетаемая и терзаемая империалистами». Снова скандал, снова шум. Фреску вскоре закрасили, но не полностью. Сегодня то, что от нее осталось, американцы пытаются спасти, а закрашенные куски реставрировать. Но, как и во всем мире, мешают различные бюрократические препоны и… нехватка денег.

Будь Сикейрос жив, его бы точно позабавило, что третья его американская работа, в отличие от двух предыдущих, вовсе даже не предназначенная для обозрения широкой публики, стала нынче достоянием общественным и признана шедевром.

Она была написана только для одного человека – Дадли Мерфи, влиятельного и весьма успешного голливудского продюсера, человека веселого, бесшабашного и загульного, владельца дома в испанском стиле. Когда они познакомились, Сикейрос еще трудился над «Тропической Америкой», но совсем не прочь был где-то подработать. Дадли Мерфи позвонил и пригласил художника на свою виллу в Санта-Монике. В доме у него Сикейрос познакомился с Чарли Чаплином, Марлен Дитрих и английским актером Чарлзом Лоутоном.

«Мы стали большими друзьями, я и Сикейрос, – напишет в своей биографии Мерфи, – и, чтобы оказать ему помощь, я вынес всю мою мебель из дома в сад, а в доме устроил трехдневную выставку картин Сикейроса… Сикейрос продал около 10 картин. Чарлз Лоутон купил две… Джозеф фон Стернберг купил одну. В благодарность Сикейрос предложил написать для меня фреску на стене патио во дворе».

Сегодня некоторые критики рассматривают сикейровские мурали как типичный пример политически ангажированной живописи и ценность их называют больше исторической, нежели художественной. Однако закавыка в том и заключается, что именно эта политическая ангажированность фреску «Портрет Мексики сегодня» сохранила.

Специалисты полагают, что Сикейрос набрасывал эскизы, стоя в гостиной основного дома. Сама по себе фреска на внутренних стенах четырехугольного патио с распахнутой передней стеной должна была стать частью дворового интерьера и хорошо просматриваться при выходе из парадной двери виллы.

На самой длинной задней стене патио Сикейрос разместил двух скорбящих крестьянок и полуобнаженного малыша. Рядом с ними сидит Плутарко Элиас Кальес, президент Мексики с 1924 по 1928 год. Он пришел к власти как коммунист, и поначалу художник его полностью поддерживал, а теперь вот «содрал с него «красную маску» и положил у ног мешки с деньгами. Прямо напротив Кальеса – изображение хозяина мешков, американского финансиста Дж.П. Моргана, подкупившего мексиканского правителя и сыгравшего весьма неприглядную роль в разрушении нефтедобывающей промышленности Мексики. На боковых стенах – два погибших крестьянина завернуты в красные и синие мексиканские шали; и красногвардеец, спешащий им на помощь. А сама по себе фреска – наглядное свидетельство представлений художника и его жизненное кредо: «Есть белое и черное, есть жизнь и смерть, есть деньги и нищета. И когда краска высохнет, она превратится в порох». Он свято верил в такую вот пропаганду и агитацию, а на открытие своих работ приглашал оркестры, которые должны были играть «Интернационал» и тем поднимать массы на борьбу.

В отличие от тех, кто фрески Сикейроса закрашивал, Дадли Мерфи понимал ценность подаренной ему работы и заботился о ней. В 1946 году он продал дом Вилларду Коу (по иронии судьбы Коу был племянником Моргана, того самого денежного туза, изображенного на стене патио), и новые хозяева решили живопись замазать. Спасло заступничество Карлоса Чавеса, известного мексиканского дирижера, который, увидев творение Сикейроса, пришел в такой неистовый восторг, что новые владельцы не только решили ее сохранить, но и установили специальную подсветку и стали использовать патио как фон для своих званых вечеринок.

В 1986-м дом, а следовательно, и фреска снова поменяли хозяев. Сикейровский шедевр (десять метров в длину, два с половиной в высоту) – красочные портреты коррумпированных политиков и бедных крестьян, сгруппированных вокруг внутренних стен теперь уже полуразрушенного патио, – достался супругам Блумингдейлам.

А пять лет спустя Блумингдейлы выставили фреску на аукцион Кристи, где она была оценена в полтора миллиона долларов. Продавцы поставили условие: покупатель сам заботится о демонтаже и переносе фрески на новое место. Желающих не нашлось. Прошло еще семь лет, и после того как в Музее искусств Санта-Барбары с огромным успехом прошла выставка «Портрет десятилетия: Давид Альфаро Сикейрос, 1930 – 1940», музей был осчастливлен предложением забрать к себе творение Давида Альфаро Сикейроса совершенно бесплатно. Но опять-таки с условием самовывоза.

Перенос начался в 1998 году. Предпринятые для этого усилия были феноменальными.

Сегодня, спустя четыре года, отреставрированный патио, расписанный знаменитым мексиканцем, стоит рядом с главным входом в музей и вызывает восторг приходящей поглазеть публики. Здесь же можно узнать подробности уникальной, виртуозно, без сучка и задоринки проведенной операции стоимостью в один миллион долларов. Но одна неизбежная потеря все-таки случилась: композиционная связь с окружающим ландшафтом, задуманная художником, прервалась. И этого уже не поправить.

Между прочим, первый визит Давида Альфаро Сикейроса в США, начавшись со скандала, им же и закончился. В конце 1932 года художник был посажен властями на корабль «Рио Нилус» и выслан из страны.

Ирина ТОСУНЯН,
САН-ФРАНЦИСКО

ДАЙДЖЕСТ

Элен Каррер д'Анкосс:

«Голос крови сыграл свою роль»

Предпочитавшая всегда двадцатый век, непременный секретарь (по нашей терминологии исполнительный президент. – А.В.) Французской Академии Элен Каррер д'Анкосс впервые отправилась в восемнадцатый, сохранив свою верность России. Ее новая книга «Екатерина Вторая: золотые годы России» вот уже много недель остается в списке бестселлеров.

– Мне никогда не удалось бы написать эти 650 страниц печатного текста, не получи я доступ к архивам. Долгие годы ко мне относились в Москве с подозрительностью. Меня ждали там лишь ограничения и запреты. Теперь я чувствую себя в Москве, как дома, в кругу друзей.

– После Николая Второго и Ленина почему вдруг Екатерина?

– Написать о ней было моей давней мечтой. Докопаться до истоков тех процессов, которые привели сначала к торжеству, а затем к крушению коммунизма. Но были и другие стимулы. Ведь мятежным, трагическим и блистательным был этот век не только для России, но и для Франции: параллели вполне очевидны. И, конечно, немалую роль сыграл «голос крови»: по материнской линии мои корни тянутся не просто в ту эпоху, но и прямиком в окружение Екатерины Второй. Среди самых дорогих мне домашних вещей – гравюра с изображением императрицы на тарелке севрского фарфора. Это одно из немногих сокровищ, что нашей семье удалось вывезти из России и сохранить в эмиграции. Я поместила ее на обложку книги.

– Что привлекло ваше внимание именно к этой героине?

– Удивительная женская судьба. Пятнадцатилетняя немецкая принцесса приезжает в огромную и загадочную Россию, воспринимает ее нравы, погрязает в зловещих интригах двора и в результате переворота на 34 года становится властительницей гигантской империи. Едва ли не самой просвещенной в те годы на всем европейском пространстве. Конечно, огромную роль в этой судьбе сыграл ее любовник Григорий Орлов, да и четверо его братьев в придачу.

– Для этого ей пришлось убить своего мужа...

– Нет, она не убивала его. Петр III, конечно, не выносил свою супругу и, между прочим, имел для этого основания: ведь у сына Екатерины должно было быть другое отчество... Я полагаю, что убийство Петра – это просто результат пьяной ссоры. Для нее же это в любом случае несло освобождение, а у России появился шанс отстранить от трона других многочисленных претендентов, которые неизвестно куда ее завели бы. Заграница не поняла Екатерину. Европа в целом, Людовик XV прежде всего не разглядели ни широты ее интересов, ни будущего России под ее властью.

– Потому что женщина?

– Дело не в этом. Женщин на троне хватало – и в России, и в Европе. Но трон доставался им в порядке династической преемственности. Здесь преемственность исключалась. Отсюда и та настойчивость графа Панина, будущего министра иностранных дел Екатерины, а тогда еще воспитателя царевича, найти корректный выход из положения.

Никита Панин – мой прямой предок. Как и Григорий Орлов, любовник императрицы. Это и послужило для меня дополнительным стимулом разобраться в не слишком простой истории. Панин был мудрым человеком, неподкупно честным, он хотел сначала создать регентство, пока наследник был еще мал, а потом разделить власть между матерью и сыном, подобно тому, что сделала австрийская Мария-Тереза, – ввести царевича Павла хотя бы в государственный совет. Но Екатерина ни с кем не хотела делиться властью.

– Вошла во вкус?

– Вкус к власти у нее был всегда. И когда в свои 33 года она ее получила, то была уже к этому готова. Причем огромную роль сыграло французское влияние. До нее русский императорский двор, в отличие, скажем, от Берлина, где в ходу был французский, говорил только по-русски. Екатерина же не только читала по-французски романы, исторические и философские труды – этот язык и книги, на нем написанные, формировали ее интеллектуально, духовно и политически.

Когда она взошла на трон, Россия еще не была частью Европы ни в политическом смысле, ни по укладу жизни. Екатерина быстро сделала Россию европейской страной, сохранив при этом всю ее самобытность. А биографы Екатерины только и делают, что подсчитывают ее любовников. Насчитали семнадцать. Ну и что? Была Екатерина, и у нее были любовники: вот и вся биография! Есть от чего взбеситься, не правда ли?..

– Ее упрекают в том, что, будучи просвещенной европейкой, она сохранила крепостное право.

– Верно, этот факт ее не украшает. Она мечтала дать крепостным свободу, но не могла позволить себе войти в конфликт со всей русской аристократией. И, кстати, век спустя, когда ее правнук Александр II освободил крестьян, те сами – во всяком случае, большинство – не знали, что делать с этой свободой.

– Вы утверждаете, что реформаторские идеи Екатерины напугали Версальский двор.

– Ее «Наказ» 1767 года о создании широкой законодательной ассамблеи для обсуждения острейших российских проблем был во Франции запрещен, никакой публикации – ни его, ни о нем – не появилось. Для французской монархии реформы Екатерины были слишком смелым, даже дерзким шагом. Вдохновленная идеями Вольтера, которого она глубоко почитала, Екатерина ставила своей целью модернизировать российское законодательство. Она считала необходимым установить равенство своих подданных перед законом, осуждала смертную казнь и пытки (к чему была вынуждена, однако, прибегнуть для подавления чудовищного казацкого бунта в 1773 году), призывала к религиозной толерантности, поощряла частное производство, приступила к реформам в сфере образования.

О русском XVIII веке говорят обычно как о веке Петра Первого, которого в России по праву

называют Великим. Мне кажется, будь Екатерина мужчиной, она в глазах потомков разделила бы с Петром эту честь. Некогда ее тоже с полным на то основанием называли Великой. Потом эта дефиниция как-то сама собой испарилась...

– Вас не поражает, что она одна вела по курсу свой корабль?..

– Женщины на русском троне были и до нее, но реальная власть была в руках их фаворитов. Екатерина же никого до реальной власти не допускала. Уж как стремился Орлов заполучить формальный статус, женившись на Екатерине, – ничего не вышло. Их связь длилась десять лет, у них был по меньшей мере один общий ребенок, а скорее всего, не один. Но любовь любовью, а власть властью. Единственный человек, к мнению которого Екатерина прислушивалась, опять же не допуская его до власти, это Панин, который вообще не был ее любовником, в отличие от Григория Потемкина, заменившего ей Орлова.

– Как же так: Потемкин был уродиной, а она любила только красавцев?

– Да она и была мужчиной! Не красавица, но очаровательная, кокетливая, она приближала к себе пленивших ее мужчин – тем моложе, чем старше становилась сама, – вкладывая в свою очередную страсть еще и материнские чувства. Не забудем, что это одинокое существо никогда не знало родительской любви. Ее удручало, что первенцем была девочка, а не мальчик. Замужество для нее как для женщины стало полнейшим крахом, а в первых любовниках она обманулась... И тем не менее Екатерина прожила всю жизнь с амбицией стать счастливой.

У нее было несметное число слуг, но, проснувшись, она сама зажигала свечи и сама одевалась. Еда была скромной, гости уходили с приемов голодными, пила она совсем мало. Никаких пирушек – с утра дотемна она работала за столом. Я читала, например, написанную ею собственноручно инструкцию на 15 страницах о реорганизации польской армии. Она исколесила страну, переписывалась с Вольтером, д'Аламбером, Дидро, звала их в Россию. По ее приглашению при дворе находились зарубежные интеллектуалы и художники, вообще она была для своей страны гениальным пропагандистом. И к тому же создала политические, исторические трактаты, педагогические труды, пьесы для театра, где показала себя мастером диалогов, сочиняла сказки для внуков, оперные либретто, переводила с других языков. Литературное наследие Екатерины таково, что, казалось, ничем другим она вообще не занималась. И все написано ее рукой, без помощи «негров».

– Чтобы опередить науку, она даже сделала себе прививку от оспы!

– Заставила привиться своего сына, своего очередного любовника, своих министров! Но она еще была и пионером в сфере образования, организовав, вопреки российским традициям, обучение девочек. Да и сама как бы стала образцом для женской элиты своей страны.

– В этом замечании тоже есть что-то личное? Ведь одна из ваших бабушек училась медицине, другая писала педагогические труды.

– Я думаю скорее о других женщинах, сыгравших большую роль в русской революции, потому что не могли найти в обществе места, которого были достойны. Деяния Екатерины отозвались эхом и на финише существования династии Романовых. Сын Екатерины Павел, которого она не могла терпеть и который платил ей тем же, отомстил матушке декретом, исключавшим наследование трона по женской линии. У Николая II были четыре умные и прелестные дочки и больной гемофилией, немощный сын, которого только и можно было готовить в преемники. Не будь этой ситуации, не было бы Распутина и распутиниады.

– Как французский академик ощущает себя потомком русских аристократов?

– Дело не во мне, дело в той глубинной связи, которая существует между французской и русской историей, между двумя культурами. Когда недавно мы вместе с нашим послом открывали французский альянс в Новосибирске и Самаре, я с особенной остротой ощутила то, что принято называть «зовом предков». Мы осуществляем то, о чем мечтали. Став президентом, Борис Ельцин предложил вернуть мне одно из поместий, принадлежавших нашей семье. Я ответила, что считаю непристойным отнимать что-либо у русского народа. Мне вполне достаточно того достояния, которое я имею: севрской тарелки с портретом Екатерины, старого самовара – подлинного, а не поддельного, портрета моей бабушки Леониллы. И осознания двойного сокровища, которым я обладаю: французской и русской ментальности. Этот сплав питает меня всю жизнь.

Из журнала «Мадам Фигаро» перевел
Аркадий ВАКСБЕРГ,
соб. корр. «ЛГ», ПАРИЖ

Качество МТС проверено электроникой. И не только

80 АНТЕННЕ НА ОДИН НЕБОСКРЕБ

Деловая жизнь одного из самых высоких зданий в столице – суперсовременной «Башни-2000» на берегу Москвы-реки – оказалась под угрозой. Ее сдали в эксплуатацию, а мобильная связь там практически не работала.

В Москве осталось не так уж много мест, где абонент МТС может оказаться вне зоны действия сети. Но иногда это происходит. Яркий пример – офисный центр «Башня-2000». Он возводился прогрессивным методом монолитно-бетонного строительства. И именно этот метод сделал здание непроницаемым для сотовой связи: 30 этажей стен из литого бетона полуметровой толщины, сетка металлической арматуры и зеркальные окна. Базовая станция МТС, размещенная на крыше «Башни», связи внутри цитадели никак не помогала. И все же МТС взялась решить эту сложнейшую задачу.

Отвели часть мощности от базовой станции. В каждом секторе, на каждом этаже поставили по антенне: мобильную связь в «Башне-2000» поддерживают 80 антенн!

К слову, все офисные здания, возведенные в Москве аналогичным способом, оказались непригодными для сотовой связи, и теперь специалисты МТС ведут там установку дополнительного оборудования.

Мы уже привыкли к тому, что телефонный звонок может настигнуть нас где угодно. И мы вовсе не задумываемся о том, что для того, чтобы это было именно так, каждый день на земле и под землей специалисты сотового оператора тестируют качество сети, предупреждая любые проблемы мобильной связи абонента.

ИЗВИНИ, Я ВЪЕЗЖАЮ В ТОННЕ...

Кто из автомобилистов не выходил из себя, когда важный разговор по сотовому неожиданно обрывался при въезде в один из московских тоннелей! Еще хуже, если человек застрял в пробке где-нибудь посередине такого недоступного мобильной связи пространства. Не так давно, в царство стандарта GSM-900, качество связи в тоннелях по Садовому кольцу устраивало всех. Однако с введением стандарта GSM-1800 в проездах под Таганской, Маяковской и Октябрьской площадями связь стала глохнуть. Дело в том, что, в отличие от GSM-900, сигналы стандарта 1800 хуже распространяются и быстрее затухают. Чтобы исправить ситуацию, МТС полностью оборудовала тоннели на Садовом дополнительными усилителями сигнала.

Но с появлением 3-го кольца тоннелей в Москве стало еще больше! Проезд под Гагаринской площадью, Кутузовским проспектом также, бывает, вызывает дискомфорт абонентов: где-то посередине тоннеля связь может оборваться, а в целом качество сигнала ниже нормы. И что же МТС? Стоит на старте, чтобы срочно оборудовать и эти тоннели усилителями. Как только объекты будут полностью сданы госкомиссии, там разрешат работать сторонним организациям. В ближайшее время уже все тоннели будут оснащены усилителями сигнала – репиторами, что сразу обеспечит там качественную связь.

Елена САФРОНОВА

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР «СОВРЕМЕННИК»
Чистопрудный б-р, 19/1, ст. м. «Чистые пруды», тел. 921-64-73
15 января, 19.00
«Играем... Шиллера!» (сценический вариант трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт»)
16 января, 19.00
Л. Филатов, **«Еще раз о голом короле»**
17 января, 19.00
Т. Уильямс, **«Предупреждение малым кораблям»**
18 января, 19.00
А.П. Чехов, **«Вишневый сад»**
19 января, 19.00
А.П. Чехов, **«Три сестры»**
20 января, 19.00
Э.М. Ремарк, **«Три товарища»**
21 января, 19.00
Т. Уильямс, **«Сладкоголосая птица юности»**. ПРЕМЬЕРА

МОСКОВСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР «БЕНЕФИС» п/р Анны НЕРОВНОЙ
ул. Гарибальди, 23, корп. 4, ст. м. «Новые Черемушки», тел. 120-21-56
17 января, 18.00
С. Моэм, **«Недоступная»**, салонная комедия в стиле регтайм в двух действиях
18 января, 18.00
Ген. Гладков, Ю. Ким, **«СВАТОВСТВО ПО-МОСКОВСКИ» / «Первое сватовство»**, музыкальная комедия по сюжетам А.Н. Островского
19 января, 18.00
Ген. Гладков, Ю. Ким, **«СВАТОВСТВО ПО-МОСКОВСКИ» / «Второе сватовство»**, музыкальная комедия по сюжетам А.Н. Островского

КАМЕРНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР п/р Б. ПОКРОВСКОГО
ул. Никольская, 17, ст. м. «Площадь Революции»
17 января, 19.00
18 января, 18.00
19 января, 18.00
Г.Ф. Гендель, **«Юлий Цезарь и Клеопатра»**, опера в двух действиях.

Клеопатра – Юлия Моисеева

23 января в 19 часов в ГЦКЗ «Россия»

Московский открытый
фестиваль авторской песни
и
Виктор Берковский
в юбилейной программе «Гренада моя...»

Участвуют:

Александр Городницкий, Сергей Никитин, Юлий Ким, Алексей Иващенко, Георгий Васильев, Александр Суханов, Леонид Сергеев, Галина Хомчик и другие, а также лауреаты фестиваля.

подписка-2003
Журнал поэзии «Арион»

Чтобы подписаться на единственный в России поэтический журнал «Арион», надо отправить из любого почтового отделения денежный перевод по адресу: 127006, Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д.12/14, комн.12, редакция журнала «Арион». Укажите в графах «*Талона к переводу*» свои Ф.И.О. и полный адрес, а в графе «*Для письменного сообщения*» проставьте срок подписки («Полугодовая-2003», «Годовая-2003»).

Стоимость полугодовой подписки с доставкой по РФ – 80 руб., годовой – 160 руб.

Журнал выходит в марте, июне, октябре и декабре.

Подписка продолжается!

Илье Штемлеру – 70!

Одно время Илью Штемлера называли русским Артуром Хейли, находя в его творческом методе аналогию с подходом к литературному материалу модного в то время американца. Да, и тот и другой, прежде чем написать свои «Поезд» или «Отель», устраивались в соответствующие ведомства и работали проводником на маршруте Ленинград – Баку или младшим помощником дежурного по отелю «Хилтон».

Романы «Гроссмейстерский бал», «Таксопарк», «Универмаг», «Архив», «Утреннее шоссе», «Коммерсанты», прогремевшие в 1960–1990-е годы, или более поздние документальные книги «Взгляни на дом свой, путник», «Breakfast зимой в пять утра» – все они доставляли нам истинное удовольствие «штемлеровской» точностью в деталях, доскональным знанием описываемого и увлекательностью сюжета.

Любой писатель, лишенный собственной биографии и знакомый с окружающим миром лишь по чужим книгам и телефильмам, узнается быстро, как бы лихо и замысловато ни расставлял он иероглифы абзацев, как бы ни трещали на его страницах кости и ни гремели выстрелы. Илья Штемлер правдив и в прозе, и в жизни.

Когда более десяти лет назад сгорел Дом писателя им. В.В. Маяковского и литераторы города остались без своего угла, Штемлер первым поддержал идею создания «Центра современной литературы и книги» и уже шестой год добровольно несет немалые расходы в виде членских взносов, став вместе с Александром Житинским, Борисом Стругацким и автором этих строк учредителем писательского клуба, хоть частично заменившего Шереметевский дворец.

Совсем недавно в питерском издательстве «Лимбус Пресс» вышла в свет новая художественно-документальная книга Ильи Штемлера «День благодарения», первая часть дилогии о человеке, который сделал себя сам. Вторая книга в ближайшие дни будет сдана в печать. И как обмолвился автор, в проекте – художественный фильм по материалам дилогии.

Дмитрий КАРАЛИС,
Санкт-Петербург

● **Сотрудник «Литературной газеты» снимет квартиру в центре Москвы. Тел. 208-56-21.**

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии

*Регулярные рейсы в **102** города*
***54** страны мира*

Зимнее расписание (27.10.2002 – 29.03.2003)

МОСКВА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – МОСКВА

МОСКВА (SVO) Шереметьево-1 >>> Санкт-Петербург (LED)

ДЕНЬ НЕДЕЛИ	РЕЙС	ВЫЛЕТ	ПРИЛЕТ
12345--	SU-178	00:25	09:55
1234567	SU-185	10:55	12:85
12345--	SU-703	15:55	11:25
1234567	SU-731	15:10	20:30
1234567	SU-781	21:05	22:35

Санкт-Петербург (LED) >>> МОСКВА (SVO) Шереметьево-1

ДЕНЬ НЕДЕЛИ	РЕЙС	ВЫЛЕТ	ПРИЛЕТ
1834567	SU-782	06:35	08:00
12345--	SU-780	10:50	12:15
1234567	SU-786	13:20	14:45
12345--	SU-724	12:20	13:45
1234567	SU-732	21:25	22:40

АЭРОФЛОТ ПРЕДЛАГАЕТ:

- удобные стыковки в города Европы, Америки, Ю.-В. А.;
- программу «Аэрофлот Бонус»;
- корпоративное обслуживание предприятий с предоставлением скидок.

ОФИСЫ ПРОДАЖ:

- Космодамианская наб., 52/5;
- ул. Петровка, 20/1;
- Коровий вал, 7;
- Фрунзенская наб., 4;
- Фрунзенская наб., 8;
- Кузнецкий мост, 3;
- Аэропорт «Шереметьево – 1»;
- Аэропорт «Шереметьево –2»;
- ул. Енисейская, 19.

ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ И БРОНИРОВАНИЯ АВИАБИЛЕТОВ В МОСКВЕ:
☎ (095)753-5555 - КРУГЛОСУТОЧНО www.aeroflot.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО АЭРОФЛОТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
ул. Казанская, 5 ☎ (812)327-3872/73, (812)118-5555

ПРОГРАММА ПООЩРЕНИЯ ПАССАЖИРОВ «АЭРОФЛОТ БОНУС»
☎ (095)723-8260 www.aeroflotbonus.ru

«ОТКРЫТАЯ ЛИНИЯ»
☎ (095)752-9073 *Мы дорожим Вашим мнением!*

Свидетельство эксплуатанта №1 от 08.12.00 ГСГА МТ РФ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

COGITO, ERGO SUM

НАУЧНАЯ СРЕДА

Выпуск № 1 (41)

Проект «Литературной газеты» и Российской академии наук

- Три «К» в «хижине лесника»
- Двукрылая механика цивилизации
- Как нашелся камень для ядерных мавзолеев
- Эксперимент наркома Фрунзе над генералом Брусиловым
- Мойщик «марсианских окон» о быках и Юпитерах межпланетных полетов

ЭФФЕКТ ЛИЧНОСТИ

Александр МАРОВ

Точка отсчета и отсчет вечности

Исполнилось 100 лет со дня рождения Игоря Васильевича Курчатова

Всегда нужна «точка отсчета», иначе суждено утонуть в фактах и фактиках, среди событий малозначащих не заметить главных, наконец, не узнать о финише пути, по которому хочется пройти. Мне кажется, что истоки следует искать в документах, относящихся к весне 1943 года.

То было время суровое и жестокое. Шла война, ее исход был не очевиден, точнее – проблески Победы если и вспыхивали, то за горизонтом, который был покрыт свинцовыми тучами.

И в эти тревожные дни вице-президент АН СССР академик А. Байков и секретарь президиума АН СССР Н. Брусвич 10 марта подписывают распоряжение № 122. Оно лаконично до предела: **«Назначить профессора И.В. Курчатова начальником лаборатории № 2».**

Любопытно, что самой лаборатории № 2 формально еще не существовало. Распоряжение № 121 было подписано только 12 апреля: «В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны организовать лабораторию № 2 Академии наук СССР».

Оказывается, бывает и так: начальник появляется раньше, чем та организация, которой ему предстоит руководить...

Однако до августа 1943 года оба распоряжения не выполнялись – Игорь Васильевич попрежнему числился в Ленинградском физтехе, где и получал зарплату. Создавалось впечатление, что события текут вяло: руководство академии обращается к коменданту Москвы с просьбой «выдать пропуск И.В. Курчатову на право хождения по городу после 24 часов», затем дает ему доверенность «на руководство всей административной, хозяйственной и финансовой деятельностью лабораторией № 2». В общем, только с января 1944 года И.В. Курчатов становится во главе лаборатории № 2.

Наверное, даже он сам не предполагал, сколь блистательной станет судьба этого научного центра! В начале XXI века о нем будет известно во всем мире, потому что исследования, проводящиеся в его стенах, принадлежат к «золотому фонду мировой науки» – именно здесь появляются те самые «точки роста», с которых начинаются новые тропы в познании Природы.

(Продолжение темы читайте на стр. 12)

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Ноты высоких энергий

Блистательный альт и оркестр Юрия Башмета озвучили вручение дипломов новым лауреатам премии МАИК «Наука»

Услышать в таком исполнении Концерт Паганини для альта и струнного оркестра – уже само по себе нежданная премия. Поистине божественные звуки снизошли на зал, эмоционально объединив физиков и математиков, химиков и биологов. Наверняка и «Солисты Москвы» одушевлялись умными лицами, царящими в аудитории. Юрий Башмет оказался непринужденным и остроумным собеседником, как будто видевшим и Моцарта за сочинением «тройного концерта» (скрипка, альт, виолончель), и Чайковского, мысленно составлявшего для своей струнной серенады небывалый оркестр... Представлена и скрипка Страдивари из коллекции императора Александра I в руках солистки Елены Ревич. А в вальсе Торо Такемицу, композитора многих фильмов гениального Акиры Куросавы, прозвучали родные для нас русские струны, и это лишний раз показало, с какими хорошими людьми дружит Башмет и в современности...

«Сборная дирижеров» объединенного музыкального и научно-издательского оркестра: Юрий Башмет и Александр Шусторович

Не похоже ли на могучий оркестр и научное сообщество со своими дирижерами, солистами, первыми скрипками и незаменимыми оркестрантами во всех рядах? Конечно, похоже, только еще с одной особенностью. Не исключено, что долгое время не выделяющаяся на общем фоне пятая, скажем, скрипка вдруг выдает такую партию, что народ аплодирует. Это есть научный результат, выстраданный годами незаметного со стороны каждодневного труда, наблюдений или экспериментов, преодоления неудач, повторов и перепроверок...

Хотя премии МАИК «Наука/Интерпериодика» учреждены как награда за лучшие публикации в многочисленных журналах, выпускаемых международной академической издательской компанией, всем понятно, что это не «литература». «Это реально премии за лучшие научные работы», – сказал на церемонии президент Российской академии наук Юрий Осипов, поздравляя своих коллег с таким ярким успехом. Ведь это оценка со стороны взыскательных профессионалов, экспертов профильных подкомиссий, перелопачивающих в конкурсный период практически весь годовой объем выступлений и четко представляющих всю научную картину своей дисциплины. Но с другой стороны, кто бы узнал, тем более своевременно, о научном достижении, если бы не такая возможность быстрой публикации синхронно в русском и англоязычном варианте, которую предоставляет, по признанию самих авторов, МАИК «Наука»? «Премия за публикацию в научном журнале – это очень хорошая традиция, – отмечает Нобелевский лауреат академик Жорес Алферов. – С одной стороны, она поднимает авторитет самого журнала, с другой – всесторонне укрепляет наши научные позиции». И, конечно, первым среди лауреатов называет имя скончавшегося год назад академика Александра Прохорова, ставшего легендой отечественной и мировой физики. Фактически он обессмертил свое имя в числе открывателей лазерно-мазерного принципа, но, добавляет Жорес Алферов, никогда не будет забыт за отвагу и смелость в науке, как учитель и друг, добрый и заботливый к ученикам.

Академик Прохоров стал лауреатом Главной премии МАИК «Наука» посмертно за цикл работ по лазерной физике в журнале **«Lazer physics»**. И хорошо помнится, как чуть больше года назад исполнительный директор МАИК «Наука» и член попечительского совета Демидовской премии Александр Шусторович с вице-президентом РАН академиком Геннадием Месяцем вручали Нобелевскому лауреату и восстановленную Демидовскую премию, исторически предшественницу Нобелевской. Это, по крайней мере, свидетельствует, что у российской науки даже в такое трудное время есть рычаги, чтобы достойно отметить труд своих выдающихся тружеников. «Отец сегодня сказал бы слова благодарности Российской академии наук и ее президенту Юрию Сергеевичу Осипову за поддержку членов своей академии и заботу о научных изданиях, – говорит сын лауреата К.А. Прохоров, принимая диплом. – А руководству МАИК «Наука» – за то, что в последние годы наша научная периодика действительно поднялась на высокий международный уровень».

Вторая Главная премия в разделе «Физика и математика» вручалась члену-корреспонденту РАН Юрию Оганесяну (цикл работ, посвященный открытию «острова стабильности», журнал **«Ядерная физика»**). «Это уровень Нобелевской премии, настоящий прорыв в ядерной физике», – не побоялся заявить от имени своей подкомиссии член-корреспондент РАН Юрий Абов. «Научная среда» в беседе с Ю.Ц. Оганесяном уже подробно рассказывала об этом выдающемся открытии в познании тайн материи. Это область синтезирования сверхтяжелых элементов, в которой наша Дубна, Объединенный институт ядерных исследований, удерживает многие мировые приоритеты. Традиционно считалось, объясняют физики разнопрофильным коллегам, что при переходе к тяжелым элементам за определенным порогом их ядра разваливаются и не могут существовать. Но Оганесян своими экспериментами вполне сенсационно обнаружил за этим порогом группу – «остров стабильности» – сверхтяжелых ядер, которые живут не доли секунды, а даже минуты. Ему с коллегами по институту для этого потребовалось переделать циклотрон, на три порядка повысить чувствительность аппаратуры. Можно дерзко предположить от себя, что так вероятно добраться и до капелек самих «черных дыр» в земных научных установках, и это уже настоящее ой-ей-ей! Опытный Жорес Алферов высказал убеждение, что у сегодняшнего дубновского лауреата впереди будет много премий, но эту он будет вспоминать с особым чувством.

Лауреатов-химиков представил вице-президент РАН академик Николай Платэ, подчеркнув, что это тот случай, когда прорыв в фундаментальных исследованиях обещает много практических приложений. Цикл статей называется «Нетрадиционные подходы к приготовлению нанокристаллических гетерогенных катализаторов и носителей с регулярной структурой» (журнал **«Кинетика и катализ»**). В этой работе академик Валерий Лунин, декан химфака МГУ, возглавил команду в десять соавторов из разных институтов, которые тоже стали лауреатами Главной премии. Есть среди них профессора и британского, и французского университетов. Столь представительными усилиями удалось найти новые способы как бы формовки нанокристаллических структур – создать в заданном материале поры для скопления их молекул. Такая степень управления веществом действительно граничит с высочайшим искусством, как и будущие чудеса тех высоких технологий, которые отсюда родятся.

Когда получать Главную премию по биологии вышли три очаровательные молодые женщины, ученый зал отозвался восхищенным вздохом. «Не было у нас раньше таких лауреатов!» – прозвучало из маститых рядов. И более того: «Давайте их сразу в академию!» Кандидаты биологических наук Софья Георгиева, Екатерина Савицкая и Наталья Груздева вообще-то представляли более многочисленный коллектив авторов, но его мужская часть выбыла из строя из-за гриппа. Таким образом была доказана как научная состоятельность, так и жизнестойкость прекрасной половины ученого сословия. Вообще это оказался прорыв молодого поколения исследователей. Руководитель авторского коллектива из Института биологии гена РАН Павел Георгиев – один из самых молодых членов-корреспондентов, выбранный в академию на прошлых выборах. Цикл статей «Регуляция транскрипции» (журнал **«Доклады Академии наук, генетика, молекулярная биология»**) отражает оригинальные разработки по синтезу белка – авторами открыто несколько белковых продуктов, которые участвуют в транскрипции генов. Эта работа уже привлекла внимание на мировом уровне. «После публикации в наших журналах статьи перепечатывались в ведущих международных научных изданиях, – сообщают виновницы торжества. – Поощрение молодых ученых силами научного сообщества очень приятно и радует, но все же хочется пожелать, чтобы и государство о них подумало и поддержало в такой же степени».

Три грации современной биологии получают диплом Главной премии МАИК «Наука»

Лауреаты Главной премии по разделу наук о Земле нащупали, пожалуй, одну из самых болезненных проблем нынешней цивилизации и вообще человеческого будущего. В самом деле, стоит вспомнить нарастающее количество ядерных отходов, флоты из списанных атомных субмарин с заглушенными реакторами, то и дело всплывающий на поверхность «светящийся» мусор, как забота о безопасных, емких и экономных «могильниках» охватит любого из нас. А вот в цикле статей «Геологические и искусственные барьеры для изоляции актинидов» (журнал **«Геология рудных месторождений»**) можно узнать, как геологи, химики, атомщики объединили усилия в поиске надежных «стройматериалов» для таких вечных захоронений. Академик Николай Лаверов и его соавторы из Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН, НПО «Радон» исследовали множество минералов в поисках непробиваемой «матрицы» для впечатывания нуклидных контейнеров. Их внимание привлекло семейство минералов муратаит, показавшее уникальную стойкость к облучению, способность не разрушаться под его воздействием и не размываться в течение столетий. Без решения таких задач невозможно дальнейшее развитие атомной энергетики и ядерных технологий во многих отраслях науки, промышленности и медицины. Хочется надеяться, что разум и знания все же помогут нам исправить прежние ошибки и обеспечить впредь чистоту своей среды обитания.

Вместе с лауреатами Главных премий МАИК «Наука» именинниками стали 50 авторов и авторских групп в самом широком спектре научных дисциплин. Иногда даже название статьи или темы поражает тонкостью проведенного научного исследования, кропотливостью наблюдательского терпения, изобретательностью смелого эксперимента, открывает возможности практического приложения открытий... А сам перечень журналов дает как бы панораму активности нашей науки вопреки долгому периоду непростительного административного пренебрежения.

Несколько примеров навскидку, чтобы ощутить саму музыку и магнетизм настоящей исследовательской мысли. «Исследование крупномасштабных магнитных полей на Солнце и их долговременных вариаций» (В.Н. Обридко с соавторами, **«Астрономический журнал»**). «Выбор стратегии управления полетом с возвращением на Землю космических аппаратов, выработавших свой ресурс» (Н.М. Иванов, **«Известия РАН. Теория и системы управления»**). «Ультрадисперсные (нанокристаллические) структуры трения и их роль в формировании основных трибологических свойств сталей и сплавов» (Л.Г. Коршунов с соавторами, **«Физика металлов и металловедение»**). «Капиллярный распад и слияние струй в свете законов сохранения» (В.В. Кротов, С.Ю. Павлов, **«Коллоидный журнал»**). Цикл статей по феномену высокого видового разнообразия и экологического процветания мезостигматических клещей в полярных пустынях» (О.Л. Миронова, **«Физиология растений»**). Цикл статей по молекулярно-генетическому описанию популяций Волго-Уральского региона, этногенезу, генетике поведения и молекулярно-генетическому изучению наследственных заболеваний народов этого региона (Э.К. Хуснутдинова, **«Генетика»**). «Исследование турбулентности и внутренних волн в стратосфере по наблюдениям мерцаний звезд из космоса» (А.С. Гурвич с соавторами, **«Известия АН. Физика атмосферы и океана»**). «Генерация тепла с сверхглубинных флюидных систем во внешнем ядре Земли» (Ф.А. Летников, П.И. Дорогокупец, **«Доклады Академии наук, петрология, геология рудных месторождений»**)... **«Теплофизика высоких температур», «Приборы и техника эксперимента», «Высокомолекулярные соединения», «Координационная химия», «Физиология растений»**... Думается, и названия этих журналов способны извлечь в науку ищущие умы.

Смотрите, здесь и романтика мысли, и фантастическая точность измерений, взгляд в земную и космическую глубину, пристальность к мельчайшему живому обитателю планеты и проблемам человека... Действительно, оркестр с набором удивительных исполнителей музыки по имени Наука.

Андрей ТАРАСОВ

ЛАБОРАТОРНАЯ РАБОТА

Не мистика, а тепловая машина

Пирамиды – не мистические сооружения, а всего лишь тепловые машины с весьма невысоким коэффициентом полезного действия, уверен сотрудник Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН А.А. Нариманов.

Он выяснил, что в пирамидальной камере быстрее, чем в кубической, прорастают семена и усыхают минеральные и биологические объекты. И то, и другое зависит от скорости испарения жидкости, которая, в свою очередь, связана с влажностью и температурой внутри камеры. Российские биофизики рассчитали, как на эти процессы влияют форма камеры, ее высота, объем, относительное изменение объема по высоте, высота, на которой расположен образец, площадь сечения камеры на этой высоте, время, за которое прогревается внутренний объем. Для экспериментальной проверки из картона сделали пирамиду 40x40x24,5 см и куб 26x26x26 см. Согласно расчетам, вода должна была испаряться в пирамиде в 1,6 раза быстрее. Опытные данные полностью подтвердили правильность выведенных формул.

Пластики из картошки

В шведской компании «Плант сайенс свиден» разрабатывают сорта картофеля, в клубнях которого будут синтезироваться разные виды крахмала – их можно использовать в производстве пластиков и бумаги.

Чтобы «приготовить» из картофельного крахмала пласт, нужно разделить его на две части: амилозу и амилопектин. У амилозы молекулы линейные, как у полиэтилена и многих других полимеров. Из нее можно делать пенопласты и пленки, не пропускающие газы. У амилопектина ветвистые молекулы, которые хорошо связывают волокна целлюлозы. Их добавляют в бумагу, чтобы заменить синтетические латексные добавки и уменьшить расход энергии. Обе части крахмала выделяют из обычных источников, например, картофеля. Для использования в качестве сырья их приходится разделять. У одного из новых сортов картофеля в клубнях будет образовываться только амилопектин, у другого – амилоза. Это происходит после «отключения» гена фермента, который наращивает длинные цепочки крахмала или отвечает за ветвление молекул.

Камень-путешественник

Английские ученые обнаружили, что камень, найденный на юго-западе Англии, 214 млн. лет назад был «выбит» с поверхности современной Канады ударом огромного астероида. Пришелец оставил «след» – стокилометровый кратер Маникуаган хорошо виден из космоса. В то далекое время Атлантического океана не было, и Европа с Северной Америкой были намного ближе друг к другу.

Ученые обнаружили свидетельства массивной ударной волны, перенесшей расплавленные камни и пыль, оставившей тонкий слой стеклянных бусин и разрушившей зернышки минералов в древней английской земле. Ударная волна была в сорок миллионов раз мощнее той, что образовалась после взрыва в Хиросиме.

Фуллерены из кватаронов

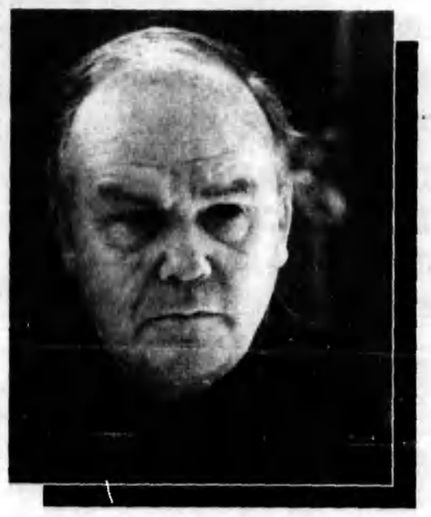
Сотрудник Сыктывкарского Института геологии КомиНЦ УрО РАН, член-корреспондент РАН А.М. Асхабов считает, что в некоторых растворах и расплавах существуют особые частички – кватароны, размером меньше нанометра, появление которых не требует затрат энергии, атомы просто собираются в них сами собой.

Кватароны позволяют ответить на многие вопросы. Например, как образуется и растет кристалл. Согласно новой гипотезе, первым «кирпичиком» становится кватарон, достигший критического размера. На его гранях осаждаются более мелкие частички, которые вблизи поверхности изменяют форму и соединяются. Почему не осаждаются минералы в Мертвом море, воды которого сильно насыщены солями? Минеральное вещество здесь связано в кватароны, размеры которых не достигают необходимых для кристаллизации величин. Решается загадка образования фуллеренов, необычных форм углерода в виде мячика, если учесть характерную форму кватаронов.

Они состоят из нескольких атомов, расположенных по кругу или в виде многогранников, но могут быть круглыми и полыми внутри, тогда «мячики» становятся основой фуллеренов. Состояние вещества в кватаронах близко к живой материи, без него невозможно происхождение жизни. РНК и ДНК появляются из кватаронов, утверждает автор.

Агентство научных сообщений «Информнаука»

ЧАЕПИТИЯ В АКАДЕМИИ



Академик Евгений Велихов:

наследство Курчатова

С академиком Евгением Павловичем Велиховым, который руководит Курчатовским научным центром, мы знакомы не один десяток лет. А потому беседа наша началась сразу с сути дела. Я спросил его:

– Теперь уже вам приходится нести груз традиций, начало которых идет от Курчатова. Тяжела ли эта ноша?

– Традиции Курчатовского института своими корнями, конечно же, уходят к традициям Ленинградского физико-технического института, к знаменитой «школе А.Ф. Иоффе», откуда вышли практически все наши крупные физики. У хороших традиций всегда две стороны, которые гармонично сочетаются друг с другом. Прежде всего это опора на хорошую, настоящую науку, которую иногда называют «фундаментальной», то есть ту науку, что построена на принципе любознательности, на желании человека разобраться, как устроен окружающий его мир. А с другой стороны, научная деятельность должна подчиняться какой-то цели, чтобы был, как говаривал Анатолий Петрович Александров, «сухой остаток». Для него важен был собственный опыт и, в частности, размагничивание кораблей, где в очень весомом «сухом остатке» были корабли…

– …и тысячи спасенных жизней!

– Две стороны научной деятельности необычайно важны. Тогда и возникает гармония. Уважение к науке должно сочетаться с задачей для решения, и в этом случае появляется ответственность человека за дело. Ему необходимо находиться под давлением обстоятельств, и это заставляет понимать проблему до конца.

– В таком случае Курчатов был первым ученым, перед которым стояла задача сохранить мир на Земле?

– Теперь мы это называем «ядерным сдерживанием». И задача столь же актуальна, как и полвека назад.

– Извините, но я должен задать один вопрос. Он может показаться странным, но позже объясню, почему я этим интересовался.

– Слушаю.

– Что вы делали ровно сорок лет назад?

– В 62-м году Анатолий Петрович Александров и Михаил Дмитриевич Миллионщиков послали меня в Пахру. Было желание начать работы по магнитно-гидродинамическому преобразованию энергии. Там было несколько финских домиков, и все только начиналось… А почему интересует цифра именно сорок?

– Ровно сорок лет назад я пришел в этот кабинет к Анатолию Петровичу Александрову, чтобы подготовить материал для «Комсомольской правды» к 60-летию Игоря Васильевича Курчатова. Здесь собралось много сотрудников, коллег Курчатова, они вспоминали о нем. Потом материал был напечатан. О многом, конечно же, нельзя было не только говорить, но даже и упоминать… Признаюсь: мне тогда казалось, что пройдет десять–двадцать лет, и, как это бывает в науке, об ученом начнут забывать. Но с Курчатовым происходит обратное! Он все дальше уходит в Историю, а значение его все растет и растет. Не так ли?

– Есть отдельные личности, которые попадают в «резонанс со временем». Поистине: «Блажен, кто посетил наш мир в его минуты роковые…» Те, кто создавал современную физику в начале XX века, были в особых условиях, и они стали особыми людьми в истории. Точно так же и Игорь Васильевич. То, что он сделал, – это удивительно гармоническое большое творческое дело. Он будто бы заложил в «гены науки» нечто принципиально новое, которое и сейчас проявляется и будет проявляться в дальнейшем.

– Наследственность, значит, у Курчатова великолепная?!

– У того поколения физиков, к которому он принадлежал и которое смог объединить.

– В погоне за сенсациями газетчики вдруг начинают доказывать, что, мол, Курчатов не ученый, а только организатор, мол, «вся наука у него от разведки»… Я понимаю, что спорить с глупостью бессмысленно, но тем не менее эту тему, считаю, надо затронуть… Мне хотелось бы, чтобы вы рассказали о тех направлениях в науке, которые пошли от Курчатова и которые не связаны с оружием.

– В 1946 году вышло постановление Совета Министров СССР за подписью И.В. Сталина, в котором были подробно расписаны направления мирного использования атомной энергии. И даже названы ученые, ответственные за развитие отдельных отраслей. Это был глубокий и очень интересный документ. Однако вскоре Л.П. Берия распорядился «ничем, кроме оружия, не заниматься». Ясно, что он «озвучивал» Сталина. У страны не хватало сил на все, а потому силы были сконцентрированы на главном. Не берусь судить, насколько это было правильным – что было, то было. Но знаю, после завершения первого этапа создания ядерного оружия сразу же начали стремительно развиваться мирные исследования. И инициатором их был, конечно же, Игорь Васильевич Курчатов.

– Это могучее атомное дерево… Какие же «веточки» его, на ваш взгляд, разрослись?

– Во-первых, атомная энергетика. Как известно, первую в мире АЭС пускал сам Курчатов. С тех пор эта энергетика стремительно развивалась во всем мире. Однако после Чернобыля была мощная попытка с атомной энергетикой покончить. Но не получилось. И не только потому, что она дает около 20 процентов энергии, но и из-за того, что проблемы накопления углекислого газа в атмосфере Земли трудно решить без атомной энергетики. Есть и философский аспект происходящего. Человек всегда будет использовать все возможности получения энергии. Та, что накоплена в угле, нефти и газе, будет израсходована в очень короткий срок – это лишь эпизод в истории человечества.

– Без атомной энергетики цивилизации уже не обойтись?

– Безусловно. Надо только найти форму безопасного ее получения и использования. Но для этого важно не потерять ее «интеллектуальную часть»…

– Что вы имеете в виду?

– Опасно, когда проблемой начинают заниматься «вторичные люди»…

– С таким определением я не встречался. Это подобно «вторичным нейтронам»?

– Игорь Васильевич был экспериментатором. Он сам осуществил цепную реакцию. Он только знал, что Ферми это сделал и при этом не погиб. Конечно, великое дело – знать, но не менее великое – самому сделать такое же! Курчатов первым у нас сел за пульт управления реактором, он держал в руках и уран, и графит, и блочки с плутонием. Он создавал атомную отрасль не умозрительно, не теоретически, а поистине «своими руками». И в то же время он понимал, сколь глубоки научные вопросы, на которых основываются эти работы. Естественно, он старался поддерживать и развивать новые направления, и на каждом из них ставился выдающийся физик. К примеру, «быстрыми реакторами» занимался Лейпунский, «тяжелой водой» – Алиханов и так далее.

– Но «точка отсчета» – Курчатов?

– Это его стиль работы, его умение взаимодействовать с коллегами. Курчатов, а затем и Александров обладали одним необычайно важным для научного руководителя качеством – они старались отдать то новое, что появлялось. Передать тому человеку и группе исследователей, которые способны проблему решить быстро и с энтузиазмом. Они считали, что то, что отдано, значит, приобретено!

– «Чем больше отдаешь, тем больше получаешь» – так, по-моему, звучит народная мудрость?! Но необходимо еще чутье: надо найти талантливого человека.

– Курчатов очень хорошо знал мир физики и мир физиков, а потому ошибок практически не было. А если они случались, то и их он использовал правильно.

– Единственный грех, на мой взгляд – это отношение к родному брату – Борису, который получил первый плутоний, исследовал его. Роль Б.В. Курчатова в «Атомном проекте» огромная, но Игорь Васильевич ничего не сделал, чтобы брат был избран в Академию наук…

– В подобных вопросах он был необычайно деликатен… Это не единственный пример подобного рода – Курчатов старался использовать свой авторитет лишь для решения государственных задач.

– Я хочу вернуться к атомной энергетике. Я вспоминаю ту эйфорию, которая была в середине 70-х годов. Тогда разрабатывались проекты развития Большой Атомной Энергетики, и мы рассказывали об «энергетическом изобилии», которое она принесет. Но потом – Чернобыль… Выйдет ли атомная энергетика из чернобыльского коллапса?

– Чернобыль стал для меня историческим моментом, потому что я совершенно неожиданно для себя начал заниматься атомной энергетикой. До этого она меня особенно не привлекала. Но с Чернобыля началось понимание проблем атомной энергетики. Конечно, Чернобыль повлиял на ее развитие, но есть и другие факторы, оказывающие огромное влияние.

– К примеру?

– Развитие газовой промышленности. Дешевый газ, скажем, убил атомную энергетику в Германии. Именно российский газ, а не Чернобыль, хотя и он сыграл свою роль.

– Мы встретились в Чернобыле в первые дни. Я обрадовался, когда увидел вас, и сразу же взял интервью. Оно было опубликовано в «Правде». Тот эффект, на который я рассчитывал, и случился: многие посчитали, что если академик Велихов там, то все будет хорошо… Это психология. Но реальности иные?

– Безусловно. Очень мощная конкуренция с дешевым топливом. На самом деле XX век – это век нефти и газа. Как ни странно, но и судьбу атомной энергетики определяли нефтяники, точно так же, как цены на нефть влияют сегодня на судьбу не только отдельных государств, но и целых континентов. Пришел новый век – XXI. Конечно, по-прежнему нефть играет существенную роль по определению политических судеб. Но у газа иная судьба, он не имеет глобального рынка, как нефть, хотя и влияет на мировую экономику. Я думаю, что рано или поздно цивилизация пройдет через серию кризисов, которые заставят по-другому посмотреть на атомную энергетику. Впрочем, этот процесс уже начался…

– Значит, Курчатов во многом определил ситуацию в XXI веке, но ведь и в XXII тоже, не так ли?

– Вы имеете в виду термоядерную энергию?

– Конечно. Вы ведь ею занимаетесь всю жизнь. А термояд, как известно, начался с Курчатова…

– Он был убежден, что век термояда наступит гораздо раньше!

– По-моему, в этом были убеждены все. Я брал интервью у академика Арцимовича, и он говорил, что через двадцать лет появятся первые станции. Это было как раз в то время, когда Хрущев обещал нам коммунизм в 1980 году… Время пролетело, но ни коммунизма, ни термоядерных станций нет.

– Нет, мы не обещали термояд к этому сроку – это неверно! Речь шла о том, что будет доказано – термоядерная реакция горит. Это совсем не коммунизм… Да. нам в России не удалось этого сделать, но на то были свои причины. В частности, та же «перестройка»… Сам Игорь Васильевич Курчатов агитировал за расширение термоядерных исследований во всем мире, такой же точки зрения придерживался и Лев Андреевич Арцимович, и я считаю, что такое международное сотрудничество необходимо. Результаты такой работы налицо: на трех «Токамаках» – на японском, американском и европейском – мы получили термоядерную реакцию. То есть сделали то, что обещали.

– А в России?

– У нас не было средств. В мире истратили около 30 миллиардов долларов на эту программу.

– Цена полета на Луну.

– На мой взгляд, не важно, что у нас этого нет, главное, что есть в мире.

– Насколько мне известно, американцы вышли из проекта международного термоядерного реактора (ИТЭР)?

– Сейчас они осознали свою ошибку и предпринимают все усилия, чтобы вернуться в проект.

– Это хорошая новость!

– Я не сомневался, что именно так и будет. «ИТЭР» по-латыни означает «путь». Это вещь не сама в себе, а путь в будущее. Еще Игорь Васильевич понимал, что в конце пути настоящая термоядерная энергетика, которая будет экономически выгодна, так как будет давать нужное количество энергии. Человечеству потребуется ее в три-четыре раза больше, и без термоядерной энергетики уже не обойтись. И есть еще одно важное обстоятельство: этот способ получения энергии значительно принципиально безопаснее, чем другие. В будущем это также сыграет свою роль.

– Ходят слухи, что недавно на заседании президиума РАН ваши сотрудники сделали сенсационное сообщение: мол, найден способ, как использовать Луну?!

– Не надо преувеличивать значение этого научного сообщения. Принцип давно известен, важно попытаться реализовать его. Нам удалось в нормальных условиях нагреть плазму до 100 миллионов градусов и поддерживать ее в таком состоянии постоянно. Это уже не отдельные эксперименты, а элемент работы ИТЭРа. Но нам нужно уйти от лития. Его, конечно, много, его легко добывать, но все-таки вместе с ним присутствуют нейтроны. Нам приходится загонять их в паровой цикл... Образно говоря, к термоядерному реактору мы прицепляем паровоз... Не очень эффективно, не так ли? Совсем иное дело, если перейти на прямое преобразование энергии и для этого использовать гелий-3, которым Луна набита. Там топлива хватит на многие тысячелетия. Но для решения этой проблемы нам нужно улучшить термоизоляцию плазмы и существенно поднять температуру. А это вопрос не простой, и на его решение потребуются годы.

– Приятно, что вы обращаете свои взоры на Луну. Еще Келдыш призывал найти ей применение, но все никак не получалось…

– Ну почему же?! Она хороший источник энергии для приливных электростанций. Если мы перейдем на водород, то от нее будет больше пользы. Да и не следует забывать, что по ночам Луна все-таки освещает Землю и ночью в некоторых районах планеты это единственный источник света.

– Раз мы перешли в космос, то следует упомянуть о том, как Курчатов помог Королеву запустить первый спутник и Юрия Гагарина?

– Я пришел в институт в 1956 году еще студентом и сразу попал в термояд ко Льву Андреевичу Арцимовичу и Михаилу Александровичу Леонтовичу. Естественно, ничего о контактах Курчатова и Королева не знал. Это были сверхсекретные работы…

Антон МЕНЬШОВ

– В «Хижине лесника» – доме Курчатова – Келдыш, Королев, Мишин обсуждали с Игорем Васильевичем ракетную технику. Тогда и родилась легендарная «Семерка» – ракета, которая могла доставить ядерную боеголовку до США и которая вывела первые спутники и корабли на орбиты. «Семерка» получилась такой большой, так как термоядерный заряд весил тогда около пяти тонн…

– Это был романтический период в истории нашей науки и техники. И опять-таки у его истоков стоял Курчатов. Тогда рассматривались самые разнообразные варианты атомных реакторов для ракет, самолетов, лодок. И хотя реактор для самолета – идея дикая…

– Тем не менее атомный самолет был создан в КБ Туполева! И он даже летал…

– Опасно и невыгодно это в авиации. Лучше так, как есть. Главное – появились уникальные реакторы, разработаны оригинальные технологии. Некоторые идеи были просто блестящими. В частности, были прямоточные ракеты на водороде. Они разрабатывались в США. И у нас были аналогичные программы, они успешно разрабатывались. Нагреваете водород в атомном реакторе, получаете высокую температуру и, пожалуйста, летите на Марс!.. Николай Николаевич Пономарев и Михаил Дмитриевич Миллионщиков занимались созданием реактора с прямым преобразованием энергии – термоэлектрические, термоионные…

– «Ромашка»?

– «Ромашка», «Топаз»… Реакторы летали на наших спутниках, испытывались. Конечно, тогда казалось, что эта область науки и техники будет развиваться стремительно, но потом все затормозилось… Мы продали эти технологии американцам – они в этой области отставали от нас. Но теперь намерены идти и в этом направлении… Многие миссии в космосе требуют атомной энергетики, присутствия там атомного реактора. С ним проще, чем с радиоизотопными источниками.

– Почему?

– Реактор запускается «чистым», и в случае аварии ничего страшного не происходит. А изотопный источник несет с собой реальную опасность… Но мы несколько отклонились от Курчатова и Королева. Мне кажется, что им удалось вместе найти верное стратегическое решение: они окончательно утвердили принципы ядерного сдерживания.

– Создание ракетно-ядерного щита?

– Конечно. Они поняли друг друга с полуслова. Для Королева поддержка Курчатова была весьма существенна. Игорь Васильевич ставил боеголовки на ракеты, но одновременно предоставлял ему право самому решать будущее ракетной техники. Все-таки у Курчатова широта мышления была удивительная, и это не могло не влиять на Сергея Павловича.

– Все новые документы, связанные с «Атомным проектом СССР», рассекречиваются, и, конечно же, многие из них связаны с деятельностью Курчатова. Поразительно, как он все успевал?! К примеру, немногим известно, что здесь, на окраине Москвы, он создавал «атомный остров». Рядом с вашим центром находится СНИИП – атомное приборостроение, за забором – плутониевый институт, тут же Институт биофизики и 6-я клиника…

– Он хотел, чтобы все было рядом. Так легче работать…

– Есть один любопытный документ, связанный с Курчатовым и Славским. Это записка Берии Сталину, в которой тот сообщает, что Курчатов и Славский нарушают правила медицинской безопасности – ходят туда, куда не надо ходить, переоблучаются…

– Он прекрасно знал о действии радиации на живые организмы. И предпринимал все необходимое для создания специальной системы здравоохранения. Но, с другой стороны, понимал, что риск всегда есть. Особенно при работе с плутонием. Он еще в тридцатых бегал с облученными образцами по коридорам физтеха и никому не поручал это… На первых реакторах он не мог поступать иначе. Он не мог посылать людей на опасные работы, не сделав их сам. Моральная сторона всегда играла для него важнейшую роль…

– Для него и Славского?

– Они были друзьями, исповедывали одни и те же принципы… Сначала они делали что-то сами, а уж потом отдавали соответствующие приказы. Послать сотрудника на непроверенное дело они не могли по своим моральным нормам.

– «Мыслящий и работающий человек есть мера всему. Он есть огромное планетное явление».

– Хорошо сказано! Кем?

– Владимиром Ивановичем Вернадским.

– Мне кажется, что они с Игорем Васильевичем в нашей и мировой науке были соизмеримы…

– Мы еще к подобным оценкам вернемся. А пока хочу затронуть одну тему, которая имеет непосредственное отношение к Курчатову. Я имею в виду генетику и биологию в целом. В вашем центре работы по радиобиологии ведутся сейчас?

– Нет.

– А ведь в институте в те времена был создан биологический отдел, который во многом спас генетику в нашей стране. Ведь везде господствовал Лысенко, не так ли?

– Курчатов привлек Игоря Евгеньевича Тамма и к созданию водородной бомбы, и к проблеме термоядерного синтеза. Биологией он начал заниматься под его влиянием…

– Идеи двух ученых – Игоря Евгеньевича Тамма и Виталия Лазаревича Гинзбурга – лежат в основе термоядерного оружия. Андрей Дмитриевич Сахаров – ученик Тамма, и об этом не следует забывать.

– Кстати, если вы посмотрите магнитную систему «Токамака», то ее принципы изложены в учебнике основ теории электричества Тамма 1934 года… Игорь Евгеньевич – крупнейший ученый XX века, очень широко мыслящий. Естественно, он оказывал влияние на Курчатова. Они и приняли решение о создании биологического отдела. Кстати, для этого были весьма веские основания. Надо было разобраться с влиянием излучений на человеческий организм. Окончательные ответы не получены до сих пор: теория малых доз до сих пор противоречива. И здесь до сих пор нужна большая наука… Ну а с другой стороны, Курчатов видел, что он не может убедить ни Сталина, ни Хрущева, что нужно поддерживать современную биологию и генетику. Тогда дефакто они эти работы увели за секретные стены атомного института и тем самым поддержали генетику. К сожалению, сейчас ни наш институт, ни атомное ведомство в целом не сыграли важной роли в проекте генома. В отличие от американских ядерных лабораторий, которые активно участвовали в этом уникальном проекте. Геном расшифрован, великое дело сделано, а дальше что?

– Уж не собираетесь ли вы, подобно Курчатову, вернуться к биологии?

– Мне поздновато, но тем не менее очень интересно! Я помню со студенческих лет книгу Шредингера «Что такое жизнь?». И вот теперь этот же вопрос становится очень острым. Речь идет о познании очень сложной системы под именем «жизнь». В этой работе есть место физике, математике, информационным технологиям, которые бурно развиваются...

– Вы считаете, что ядерная физика толкнула науку в этом направлении?

– Термоядерные исследования, которые так активно начал во всем мире Курчатов, – это необычайно сложная система. Ее изучение в конце концов привело к пониманию того, что мы сейчас называем «динамическим хаосом». Не буду углубляться дальше, просто хочу выяснить простую мысль: мы начали заниматься, казалось бы, «частной проблемой» – плазмой, а потом все, что рождалось в ней, стало достоянием всей большой науки.

– Казалось, что физика и биология расходятся все дальше, а на самом деле они стремительно сближались?

– Они соединяются в нанотехнологиях. Сейчас мы делаем миллиарды транзисторов на кристалле. А начиналось с одного… Такая же ситуация с геномом. Надо исследовать сложнейшие системы, создавать математические и физические модели. И необходимы новые мысли, идеи.

– Что вы считаете для Курчатовского центра главной задачей сегодня?

– Есть проблемы, которые, кроме нас, никто не решает. Во-первых, есть атомная энергетика. Нужно, чтобы она функционировала разумно и гармонично в реальных экономических условиях современной России. Во-вторых, надо думать о перспективе, а следовательно, о термоядерной энергетике. Замечательно, что мы закончили проект ИТЭРа! Это ведь не бумага, как принято считать любой проект, а в промышленных условиях мы сделали элементы реактора и показали, что они работают. Это самые передовые границы современной технологии.

– Кто сказал, что создание такого реактора, как ИТЭР, даже сложнее, чем пилотируемый полет на Марс?!

– Может, и не сложнее, потому что оттуда надо еще вернуться!.. Важно, что Россия участвует в международном проекте и это «термоядерное сообщество» выдержало все политические бури и испытания. Мы пережили и Афганистан, и рейгановскую «империю зла», и «перестройку», и исчезновение Советского Союза, и множество премьеров и президентов. А все началось с речи Игоря Васильевича в Харуэлле…

– Я читаю лекции на факультете журналистики в университете. Я спросил студентов – их у меня около тридцати – о Курчатове. Как вы думаете, сколько человек знало о нем?

– Ну, может быть, пять?

– Ни одного…

– Кошмар!

– К сожалению, так выглядит сегодня наше образование!

– Это, конечно, кошмар… Такие люди, как Курчатов, имеют большое значение для жизни каждого человека, чем футболисты и певцы. Игорь Васильевич Курчатов входит в число тех, кто сформировал историю России, историю мира. Об этом надо знать и помнить.

Владимир ГУБАРЕВ

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...

Любите кошек и бесхвостых

Российские ученые обнаружили в удмуртской глубинке новую мутацию «бесхвостости» у кошек

Мутации хвоста, или же «генетически обусловленные аномалии хвостового отдела позвоночника», для кошек – беда, а для специалистов-фелинологов – новая порода, бесхвостая. Сотрудники Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины обнаружили новую мутацию «бесхвостости» у кошек, обитающих в российской глубинке.

В 1987 году в Ижевске прошла первая городская выставка кошек, на которой демонстрировали в основном местные породы, а экспертизу проводили питерские фелинологи. Особое внимание специалистов привлекла некрупная кошка по кличке Муся. У нее была короткая белая, с пятнами шерстка, необыкновенные изумрудные глаза, а главное – практически полное отсутствие хвоста (в наличии имелось всего 3 позвонка). Фелинологи установили, что такие животные встречаются иногда в отдаленных селах Удмуртии, в одно из которых специалисты и нагрянули. Село называется Байкузино, и почти все его кошачье население ходит без хвостов. Шерсть у животных тоже короткая, зато очень длинные задние ноги. Когда кошки бегут, они закидывают задние ноги перед передними, удивительно напоминая зайцев. Еще одна черта байкузинских кошек – мягкий нрав. Несколько животных исследователи вывезли в Петербург, и теперь их разводят: скрещивают друг с другом и с бесхвостыми кошками других пород.

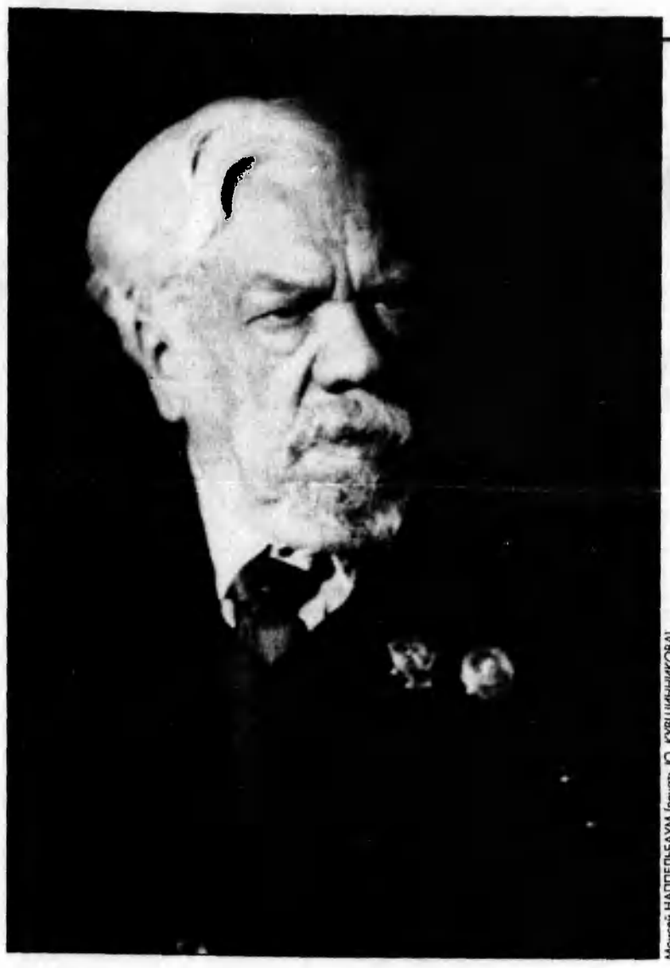
Отсутствие хвоста не такая простая вещь. Среди самых знаменитых бесхвостых кошек, мэнских, различают 4 типа: кошки без хвостовых позвонков, кошки, у которых сохранилось несколько неподвижных позвонков, кошки с подвижным, но коротким и уродливым хвостом и, наконец, животные с хвостом коротким, но внешне нормальным. Мутация, ответственная за это безобразие, известна. Некоторые породы котов японского происхождения имеют другие аномалии хвостового скелета. Одна из них получила название «бобтейл». У этих животных короткий хвост, достигающий всего 5 – 7 сантиметров в длину, который часто заканчивается шишкой. Как наследуется такой тип хвоста, ученые пока не знают.

Что же касается удмуртских кошек, их хвост внешне похож на мэнский, но своей краткостью обязан совершенно новой, неизвестной доселе мутации. Она, по-видимому, влияет на плодовитость, поэтому котят пока немного – за все годы только пятьдесят. Часть потомства произошла от скрещивания байкузинских котов с сибирскими кошками, часть – от короткохвостых родителей, а часть – от вязок между бесхвостыми и короткохвостыми животными. Дети от всех браков в основном короткохвостые или бесхвостые, котят с нормальным хвостом всего десять. Байкузинская мутация влияет не только на размер хвоста: бесхвостые кошки довольно часто страдают от дефектов мочеполовой системы, закупорки слезных протоков, а иногда и от нарушения психики. Обнаруженные дефекты следует отнести к недостаткам породы, если рассматривать эту проблему с точки зрения котоводов. А с позиции генетиков любая новая мутация и сведения о ее проявлениях – достижение. Так, питерские исследователи надеются, что мутация бесхвостости у удмуртских кошек пополнит список известных мутаций у этого вида животных, и предлагают присвоить ей символ Bai (Байкузино).

«Информнаука»

ПОРТРЕТ НАУКИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Два крыла цивилизации


Моисей НАППЕЛЬБАУМ (печать Ю. КУВШИННИКОВА)

Когда большинство населения планеты еще не верило, что на неподвижном железном крыле можно летать в воздухе, будущий академик **Сергей Алексеевич ЧАПЛЫГИН** (1869–1942) рассчитывал задачи движения тяжелых твердых тел в жидкой и газовой среде. Тогда рождалось объяснение подъемной силы крыла, и ученик «отца русской авиации» Николая Егоровича Жуковского быстро стал его соратником и уже дополнял знаменитую теорему своего великого учителя.

За свои исследования в области теоретической механики он еще в 1899 году получил от Петербургской академии наук почетную золотую медаль. А вот работу 1902 года «О газовых струях» современники даже не полностью оценили – скорости, приближающиеся к скорости звука, тогда казались немыслимыми и потому неактуальными для рассмотрения... Авиация еще должна была дорасти до его уравнений, и он ее выращивал, посвятив ум и силы вопросам и проблемам аэродинамики. Когда мы говорим «аэродинамика», подразумеваем ее техническое царство – ЦАГИ, крупнейший в мире Центральный аэрогидродинамический институт в подмосковном Жуковском.

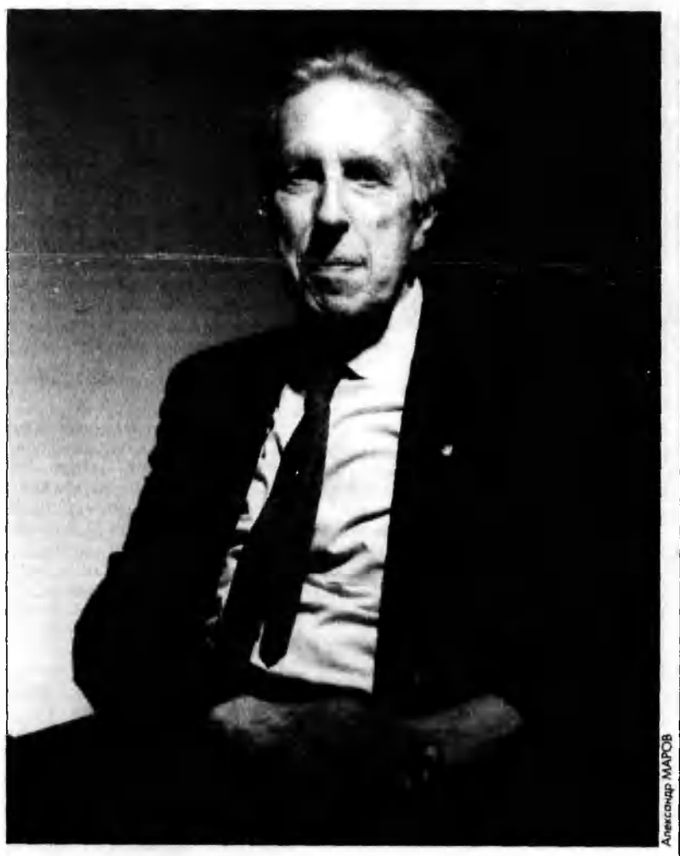
Привлеченный Жуковским к его созданию, Чаплыгин долгие годы возглавлял этот уникальный научный комплекс. От «игры в самолетики» с продуванием крошечных моделей до аэродинамических сверхскоростных испытаний в могучих трубах чуть ли не полноразмерных моделей и реальных фрагментов, скажем, «Бурана»... До аэрокосмической авиации Чаплыгин не дожил, но путь к ней прокладывал всеми своими уравнениями. Его имя живет и в них, и в городе Чаплыгине в середине России, и в премии имени Чаплыгина, учрежденной АН СССР «за лучшую оригинальную работу по теоретическим исследованиям в области механики», и в кратере на обратной стороне Луны...

Полагалось бы обозначить логическую связь между уравнениями теоретической механики и правовыми уравнениями, чтобы пояснить присутствие рядом выдающегося юриста-правоведа современности, каким является академик **Владимир Николаевич КУДРЯВЦЕВ.** Но без всяких натяжек понятно, что то и другое формирует развитие человеческого прогресса. Пожалуй, вся жизнь и научные исследования Кудрявцева – это размышления о прогрессе общественном, том правовом и гармоничном обществе, которое нам пока только снится.

Юность совпала с Великой Отечественной, Ташкентское военно-пехотное училище и Туркестанская дивизия стали первой жизненной практикой. Потом учеба и наука во имя обновления отечественного законодательства и его расчистки от расстрельных завалов «революционной» и репрессивной «законности». Правоведы, которые занимались этим изо дня в день, последовательно и кропотливо, были незаметней, чем шумные политики с регламентированными разоблачениями. В.Н. Кудрявцев стал одним из основателей отечественной криминологии, которая вплоть до 50-х годов не развивалась по идеологическим причинам.

В его монографии «Политическая юстиция в СССР» на большом архивном материале раскрыты причины и механизмы репрессий 20–40-х годов. Неразрывная связь подлинной законности с правами граждан и личности, основополагающие принципы правового государства – это до сих пор тайна за семью печатями для многих государственных управителей, и в этом, думается, драма таких ученых, как В.Н. Кудрявцев. Несмотря даже на то, что его крупнейшие работы в этой области по теории уголовного права и криминологии, социологии права, политологии стали неотъемлемой базой юридического образования в стране, переведены в Италии, Японии, Венгрии, Польше, Болгарии, Чехословакии, а их автор готовил в «переломные» эпохи Уголовные кодексы страны, участвовал в подготовке Конституций СССР 1973 года и Российской Федерации 1993 года. Его книги и монографии могут читаться как настоящие бестселлеры – «Социальные отклонения», «Социальные деформации», «Преступность и нравы переходного общества»...

В последних работах при его участии особое внимание уделено природе нового бича современности – терроризму, его социальным, экономическим, психологическим, идеологическим причинам, эффективным и правозаконным мерам по его предупреждению и профилактике. На посту вице-президента РАН с 1988 по 2001 год академик Кудрявцев активно стимулировал внимание руководства страны и общества в целом к гуманитарным наукам в их не искаженном и не деформированном идеологическими шорами виде как к ключу гражданского созидания. Труд ученого отмечен в 2002 году Демидовской премией.


Александр МАРОВ

Поистине эти два портрета разных эпох отражают два крыла цивилизации – техническое и общественное, без любого из которых наш «самолет» свалится в пропасть...

Выпуск составлен при участии специалистов Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии РАН. Архивные материалы подготовлены Зоей Ефимовой (ЛАФОКИ – Институт истории естествознания и техники РАН).

ЖУРНАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Химия «живого»

Вот уже около тридцати лет на российском издательском рынке существует научный журнал **«Биоорганическая химия»** (более десяти лет издаваемый одновременно на русском и английском языках **МАИК «Наука/Интерпериодика»**), основанный академиком Ю.А. Овчинниковым в 1975 г. Причем основание журнала пришлось именно на те времена, когда, цитируя нынешнего главного редактора издания, директора Института биоорганической химии им. М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова РАН, академика В.Т. Иванова, «термин «биоорганическая химия встал в один ряд с привычными «химия природных соединений» и «биохимия» в названиях книг, статей, институтов».

Разумеется, первые полтора десятка лет «Биоорганическая химия» была всесоюзным изданием (и по составу авторов, и редакционной коллегии), однако и по сей день во многом благодаря высокому профессионализму редколлегии «журнал продолжает жить и бороться». Всего же за минувшие годы было издано более трехсот номеров издания, «заключающих в себе несколько тысяч статей». «Тысячи раз сочетались авторские замыслы, реализованные сначала в лаборатории, а потом на бумаге или in silico – в компьютере, с усилиями редколлегии, редакции и многих других участников многозвенной, строго хронометрируемой издательской цепочки, итогом чего становилась очередная книжка журнала, – так описывает «долгий и тернистый путь» издания академик В.Т. Иванов. – Характер публикаций менялся по мере того, как менялся характер освещаемых им направлений».

Думается, перечислять данные направления в ненаучном издании нет необходимости, ибо ученый нужную информацию почерпнет в специализированном журнале, а не посвященному в «научные тонкости» читателю вполне достаточно будет узнать, что публикации «Биоорганической химии» посвящены, по определению главного редактора журнала, «химии живого» или «исследованиям биомолекул в самом разном аспекте».

Опубликовать же свою научную работу в журнале могут как отечественные, так и зарубежные ученые, причем у издания уже сформирован свой круг авторов и читателей – это, как правило, сотрудники академических институтов и университетов. Разумеется, не каждая рукопись, присылаемая в «Биоорганическую химию», оказывается опубликованной: 15 – 20% научных произведений отсеивается редколлегией. Причем, по словам главного редактора журнала, даже «далеко не все принятые рукописи могут идти в печать с колес»: «если достаточно быть Микеланджело, чтобы из глыбы мрамора извлечь таящийся в ней шедевр, то даже объединенных усилий членов редколлегии и редакции порой не хватает, чтобы вычленить жемчужное зерно из того, что попадает к нам в руки».

Итак, по мнению академика В.Т. Иванова, представляющего, безусловно, и мнение редколлегии издания, статья, претендующая на публикацию в журнале, «должна быть посвящена актуальной проблеме, доказательна, выполнена на современном уровне, не содержать в себе псевдонаучных наблюдений и заявлений, не подтвержденных экспериментом». Кроме того, ее автор не должен превращаться в «изобретателя велосипеда» – ему необходимо четко, адекватно и честно формулировать цель своей научной работы, ее итоги. «В заголовках некоторых рукописей заявляется подчас слишком многое, читая же их, понимаешь, что учеными не сделано и части из заявленного, – рассказывает академик. – Такие рукописи мы либо отклоняем, либо просим авторов «доработать» свои произведения». Кстати, несмотря на то, что подобные «доработки» занимают много времени, редколлегия считает их необходимыми для поддержания публикаций на уровне, соответствующем высоким мировым стандартам, надеясь и в будущем иметь возможность продолжать «дело своей жизни» – публиковать лучшие научные труды российских и зарубежных ученых в «области химии живого».

Между прочим, по словам главного редактора, теоретически в журнале может быть опубликована даже статья «простого учителя химии», впрочем, поскольку «наука это не дешевая, то он вряд ли сможет найти в школе или позволить себе приобрести необходимые для работы реактивы и приборы». Также академик заверил, что редколлегия издания с одинаковым вниманием относится и к трудам академиков, и к статьям «обыкновенных» научных сотрудников, давая молодым ученым возможность увидеть свою научную работу опубликованной на страницах престижного научного издания. Так, среди работ, удостоенных премии МАИК «Наука/Интерпериодика» за 2001 год, была и статья из журнала «Биоорганическая химия», посвященная фундаментальным исследованиям молекулярных механизмов, отвечающих за эффективность белкового синтеза у бактерий, под «страшным» для непосвященных названием: «Избыточная комплиментарность области Шайна-Дальгарно и 3-концевого участка 16S рибосомной РНК неэффективна при трансляции in vivo» А.В. Комаровой, Л.С. Чуфистовой, И.В. Бони, первым автором которой являлась аспирант. Разумеется, молодому специалисту в работе немало помогли советы и рекомендации ее научного руководителя.

Юлия СЕДОВА

РЕКТОРСКАЯ КАФЕДРА

Вуз нового века

На недавнем международном симпозиуме «Университетский проект» в Зальцбурге (Австрия) внимание образовательного сообщества привлек опыт Чувашского государственного университета. Суть его – с опорой на собственные силы в Чувашии расширяется доступность высшего образования. Как это удалось осуществить региональному вузу? Что представляет собой научно-образовательный комплекс учебных заведений разного уровня под эгидой Чувашского госуниверситета? Об этом наш корреспондент беседует с доктором экономических наук ректором Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова Львом КУРАКОВЫМ.

– Лев Пантелеймонович, насколько идея национальных школ актуальна, когда речь идет о создании единого образовательного пространства?

– Это веление времени. Развитие национального самосознания становится все более заметным. Появляется потребность в организации обучения детей с учетом национальных традиций, обычаев, языка. Безусловно, задача государства заключается в сохранении каждого этноса, развитии его национального потенциала. А это невозможно сделать без создания надлежащих условий для функционирования национальной системы образования и решения проблемы преподавания на родном языке.

Собственно, специфика Чувашского государственного университета в том и заключается, что это прежде всего национальный университет. Поэтому мы считаем началом начал разрешения этой проблемы подготовку учителей. С чего мы и начали реализовывать идеи интеграции.

– Ваш университет ставит педагогическое образование во главу угла?

– Да, самым непосредственным образом. Это было предопределено при организации университета. Дело в том, что ЧГУ был основан на базе Волжского филиала Московского энергетического института и историко-филологического факультета Чувашского государственного пединститута имени И.Я. Яковлева.

Поэтому многое перешло от педагогов к нам по наследству и нами бережно сохраняется. Но мы внесли и свою лепту. Занявшись перестройкой содержания образования – от детского сада до послевузовского, мы поняли, что необходима вертикальная интеграция учреждений общего и педагогического образования.

– В результате появился комплекс. Какова его цель?

– Он позволяет обеспечить равный доступ к получению высшего образования вне зависимости от того, где живет человек.

И еще это хорошая форма поддержки одаренных детей, особенно из сельской местности.

Именно эти цели преследовал университет, когда создавал целую сеть инновационных образовательных подразделений – свои филиалы и представительства в самых разных уголках республики и за ее пределами. Чувашский государственный университет в настоящее время, по сути, представляет собой распределенный университетский комплекс. Он включает в себя филиалы и представительства как на территории Чувашской Республики, так и в сопредельных республиках и областях с компактным проживанием чувашской диаспоры.

В 1994 году в университете была открыта гимназия для одаренных детей, в большинстве своем из сельской местности. В университете функционируют также Академия юных менеджеров, центры довузовской подготовки учащихся.

ЧГУ наладил тесное сотрудничество со многими школами, лицеями и гимназиями Чувашской Республики на основе договоров о сотрудничестве. В школах, лицеях и лицейских классах, расположенных в сельской местности, занятия по общеобразовательным дисциплинам проводят местные школьные учителя, а для чтения специальных курсов по углубленному изучению предметов приезжают профессора и преподаватели университета.

Мы не только организуем углубленное изучение ряда предметов учащимися гимназий ЧГУ и договорных школ, но и приобщаем ребят к научным изысканиям. Тратим на это много времени и усилий. Например, многие учащиеся участвуют в ежегодных студенческих научных конференциях. На ней работает секция «Первый шаг в будущее».

Да возьмите традиционные олимпиады «Первый шаг в науку» по различным предметам, которые мы ежегодно проводим в университете. Для отличившихся в олимпиаде организовываем Летнюю школу на базе одного из региональных научно-образовательных центров. На базе своих филиалов и представительств ЧГУ проводит методические семинары, курсы повышения квалификации учителей школ.

Сегодня в республике реализуется программа президента ЧР «Новая школа». Наши инициативы в ней нашли поддержку. Строятся новые школы. А в них создаем такой морально-психологический климат, чтобы учиться, заниматься наукой было престижно.

– Теперь о едином экзамене. Ваш университет в нем участвует. Каковы первые результаты?

– Ученый совет Чувашского университета принял решение об участии вуза в эксперименте по проведению единого государственного экзамена в ноябре 2000 года после тщательного изучения этого вопроса. Преподаватели университета подготовили контрольно-измерительные материалы. Ими были разработаны варианты заданий по математике, русскому языку, литературе, обществознанию, иностранным языкам.

Иную позицию ЧГУ по отношению к участию в эксперименте по ЕГЭ и не мог занять, так как он является федеральным государственным образовательным учреждением. Это с одной стороны.

С другой – университет имеет большой опыт в проведении единых (совмещенных) – выпускных как вступительных – экзаменов. Поэтому можно сказать, что единые экзамены не являются чем-то принципиально новым для нас. Однако при проведении ЕГЭ возникает много неясностей. До конца не понятен механизм его реализации. Поэтому хотелось бы избежать негативных последствий.

– Каких, например?

– Мы беспокоимся о том, чтобы при проведении эксперимента по ЕГЭ не были ущемлены право учащихся на получение образования, а также интересы модернизации системы образования в целом. Удастся ли в условиях эксперимента сохранить социальную составляющую системы непрерывного образования, над созданием которой наш вуз работал в последние годы? Без этого нам не решить проблемы доступности и повышения качества образования.

На ученом совете мы неоднократно обсуждали эту проблему. Члены совета, весь коллектив университета заботятся о том, чтобы эксперимент не ухудшил положение молодежи, стремящейся к получению высшего образования.

– Вас волнует «университетский вклад» в современную историю своего народа?

– Самым прямым образом. Даже тот факт что было предпринято несколько попыток создать университет в Чувашии (одна из которых еще в 1918 г.). К сожалению, тогда для этого не было соответствующих условий

Ревком Чувашской автономной области, например, в августе 1920 года принял решение о создании Чувашского университета в Чебоксарах. Конечно, такое решение носило лишь эмоциональный характер – в Чувашии 91 процент местного населения был неграмотным. На 10 тысяч населения приходилось лишь 0,1 единицы печатной продукции. Чувашская интеллигенция была малочисленной, многие руководители имели лишь пятилетнее образование, а в столице автономии, где намеревались открыть вуз, проживало не более 5 тыс. человек и не было ни одного подходящего для этого здания. Да и русским языком, на котором могло проводиться обучение в университете, в достаточной степени владела лишь небольшая часть чувашской молодежи. Поэтому постановление Ревкома Чувашской автономной области осталось невыполненным. Оно было реализовано лишь через полвека – в 1967 году, когда первые студенты вошли в аудитории Чувашского государственного университета.

Как уже мы отметили, университет был открыт на базе Волжского филиала МЭИ и истфака Чувашского государственного пединститута имени И.Я. Яковлева. Поэтому среди первых факультетов (исторического, филологического, экономического, математического, медицинского, химического) были не присущие классическому университету факультеты электротехнический, общетехнический и электрификации промышленности.

В 1977 году образован машиностроительный факультет, в 1978-м – строительный факультет, в 1990-м – факультеты чувашской филологии и культуры, в 1991-м – юридический факультет. В 1993-м физико-математический факультет разделен на два факультета: физический и математический, образованы факультеты электротехники, энергетики. Позже были открыты факультеты бизнеса и менеджмента, лечебный факультет, факультет иностранных языков, психологии, журналистики, педиатрический, стоматологический факультеты, информатики и вычислительной техники, радиотехники и электроники и др. Среди национальных университетов такой широкий набор специальностей встречается не так уж часто. Но этим мы и сильны.

– Это позволило вам выйти на зарубежный рынок?

– Да, давно и весьма успешно. Достаточно велико число иностранных студентов, стажеров, соискателей, которые приезжают к нам учиться. Выпускники-иностранцы, прошедшие полный курс обучения в университете, успешно выдержали аттестацию в своих странах по признанию диплома ЧГУ.

Расширяются связи с зарубежными вузами. Студенты университета слушают лекции известных специалистов и преподавателей из Германии, Австрии, Англии, Италии, США, Швеции, Словакии, других стран.

Со своей стороны сложившаяся в университете национальная образовательная система, которую можно назвать «Школой ЧГУ», укрепляет народные традиции, позволяет приблизить творческую образовательную обстановку к национальной среде. Неужели этим опытом нельзя поделиться с мировым сообществом? А для этого высшее учебное заведение должно получить статус высококлассного вуза.

– Что для этого сделано?

– Прежде всего Центр телекоммуникации с выходом в Интернет, созданный в университете, позволил получить доступ в российские и мировые банки данных, рассказать об университете широкой аудитории. В день открытия центра мы вручили памятные книги чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Это символично, традиция и новаторство всегда идут рука об руку.

Тем более что наше историческое прошлое востребовано сегодня не только нами, но и мировым сообществом. Например, в Чувашском государственном университете свято чтят идеи и принципы педагогической системы, разработанной великим чувашским просветителем И.Я. Яковлевым. Его творчеству была посвящена крупная международная конференция, организованная университетом в 1998 году в Чебоксарах. 1990 год решением ЮНЕСКО был объявлен годом К. Иванова. Тем самым признано международное значение его творчества. Классик чувашской литературы, поэт К. Иванов был учеником И.Я. Яковлева, который одним из первых высоко оценил его талант, помог его становлению и развитию.

Таких примеров много. Недавно приезжал к нам в университет довольно известный в научном мире профессор из Соединенных Штатов Америки. Я пригласил его в глухую деревню Батыревского района, находящуюся на границе с Ульяновской областью и Татарстаном. Я родом из этих мест. Поэтому-то я знаю не только свой родной чувашский, но и татарский язык, так как учился в татарской школе, которая только и была в селе.

Было это в октябре месяце. Состояние дорог в сельской глубинке, вы знаете, оставляет желать лучшего. В распутицу туда на машине и проехать-то практически невозможно. Поэтому мы приехали на встречу с большим опозданием. Но нашего гостя потрясла теплота этого мероприятия. Он был поражен также и тем, насколько мы сохранили свою национальную самобытность, при этом будучи совершенно европейскими людьми. В машине по дороге назад он долго убеждал меня в том, что мы не имеем права терять все это наше богатство.

– Удалось ли вам преодолеть трудности реформ и перестроек?

– Удалось. Сегодня самые трудные времена позади. Но и сейчас еще многого не хватает, но не так уж сложно сказать человеку доброе слово, создать определенные условия для творческого труда и отдыха. И мы делаем в университете все возможное, чтобы социально защитить членов нашего дружного многотысячного коллектива. Вот около 200 квартир построили. Преподаватели их получили бесплатно.

В этом году в Сочи отдохнули бесплатно 100 человек. Среди них были и технички, и профессора, и студенты.

Профилакторий нашего университета – один из лучших оздоровительных учреждений в городе. Путевки туда предоставляем бесплатные. В 2002 году здесь отдохнули более 1400 студентов и более 100 преподавателей и сотрудников. Так как в структуре университета есть лечебный, стоматологический и педиатрический факультеты, то у нас имеется возможность привлечь к проведению медицинских консультаций своих врачей.

В этом году мы организовали бесплатно лечение 170 наших студентов в одном из подмосковных санаториев. Отправляем их туда на своем комфортабельном автобусе также бесплатно. Для студентов летом и осенью 2002 года организовали бесплатно экскурсии по «Золотому кольцу России» (гг. Владимир и Суздаль). К непреходящим ценностям древнерусской культуры смогли приобщиться в такой форме более 300 студентов.

Строим свой спортивный комплекс общей площадью более 5000 квадратных метров. Уже вложили в него 50 млн. рублей собственных средств, заработанных вузом. Для сравнения, инвестиции в этот объект из федерального бюджета составили 4 млн. рублей.

Планируем в ближайшее время начать строительство собственной базы отдыха на Черноморском побережье Краснодарского края, а также оздоровительного комплекса ЧГУ в Цивильском районе республики. Строим восстановительный центр и оснащаем его самым современным медицинским оборудованием.

Кстати, мы в университете ни разу за последние 10 лет не задерживали выдачу зарплаты и стипендий. К тому же она всегда идет с доплатой. У нас широко используется материальное и моральное стимулирование добросовестного, творческого труда.

– Аналогов таких нет. Во всяком случае, я этого не встречала в вузах в таком объеме.

– Знаете, я исхожу из того, что невозможно требовать от человека и ничего ему не давать. Притом мне не нравится позиция потребительства, когда к государству обращаются с одним вопросом «дай». Ведь вузы могут и самостоятельно многое сделать. Суть нашего подхода – мы все стараемся делать своими силами.

Речь идет о тех учебных филиалах, научных центрах, школах, лицеях, гимназиях. Многие из них построены и функционируют за счет собственных средств университета. Практически во всех сельских районах нашей республики имеются такие центры.

У нас есть свое большое подсобное хозяйство: разводятся пчелы, рыба, домашняя птица. Все это позволяет организовать бесплатное питание детей, которые учатся в наших довузовских образовательных учреждениях.

Университет кровно заинтересован в том, с каким багажом знаний придет к нему абитуриент. И если уровень подготовки будущего студента в сельской школе невысок, то как же он будет успевать в университете? Можно ли рассчитывать, что он станет конкурентоспособным специалистом?

Для того и создается эта многогранная модель образования нового века.

Людмила КОХАНОВА

В НАЗИДАНИЕ ПОТОМКАМ!

Человеческий фактор на Марсе

Зачем землянам штурмовать Бога войны и какие жертвы они ему приносят, это хорошо знает писатель Юрий Марков. Потому что на самом деле он опытнейший инженер-испытатель космических аппаратов Юрий Зарецкий, ветеран знаменитой космической фирмы имени Лавочкина. И его истории всегда достоверны и увлекательны.

Недавно первому полету к Марсу исполнилось 40 лет. В ноябре 1962 года на орбите появился космический аппарат «Марс-1». Руководил его созданием и запуском с космодрома Байконур – как только разрядился «карибский кризис» – Сергей Павлович Королев.

Прошли десятилетия

Понедельник, 13 сентября 1993 года. 10.00 – прайм-тайм рабочего дня. По центральной аллее нашего сверхсекретного предприятия неторопливо и важно шествует небольшая группа. Немногочисленные прохожие в изумлении застывают, завидев ее. В окнах КБ видны изнывающие от любопытства сослуживцы. Доминирует в процессии высокая, дородная, очень крупная дама с густой копной темно-каштановых волос. На ней необычная, яркая, «космическая» ряса до пят. Это плыла Таана – знаменитая пришелица с планеты Эпсилон созвездия Рыб (так она в миру – Терентьева Татьяна Михайловна – себя представляла). Рядом семенила худенькая, хрупкая ассистентка. А сопровождал их среднего роста и плотного телосложения, солидный мужчина – заместитель главного инженера предприятия, начальник комплекса (ОКБ делится на комплексы) Евгений Николаевич Маслов. Он ввел их в собственный просторный кабинет, расположенный на третьем этаже одной из контрольно-испытательных станций завода, где собрались руководители испытаний космических аппаратов по проекту «Марс-94» и члены секции аномальных явлений при Комитете космонавтики НПО имени С.А. Лавочкина.

Евгений Маслов, радиоспециалист с высшим образованием, твердо верил (и продолжает верить), что при жизни еще нашего поколения удастся связаться с какой-либо внеземной цивилизацей. Он еженедельно посвящает поиску немало часов своей напряженно занятой жизни. Поиск ВЦ и привел его к знакомству с Тааной.

Итак, во главе длинного стола, в кресле Маслова, восседала Таана. Перед ней у плакатов с баллистической схемой полета, рисунками аппаратов стоял и делал доклад о намечаемой экспедиции к Марсу председатель комитета и технический руководитель проекта В.П. Никифоров. Таана слушала внимательно, полузакрыв глаза, опустив голову, изредка одобрительно кивала. Ассистентка старательно все записывала.

Иногда пришелица важным, назидательным голосом подавала реплики, полные глубокомыслия:

– Вы летите на Марс с гуманными или захватническими целями?

– С гуманными, с гуманными! – жарко убеждал Валерий Павлович.

– А вот этот эксперимент возможен только с разрешения высшего космического разума, иначе будет поломка! (Когда технический руководитель рассказал о запланированных исследованиях с помощью двух пенетраторов, вонзающихся в тело планеты).

- Да, да, это очень, очень важно! (на раздел доклада о мерах, принимаемых в целях исключения заражения Марса земными микроорганизмами).

А вы верите показаниям своих приборов? Может, данные, которые вы получаете от них, искусственны? (Чему же нам еще верить?)

После доклада она от имени высшего космического разума благословила наш проект. В заключение, оглядев присутствующих строгим долгим взглядом, грозно припугнула:

– Развитым цивилизациям не составляет труда вас уничтожить, но им интересно наблюдать за эволюцией человечества.

Происходящее представлялось мне фантасмагорией, и я едва сдерживал себя, чтобы не рассмеяться, глядя на серьезные лица некоторых коллег.

Несмотря на благословения Тааны, проект «Марс-94» шел ни шатко ни валко, и вскоре из-за плохого финансирования дата запуска была перенесена на 1996 год. Этот грандиозный, амбициозный проект – самый большой космический аппарата, предназначенный для исследования Марса с орбиты планеты, а также с ее поверхности с помощью двух долгоживущих (как насмешка) автономных станций и двух пенетраторов – на всех частях аппарата были установлены десятки научных приборов многих стран мира – был запущен 16 ноября 1996 года и бесславно сгинул на просторах Земли под именем «Марс-96», или «Марс-8».

Гибель «Марса-8» вновь дала большие козыри в руки «тарелочников». «Вот видите, – говорили они. – Марс опять вас не пускает. Сколько можно?! Но в «тарелках» ли дело?

Итак, ровно 20 машин запустила наша страна для исследования Марса. Из них 8 с 1960-го по 1965 год под эгидой фирмы Королева, нынешнее название – Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева – на ракетах-носителях «Молния» (одна из модификаций ракеты Р-7). Главным конструктором и ракеты, и аппарата являлся Сергей Павлович Королев.

12 машин с 1969-го по 1996 год были запущены под эгидой фирмы Лавочкина – нынешнее название ФГУП «НПО имени С.А. Лавочкина» – на ракетах-носителях «Протон» генерального конструктора В.Н. Челомея. Сам С.А. Лавочкин скончался в 1960 году, а его наследники занялись космосом спустя пять лет. При пусках к Марсу в 1969 и 1971 годах главным конструктором аппаратов являлся Н.Н. Бабакин, в 1973 г. – С.С. Крюков, в 1988 г. – В.М. Ковтуненко, в 1996 г. – С.Д. Куликов.

Да, при пусках в 1971, 1973 и 1988 годах были получены некоторые интересные результаты в исследовании Красной планеты. Но ни одна – ни одна! – машина не выполнила полностью задачу полета.

Теперь же впервые – и предельно конкретно: что же происходило с машинами?

До появления «Марса-1» состоялись три пуска в целях изучения планеты – все «забугорные»: авария третьей ступени – так называемого блока «И» – из-за отказа гирогоризонта системы управления; авария блока «И» вследствие замерзания горючего в туннельной трубе двигательной установки; авария четвертой ступени – блока «Л» – по причине разрушения ТНА (турбонасосного агрегата) в момент запуска двигателя этого разгонного блока.

Наконец, объявили: есть «Марс-1»! Связь с космическим аппаратом продолжалась до расстояния в 106 миллионов километров – в то время мировой рекорд дальности радиосвязи, 140 суток. Затем произошел отказ в системе исполнительных органов: «вытекло» рабочее тело, аппарат потерял ориентацию. Анализ указал на негерметичность в клапане системы ориентации, а разбор партии обнаружил частицы канифоли под седлом клапана. А вы, «тарелочники», упираетесь: «марсиане» не хотели подпускать аппарат ближе.

Затем опять два аппарата не вышли на траекторию полета к Марсу из-за аварий четвертой ступени.

30 ноября 1964 года автоматическая межпланетная станция была успешно выведена на траекторию к Марсу, но побоялись назвать ее «Марсом-2», а стыдливо обозначили «Зондом-2». И как в воду глядели: через один месяц связь со станцией прекратилась. Телеметрия успела рассказать о неполном раскрытии солнечных батарей – машина оказалась на голодном энергопайке – и выходе из строя программно-временного устройства.

В последнем «королевском» пуске к Марсу – «Зондом-3» – на пролете к планете была сфотографирована… обратная сторона Луны, сама же планета не исследовалась.

«Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Действительно, никто бы не позволил Бабакину работать с такими же к. п. д., как Королеву. Вот они, плачевные итоги королевского этапа: одиннадцать пусков для осуществления мягкой посадки на Луну – и нет мягкой посадки, одиннадцать пусков к Венере – ни одного исследования планеты, восемь пусков к Марсу – ни одного исследования планеты.

В чем причины?

Если говорить о технических, можно определить одним словом: неотработанность. Неотработанность конструкции на земле – отсутствие полноценных наземных экспериментальных испытаний.

Признает бессменный заместитель Королева академик Борис Евсеевич Черток: «Казалось, что многими пусками мы быстро достигнем цели, а скрупулезная наземная отработка потребует времени и средств, которых нам не дадут. И в самом деле, нас не ограничивали в средствах для заказа десятков ракет-носителей или изготовления десятков космических аппаратов. Но стоило запросить гораздо меньше миллионов на строительство лабораторий для термовакуумных, вибрационных, электромагнитных («безэховых») и для всякого рода других испытаний или на приобретение специальных стендов и измерительных приборов, как мы наталкивались на стену непонимания».

Конечно, власть предержащие не гладили по головке «технарей» за неудачи: осыпали выговорами, вызывали «на ковер» в министерстве и даже в Кремль. Но руководители страны «не ограничивали в средствах», потому что космос стал высшей ареной амбициозного соревнования двух сверхдержав – двух альтернативных политических систем, каждая из которых стремилась показать миру, чей образ жизни лучше, кто умнее, кто достойнее поощряет науку – двигатель прогресса. Любой ценой завоевать приоритет! Вот девиз того времени суперстран.

Космос начался для фирмы Лавочкина триумфально. Первая изготовленная и доработанная лунная машина Е-6М № 202, нареченная «Луной-9», была запущена 31 января 1966 года и совершила впервые в мире мягкую посадку на поверхность Селены. Технический руководитель пуска, а затем и полета главный конструктор Георгий Николаевич Бабакин стал лауреатом Ленинской премии.

1967 год. Новый грандиозный успех. «Венера-4» прозондировала впервые в истории космонавтики атмосферу Утренней звезды.

Бабакин взялся за Марс. Но тут его подстерегали большие беды. Два «Марса-69», предназначенные стать первыми рукотворными спутниками Красной планеты, погибли из-за аварий сырых еще ракет-носителей тяжелого класса «Протон». Причем первая громадина грохнулась рядом со стартом, и ядовитые облака страшно отравляющих ракетных топлив чуть не накрыли убегающих от них «пускачей». Вторая гробанулась в Туве.

Из планетчиков никто особо не горевал: фактически шла летная отработка новых ракет-носителей, а «Марсы-69» были совершенно не отработаны. Как студенту им не хватило ночи перед экзаменом! «Марсы-69» отправили на космодроме не прошедшими полный цикл заводских испытаний: диктовала астрономия – ограниченное астрономическое «окно» запуска.

Подготовка машин на космодроме проходила в диких условиях. Жуткие январско-февральские холода 69-го года разморозили отопление монтажно-испытательных корпусов и гостиниц. Холод пробирал до костей, от него не было спасения. Люди работали и спали в меховых шапках, унтах, штанах и куртках.

Как-то в МИК 31-й площадки взглянуть на машины приехал наш двухметровый министр Сергей Александрович Афанасьев – он являлся председателем госкомиссии по «царь-ракете» Н1, которая готовилась на площадке 112 и предназначалась после отработки для пилотируемой экспедиции на Луну. Прибыл Афанасьев не один, а с заведующим оборонным отделом ЦК КПСС. Это очень большой чин в руководящей иерархии страны – именно ему подчинялись по делу министры «оборонки».

Специально для них молодой солдатик отбил заколоченную дверь туалета и что-то мудрил с паяльной лампой, пытаясь организовать воду.

– Сереге! Куда ты меня привел? – раздался истошный крик зава.

Из туалета на пятках выходили два видных начальника, задрав до колен брюки.

Но нужно отметить: под руководством С.А. Афанасьева, уже через несколько лет его «космического» правления, а стал он министром в 1965 году, была внедрена стройная и строгая система разработки и защиты проекта, изготовления матчасти, экспериментальной отработки и разрешения на пуск «изделия». Недаром говорили: в Америке – НАСА, а у нас – АФАНАСЬЕВ.

Когда развернулись работы по проекту «Марс-71», изготовили еще до подхода трех летных изделий 24 (!) экспериментальных аппарата и установки для наземных испытаний. Но подвел вначале пресловутый человеческий фактор, а затем, тут нас можно в какой-то мере простить, незнание марсианских условий. И все же благодаря честно проделанной огромной по объему работе удалось получить интересные результаты.

Марсианское «окно» 1971 года оказалось энергетически весьма выгодным. Можно было вывести к планете тяжелую машину. Проект получился изящным: перед сближением с планетой аппарат делился на две части – одна становилась спутником Марса, другая совершала мягкую посадку на его поверхность. Для повышения надежности экспедиции планировали запустить два аппарата.

Но тут стало известно, что американцы готовят два первых в мире искусственных спутника Марса. Обязательно опередить! Тогда было решено запустить раньше всех облегченную машину М-71С (спутник), без посадочного аппарата. Кроме того, она призывалась выполнить функции наведения двух последующих станций, поскольку точность знания эфемерид (координат) Марса являлась в то время недостаточной.

Смотрите, какая развернулась между СССР и США марсианская космическая гонка!

10 мая 1971 года мы запускаем к Марсу космический аппарат М-71С, который первым в мире должен прибыть к станции назначения в качестве спутника планеты. А он становится… «Космосом-419». В те годы наша страна не объявляла заранее о готовящемся пуске и его задачах. И только после выхода на орбиту, согласно международным обязательствам, официально сообщала о запуске.

Что же произошло? А произошла дичайшая ошибка. Присланные из фирмы Н.А. Пилюгина уставки для системы управления были заложены, как и полагалось перед стартом, на борт. И в одной уставке, как очень быстро установили после пуска, оказались перепутанными младшие и старшие разряды. И второй запуск разгонного блока Д, который должен был произойти через час с небольшим, был заложен… на годы. Ясно, тяжелый спутник скоро плюхнулся на Землю.

Министр, да что министр, секретари ЦК КПСС топали ногами. Из-за глупейшей ошибки потеряли машину, а вместе с ней и мировой приоритет.

Стартует американский «Маринер-8» («Моряк»). И время пуска, и программу полета американцы, как у них водилось, объявили заранее. Через пять минут после отрыва от Земли ракета-носитель с марсианской станцией упала в воды Атлантики.

19 мая успешно стартует наш «Марс-2», 28 – «Марс-3», а 30 – «Маринер-9». Последний обгоняет наши тяжелые машины в пути и 14 ноября 1971 года становится первым в мире искусственным спутником Красной планеты. Наш «Марс-2» пришел к финишу через 13 дней, а «Марс-3» – 2 декабря. Их орбитальные отсеки свыше восьми месяцев вели исследования планеты. А вот судьба спускаемых аппаратов сложилась и трагически, и драматически.

Первый СА разбился о поверхность. Тогда торжественно объявили: доставлен вымпел с изображением Государственного герба СССР. Как будто летели за этим. А вот со второго 14,5 сек шел видеосигнал. Он был записан на орбитальном отсеке и потом передан на Землю. Главные конструкторы подписали акт об осуществлении впервые в мире мягкой посадки на поверхность планеты Марс, и несколько дней все советские СМИ трубили о новой победе советской космонавтики. Американцы же до последнего времени не признавали наш приоритет.

Почему же так быстро умолкла автоматическая марсианская станция? Наиболее вероятной причиной считается коронный разряд, развившийся в условиях разреженной атмосферы и пыльной бури и «закоротивший» сигнал с антенн на корпус при работе радиопередатчиков. Вот такая расплата за незнание истинных условий, что не может быть поставлено нам в вину.

Но об этом уже не узнал Георгий Николаевич Бабакин. Если 1970 год был для него поистине невиданно «звездным»: автоматическая доставка образцов лунного грунта на Землю, «Луноход-1», первая в мире мягкая посадка на поверхность планеты Венера, то 1971-й оказался трагическим: строгий выговор за гибель «Марса-71С» (потеря приоритета), смерть замечательного сподвижника-двигателиста А.М. Исаева, заместитель председателя правительственной комиссии по расследованию причин гибели экипажа «Союза-11» (Г.Т. Добровольский, В.Н. Волков, В.И. Пацаев) – председателем являлся М.В. Келдыш. 3 августа тромб, словно пуля, пробил его сердце. Он не дожил до 57 лет три месяца и одиннадцать дней.

А бабакинская машина на базе «Марса-71» оказалась превосходной. Без малого тридцать лет она находилась в эксплуатации. Показала себя надежной, живучей и очень точной: недаром на ее базе были созданы первые отечественные астрономические спутники «Астрон» и «Гранат». Наведение телескопа на звезду осуществлялось с точностью до долей угловых секунд! А секунда дуги – угол, под которым виден человеческий волос на расстоянии 50 метров.

Все же «Марс-71» по большому счету пошел нам в актив: машины показали, что летать могут, и руководство страны отвалило огромные деньги на «Марс-73».

Мы знали, что американцы тщательно и кропотливо готовят свою впечатляющую марсианскую программу «Викинг». Руководство советской державы поставило задачу: американские эксперименты предвосхитить и научно-технические приоритеты завоевать!

Окончание в следующем номере

НЕ НАВРЕДИ!

Ортопеды против инфекции

Современная травматология и ортопедия немыслимы без имплантатов. Медики разработали специальные покрытия, которые повышают биосовместимость организма и титановой вставки, но эти же покрытия притягивают к себе микробов. Сибирские ученые предлагают свое решение проблемы.

В современной травматологии и ортопедии широко используют имплантаты, но они вызывают воспаление. Организм отторгает чужеродный материал, а, кроме того, на искусственной поверхности оседают микробы. Специалисты Центра ортопедии и медицинского материаловедения Сибирского отделения РАМН в Томске нашли способ снизить риск развития инфекции.

Ключ к успеху – поверхность имплантата. Идеального материала, полностью совместимого с организмом и имеющего свойства костной ткани, пока не существует. В медицине применяют титановые вставки, на которые наносят специальные покрытия, состоящие из кальция и фосфора – элементов, образующих кость. Поэтому покрытия повышают биосовместимость организма и имплантата. Но вызывать воспалительную реакцию может не само творение ортопедов, а микроорганизмы, которые на нем оседают: из-за них инфекционные осложнения случаются гораздо чаще, чем хотелось бы. Было бы здорово, чтобы защитные покрытия оберегали имплантат не только от иммунной системы организма, но и от бактерий. Способность микробов прилипать к полимерам и пластику, различным металлам и сплавам, включая титан, хорошо известна. Однако их взаимодействие с кальций-фосфатными материалами практически не исследовали. Поэтому томские ученые и проверили несколько типов покрытий на сродство к бактериям. Исследования провели на золотистом стафилококке, микроорганизме, который вызывает очень сильную воспалительную реакцию и прекрасно взаимодействует с костной тканью.

На титановые диски наносили 3 типа покрытий: металлокерамическое (микропористое), кальций-фосфатное, сформированное анодно-искровым способом (имеет достаточно развитые микропоры) и кальций-фосфатное керамическое (его глубокие поры достигают титановой основы). Помимо пористости, разные типы покрытий различаются по содержанию кальция и фосфора. Сам же титановый диск абсолютно гладкий. Диски по 2 часа выдерживали в густой взвеси золотистого стафилококка, а затем определяли концентрацию налипших бактерий.

Титановый диск без покрытия собирает на себя до 40 процентов бактерий, но еще больше их в том случае, если диск защищен пористыми кальций-фосфатными покрытиями. Меньше всего стафилококков оседает на металлокерамике. Ученые считают, что пористость покрытий не играет в данном случае решающей роли, поскольку степень оседания бактерий не зависит напрямую от рельефа поверхности. А вот состав покрытия очень важен. Соединения, состоящие из гидроксилапатита и кальций-фосфата, очень близки к костной ткани. С точки зрения биосовместимости это хорошо, но именно с костями великолепно взаимодействует золотистый стафилококк. Так что самое совместимое покрытие и пострадает от него в первую очередь.

Чтобы золотистый стафилококк вызвал инфекционное воспаление, в рану должно попасть около миллиона микробов. На маленьких дисках площадью всего 2,26 кв. см – клеток в несколько десятков раз больше. Томские ученые предлагают насыщать покрытия антибиотиками или ионами металлов, в частности, серебра. По мнению исследователей, это придаст керамическим покрытиям антибактериальные свойства.

«Информнаука»

Поправка. В № 24 «Научной среды» («ЛГ», № 50–51, 2002) на стр. 11 подпись под статьей «А если это инцест?» следует читать: ***Андрей Тарасов.***

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАГАНЕЛЕЙ

Слово русского офицера

Профессор древней русской истории (позднее член-корреспондент АН СССР) Алексей Яковлев в смутное время 1917 года подрабатывал на жизнь в Румянцевской библиотеке. Однажды к нему подошел необычный читатель – генерал Алексей Алексеевич Брусилов. Генерал сказал, что привело его сюда желание разобраться в причинах русской революции, которые он искал в историческом прошлом страны. Он попросил Яковлева подобрать для него книги по русской истории. Профессор посоветовал генералу почитать труды своего учителя Ключевского и Соловьева, и Брусилов засел за изучение их произведений, приходя в библиотеку изо дня в день, как на службу. В процессе общения между профессором и генералом сложились теплые приятельские отношения, познакомились между собой и их семьи. Брусилов даже катал на лодке по Москве-реке маленького сына Яковлева – Ивана.

После того как российский премьер Керенский изгнал Брусилова из армии, генерал проживал в Москве в Мансуровском переулке в доме 4а с башенкой, где сейчас расположилось сирийское посольство. Квартиру опальному Брусилову любезно предоставила купеческая семья Саввы Саввича Морозова. В советские времена на доме даже висела скромная мемориальная доска, напоминавшая о том, что здесь проживал самый выдающийся русский генерал первой мировой войны.

По утрам Брусилов любил гулять по переулкам вблизи от своего дома. Во время одной из прогулок, которые не прекращались даже во время уличных боев белых и красных, генерал был ранен осколком гранаты в бедро.

После поражения Красной Армии под Варшавой новые власти привлекли царского генерала к работе комиссии по выявлению причин неудач на фронте. Позднее он инспектировал красную кавалерию. Власти доверяли никогда не лезшему в политику старорежимному генералу, несмотря на то, что его сына расстреляли красноармейцы после отступления англичан из Архангельска, хотя распускались слухи, что убили его деникинцы.

Частые недомогания заставили Брусилова обратиться к Михаилу Фрунзе с просьбой разрешить ему с женой поездку на лечение в Карлсбад. Тот спросил его: «А вернетесь?» И, услышав утвердительный ответ, разрешил поездку без всяких проволочек, поскольку это было слово русского офицера.

В Чехословакии президент Масарик устроил торжественный прием в честь прославленного русского генерала. Здесь его справедливо считали основателем национальной армии, ведь создана она была на основе чехословацкого корпуса, сформированного в России из военнопленных по распоряжению Брусилова. Перед президентским дворцом гостя торжественно приветствовал строй почетного караула.

Закончив курс лечения, Брусилов вернулся на родину, в Советскую Россию. Однако после смерти генерала его вдова Надежда Владимировна навсегда уехала за границу. Царский капитан первого ранга Доливо-Добровольский, муж племянницы Брусилова Ксении, сказал как-то Алексею Ивановичу Яковлеву, что Надежда Владимировна захватила записки мужа, спрятав их на всякий случай в чемоданчике с двойным дном. Эти записки легли в основу появившейся затем за рубежом книги «Мои воспоминания», авторство которой приписывали Брусилову и которая была написана в антисоветском духе.

Борис ШВИЛКИН

БИБЛИОЗНАНИЕ

А.В. Оболонский. **Человек и власть: перекрестки российской истории.**
М.: ИКИ «Академкнига», 2002.

Феномен «нашей души»

Вниманию специалистов политической философии, права, истории, социологии, психологии, а также широкому кругу читателей предназначена книга, автор которой известный российский юрист-государствовед и политолог А.В. Оболонский предлагает новую концепцию анализа истории и современной жизни, «последовательно рассматривая ряд критических «перекрестков» российской истории» (с XVII века по нынешние времена). По мнению издателей, автору произведения, созданного «на стыке нескольких наук – политической философии, права, истории, социологии, психологии» – и написанного в жанре научной публицистики, удалось «на основе разнообразных источников, включая поэзию, художественную прозу, мемуары» показать «преемственность и динамику развития многих явлений нашей общественно-политической жизни».

«Это не «победы и свершения», – объясняет А.В. Оболонский в предисловии к изданию, – а трагедии и упущенные шансы нашей «печальной и многотерпеливой» истории, ее нереализовавшиеся возможности. В основном речь пойдет об «истории болезни» нашей страны. Такая задача тяжела во многих отношениях, и в первую очередь в моральном. Писать о болезни организма, с которым ты неразрывно связан, который, несмотря ни на что, навсегда останется для тебя родным, действительно трудно и мучительно... И если мне все же удалось преодолеть связанные с этим внутренние трудности, то, видимо, прежде всего потому, что я ясно видел, каким грязным делам служили и служат мифологизация и идеализация исторического прошлого России (независимо от субъективных намерений их авторов), кто приобретает на этом политический и прочий капитал и какими бедами это чревато».

Впрочем, автор не предлагает читательской аудитории «свое видение исторической судьбы России» в качестве «истины в последней инстанции», а рассматривает данное произведение «как вклад в диспут о нашем будущем, ведущийся сегодня в нашем обществе».

При этом по ходу изложения он совершает попытку «на уровне современной науки» рассмотреть «классический феномен «загадочной русской души»... уяснить его суть и взглянуть сквозь эту призму на прошлое и настоящее.

Юлия СЕДОВА

На пыльной дороге безвестности

Тимур Зульфикаров родился в Таджикистане в 1936 году. После окончания душанбинской школы поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, где сразу «попал в обойму» – учился с Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушенко, Юнной Мориц, Юрием Казаковым. Однако, в отличие от них, Тимур Зульфикаров не получил ранней известности. Долгие годы его своеобразная поэзия принадлежала только немногим ценителям, да и сейчас, когда к поэту пришло международное признание, маятник мнений о нем колеблется между отметками «графоман» и «гений», никогда не останавливаясь посередине.

Тимур Зульфикаров с внучкой Ксенией

– Значительная часть ваших произведений посвящена России и христианству. Вторая часть – Азии, Востоку. Как вы относитесь к тому, что вас иногда называют русско-таджикским писателем? Мне кажется, что первичен язык, а не тематика, и, поскольку вы пишете только на русском, такое определение можно поставить под сомнение.

– Я русский поэт, когда во мне говорит мать Людмила Владимировна Успенская, и таджикский, когда во мне просыпается отец Касым Зульфикаров. Но главную идею моего творчества сформулировали православные читатели. Русская икона значительно старше русской поэзии. Поэтому даже самая великая русская поэма не может сравниться, скажем, с «Троицей» Рублева. Так вот то, что Господь дал мне записать, есть «икона в слове». Впервые русское слово догнало живописный знак. Вообще слово выше живописного знака, библейское слово, например, выше любой иконы, но русская поэзия сильно отставала. Она была светской, салонной, языческой. Так что по языку мое творчество, безусловно, принадлежит русской культуре, а по методу – культуре православной. Но вдохновение приходит ко мне отовсюду, в том числе и с моей таджикской родины.

– Вы можете сказать, что породило вашу поэзию?

– Я дитя тоталитарной эпохи. А какие эпохи породили пирамиды Хеопса, храмы Индии, эпос Гомера, музыку Баха? Чтобы получить лимонный сок, надо лимон выжать, сдавить. Поэтому тоталитарная плита, давление которой я ощущал с детских лет, породила мои фундаментальные сочинения «Книга смерти Амира Тимура», «Исповедь Ивана Грозного», «Стоящий и рыдающий среди бегущих вод»... Тоталитаризм благодатен для культурных явлений.

– Это известный феномен, но все же: гражданские свободы благодатны для развития личности, а тоталитаризм – для развития культуры?

– Пушкин написал: «Любовь и *тайная* свобода внушили сердцу гимн простой». Тайная! Об этом же турецкая пословица: «Кто сидит в тюрьме – у того мысли на свободе, кто на свободе – у того мысли в тюрьме». Кошмары империи порождали в людях колоссальную внутреннюю свободу. Самые райские песни поются в аду. Как художник я благодарен империи, но как частный человек я ее, конечно, боюсь. Да и мои личные отношения с властью были не легкими, и публикации у меня появились, когда мне было уже за сорок. Сначала вышли мои романы, посвященные фольклорному персонажу, – «Первая любовь Ходжи Насреддина» и «Возвращение Ходжи Насреддина». Я вложил в уста этого острослова и великого иносказателя свои вольнолюбивые идеи, и авторитет древнего мудреца вывел меня из катакомб безвестности к читателю: эти книги были изданы миллионными тиражами. Сейчас же я опять погрузился в катакомбы. За последние десять лет у меня вышло всего две книги, причем одна из них на средства моего друга. Вторая – в поэтической серии «Золотой жираф» издательства «Молодая гвардия», которое, как одинокий атлант, поддерживает высокую литературу. Я вернулся в состояние трепещущего дебютанта, который, с одной стороны, мечтает о хорошем издателе, а с другой – презирает рынок. Великая литература имеет к рынку такое же отношение, что и порядочная женщина к публичному дому. А если прав старик Фрейд, то порядочная женщина имеет к публичному дому даже большее отношение, чем великая литература к рынку.

Моя приятельница собрала всю мою поэзию, распечатала на компьютере, переплела, и получилась книга в одном экземпляре. Меня такая ситуация устраивает: ведь то же самое было с рукописями Данте, Саади. Но мне все же жаль, что новое поколение не знакомо с моими произведениями. Не правда, что они не нужны. Другое дело, что на Эверест не каждый взойдет, и за последние пятьдесят лет я не видел человека с Гомером в метро или с Данте в троллейбусе. Моя литература не страдает «массовостью» и не вызывает пандемий.

– В эпоху тоталитаризма ваши вещи не печатались. Стали выходить во времена застоя, но при демократии снова издаются мало. Как вы думаете, почему так?

– Когда появился мой роман «Книга откровений Омара Хайяма», то моя немецкая переводчица Верена Флик сказала: «Если империя пропустила это, она скоро погибнет». Мои произведения заключали в себе зашифрованную вдохновенную борьбу с тоталитаризмом. Поэтому они вышли из чугунной скорлупы забвения в эпоху расшатывания и гниения империи. А сегодня мы обитаем в призрачном мире Всеобщего Блефа, который замалчиванием уничтожает все подлинное.

– Точно ли есть что замалчивать? Если тоталитаризм был «даровитой» эпохой, то не живем ли мы в «бездарное» демократическое время?

– Подлинное есть, но оно не может найти выхода. Сталин говорил: «Нет человека, нет проблемы». Сейчас это выглядит гораздо более элегантно: «Нет информации о человеке, нет человека, нет проблемы». Несколько тысяч лет назад Моисей сидел у костра и беседовал со своими учениками. Потом точно так же у костра сидел Христос, после него – Мухаммад, а до них – Будда, но этих учеников было мало. Господь создал телевидение как Костер пророков, чтобы у него великие люди нынешнего времени собеседовали с человечеством. Но ни настоящие писатели, ни настоящие ученые, ни настоящие религиозные деятели не допускаются сейчас к телевидению. Это не означает, что их нет. При советской власти к Черному морю могла поехать по путевке самая бедная доярка с двумя детьми, а сейчас только обеспеченные люди. Но это не означает, что Черное море исчезло. Так же и в России есть великие мудрецы, но они, как много тысяч лет назад, все так же сидят у одиноких костров вдали от нашей сиротской цивилизации.

– Кто же эти современные настоящие мудрецы, скажем, в области литературы?

– Действительность катастрофически изменилась, но кто были при советской власти истинными писателями, те и остались. Александр Солженицын, Валентин Распутин, Владимир Личутин, Василий Белов, Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина, Юрий Кузнецов, Татьяна Смертина. Часто вы видите их по телевизору? Молодых писателей их уровня не появилось, потому что культура – это оранжерея. Сейчас она разрушена, и что в ней может вырасти, расцвести среди несметного победоносного сорняка? А нынче мы видим Восстание Сорняка. И в политике, и в экономике, и – увы – в культуре! Даже в эстраде, хотя именно на нее брошены все капиталы, нет ничего принципиально нового и интересного. На счастье нынешних кинематографистов, нет былых худсоветов, потому что худсовет не пропустил бы ни одной современной российской картины – они просто непрофессиональны. Наш режим абсолютно бесплоден во всем, от политики до футбола. У нас осталась только литература, но и она стремительно стареет вместе с впавшими в одиночество писателями.

– Борясь с тоталитаризмом, вы не предвидели такого результата?

– Я боролся с тоталитаризмом, но не с государственностью. Россию лишили государства. Самая большая и холодная в мире страна располагает крошечным бюджетом. На эту сумму невозможно содержать государство. Отсюда я делаю вывод, что его у нас нет. Если раньше мы были винтиками гигантской машины, то теперь мы просто винтики, брошенные на дороге. Думаю, второе значительно страшнее. Посмотрите на бомжей – они похожи на тунеядцев, которые никогда не работали? Нет, это рабочие мужики с мощными руками. При коммунистах у нас было босоногое детство, а при демократах – босоногая старость. Россия, как вы знаете, донор природных ресурсов. Если из человека выкачали 5 литров крови, продали ее и оставили только один литр, то как может существовать этот человек? Он пребывает в немощи, в полубреду. В таком состоянии находится наша страна. Когда дом горит, вряд ли это подходящее время для поездок, семинаров и бесед о пожаре. Мы же 15 лет занимаемся игрой в слова. Я смотрю, что делается в стране, и мои зубы и гортань неожиданно начинают вспоминать, как во время войны я ел уголь, жмых, кору деревьев. Я физически ощущаю возможность наступления голода.

– Будь вы у власти, что бы вы сделали?

– То, что говорит Сергей Глазьев. Его программа абсолютно простая: немедленная национализация нефти, газа, золота, леса, то есть возвращение в народный карман народного достояния. Для меня не имеет никакого значения, в какой он партии. Если я сажусь в самолет, мне не важно, в какой партии состоит пилот, главное, чтобы он умел управлять.

– Вы автор нескольких открытых писем, в частности, президентам Владимиру Путину и Джорджу Бушу-младшему. Расскажите об этой стороне вашей литературной и одновременно общественно-политической деятельности и какой она вызвала резонанс.

– Иногда я с иронией думаю, что это письма гоголевского сумасшедшего алжирскому бею. Однако я написал их не ради саморекламы и даже хотел опубликовать без подписи, но это могло быть воспринято как страх. Молчанием предается Бог. По Библии «пророчествовать» значит говорить правду власть имущим. Если мы не будем этого делать, Господь уничтожит и власть, и нас. Западные власти это понимают: они лелеют оппозицию. Я с радостью обнаружил, что мое письмо Путину двухлетней давности прочитано народом: пришло множество откликов, и суть их сводится к тому, что мне удалось очень простым языком сформулировать мысли огромного количества людей. Это и была моя задача. Конечно, эти письма наивны, я и не полагал, что президенты будут внимать моим советам, но я пытался нащупать формулы, которые привели бы к возрождению страны, поскольку часы русской истории, увы, остановились.

– Помимо прочего, вы еще и драматург. Несколько ваших пьес идут в театрах Ташкента и Душанбе, но не пробиваются на московские сцены. С чем, на ваш взгляд, это связано?

– Моя драматургия не психологическая, не этнографическая, не абсурдистская (которая ныне празднует свою мрачную победу на московских подмостках), она относится к древнему дионисийскому театру Эсхила и Еврипида. По моим пьесам поставлены пять спектаклей: «Первая любовь Ходжи Насреддина», «Сон бабочки», «Созвездие Омара Хайяма», «Клетка с кекликом», моноспектакль «Исповедь Ивана Грозного». Думаю, эти постановки могли бы встряхнуть сонный московский театр. Он слишком подчинился суете, и из него ушла вечность. Современный театр утомляет глаз, но ничего не дает душе. Его полностью победил цирк. Поэтому мои пьесы никак не проникнут на московские сцены, кроме единственного исключения: «Первую любовь Ходжи Насреддина» поставил студенческий театр РГГУ.

– Много лет вы работали в кино, написали сценарии двенадцати фильмов, некогда довольно популярных, – «Белый рояль», «Человек уходит за птицами», «Миражи любви» и других. Сейчас ваши связи с кинематографом прервались?

– Я занимался кино в области музыкальной комедии, поскольку не издавались мои книги. Роллан Быков когда-то сказал про меня: «Самый авангардистский наш сценарист оказался на самой отсталой студии – Таджикфильм». Тем не менее я благодарен этой киностудии за то, что она приютила мой дар. Как-то, будучи совсем молодым студентом, я беседовал с Борисом Леонидовичем Пастернаком и яростно советовал ему посмотреть какой-то фильм. Он сказал со снисходительной улыбкой: «Как, вы полагаете, кино – это искусство?» Меня поразил его скепсис, поскольку юношей я был влюблен в этот жанр. Сейчас я приблизился к возрасту Бориса Леонидовича, вполне разделяю его сарказм и понимаю, что кино реже, чем что-либо, бывает искусством. Я полагаю, что в мировом кино было только три великих мастера: Сергей Эйзенштейн, Чарли Чаплин и самый великий из них – Сергей Параджанов.

– Еще одна недавно обретенная вами форма творчества – это запись музыкальных дисков с песнями на ваши слова.

– Я сочиняю песни в течение многих лет. Их знали и любили Владимир Высоцкий, Арсений Тарковский, Василий Шукшин, пели цыганские певцы. Сейчас мои песни исполняет талантливая актриса Ирина Дмитриева-Ванн. За последний год мы записали два диска: «Последняя лошадь в России» и «Вселенский Блудный сын». Они часто звучат по радио. Создать настоящую песню, которая станет народной, в каком-то смысле гораздо труднее, чем написать вечное стихотворение. Народная песня поется разными людьми, обтачивается, как морская галька, и становится Великим Анонимом. Это коллективное творчество, с которым не может соревноваться ни один поэт. О такой судьбе для своих песен я только мечтаю. Хотя на древнем меду русской песни налипло много эстрадных мух, а освободить мед от мух очень сложно. Мои песни – это огонь в сухих *камышах* шоу-бизнеса. «Чистая» моя поэзия становится все более одинокой, поскольку настоящие ее ценители покидают наш мир. А песня – демократический жанр, она будет востребована всегда. Грустно во времена спутников и скоростной связи находиться в безвестности.

Об этом у меня есть притча, которая называется «Я жду Великого Хана». Она посвящается Олжасу Сулейменову, который слышит язык, на котором говорили Адам и Ева...

Вот сидя на пыльной дороге безвестности, я и приветствую читателей «Литературной газеты», которая все-таки пытается сделать так, чтобы у костра современной информации появлялись и истинные учителя.

Беседу вела
Надежда ГОРЛОВА

Тимур Зульфикаров

Я жду Великого Хана

Притча

Дервиш сел на пыльной дороге, закрыл певучие стреловидные глаза и запел заныл завопил:

– Я жду великого Хана! Я жду, жду, жду всю мою древнюю жизнь Великого Всещедрого Хана!.. Ай я а а а!

Всю жизнь провел с нищими несчастными человеками...

Рожденный для бесед услад с Царями я всю мою жизнь провел с мускусными пахучими навозными святыми пастухами и бездорожными странниками? А? Аллах повелитель Небесный Пастух мой! А?

Где же любители великих притч и великой Мудрости, которой осенил меня Всещедрый Аллах?.. Или только нищие и несчастные пьют из родников великой мудрости и Поэзии?

Где Саудовский Король? Где индийские махараджи? Где нефтяные шейхи многогранные многогаремные? И что в обширных гаремах их нет хотя бы одного покоя комнаты для мудреца?

Где американские миллиардеры – ценители Великого Искусства?

Где, наконец, русский президент, на святом русском языке которого я рассказываю свои вечные Притчи?..

Тут шел мимо Дервиша тысячелетний Ходжа Насреддин согбенный от многих печалей и хворей и утомительного своего бессмертия.

И тогда величайший и давно уже никому не нужный и сладко привыкший к своей ненужности Мудрец сказал:

– Дервиш! Ты затосковал по тленному богатству...

Это жаркая древняя мглистая как боль в яйцах старца иссушающая болезнь...

И я за тысячи лет моей вечной жизни не избавился от этой жирной, как трупная муха военных кровообильных времен, пагубы страсти зависти похоти живота и глаз ревнивых...

Дервиш сказал:

– Я устал от нищеты... одежды мои избились износились... чрево и зебб плодоносные зачахли от нищей тощей еды – лепешки и воды... душа устала и стала усыхать, как нищий аральский огород без полива Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи...

Мудрость – это ль не скрытая тайная зависть к богатству? А?

Мудрость – это ль не безумный сон нищего обделенно уснувшего у лазоревых стен Дворца Саудовского Короля, откуда идут недоступные запахи дорогих нежных жен, яств, вин и духов... А? А? А?

Вот выйдет Король из дворца и скажет: «Дервиш, я дарую тебе обильный новый нехоженый дом у реки иль на брегу океана и в доме спелую роящуюся девственницу в изумрудном чекмене, трескающемся лопающемся от крутых круглых ярых грудей и ягодиц ее... А ты взамен отдай мне все притчи вечные твои... И я скажу – что это я сочинил их и украшу их великим именем своим...»

Тысячелетний шейх имам Ходжа Насреддин сказал:

– Я тысячу лет ждал такого щедрого Короля Хана Царя Махараджу – и не дождался...

Хотя в старину были такие властители тираны знатоки мудрости и поэзии, которые дарили вечное золото и драгоценные камни великим поэтам и мудрецам за притчи вечные их...

Но я не встречал таких на тысячах дорог своих...

Иль не изрекал я вечных притч и не за что было мне платить горячим золотом и полыхающим алмазом?..

Роберто БАГДАСАРОВ

Портрет Тимура Зульфикарова

Дервиш сказал печально:

– Дворцы Царей тленны, но – увы! – и Мудрость и Поэзия тоже тленны...

Где имя и вечное Слово хоть одного мудреца иль поэта жившего пять тысяч лет назад?

Где? Где? Где дыханье могильное истлевшее его?

Где Вечное нечервивое Слово Его?.. Нет его... нет нет нет... Ой нет!.. Увы! Увы!..

А развалины безымянных дворцов сохранились на земле... Значит, камень вечнее Слова? А? – горько безнадежно рыдал о бессмертии нищий дервиш на дороге...

– Я нищий отрекся от даров богатств земли и уповал только на загробное бессмертие, на вечность Мудрости и Поэзии...

И вот я уповал на прах! на червя! на могилу! на забвенье победное...

И что же я получал за великие Притчи и Стихотворения?

Только нищие лепешки и родниковую воду и плоды пыльных придорожных ничейных деревьев?

И что же я как нищий осыпанный лишь медяками за все вечные Слова мои?

И что ж я нищий осыпанный лишь медяками?..

Тут ночь пахучая древнеегипетская древнеарамейская древнеиудейская древнебуддийская древнеславянская древнеконфуцианская родимая утробная азьятская материнская праматерь родимая ночь ночь нощь сошла полегла на землю прямо оглушительно на дорогу, где беседовали два великих мудреца – Ходжа Насреддин и Ходжа Зульфикар – а, может, это один мудрец беседовал от одиночества сам с собой?..

Не знаю! Не знаю – такая нощь опустилась на землю, на народ мой, что не различишь – один человек иль два?

Иль дерево в поле гиссарском одиноко затерялось заблудилось и плещется покоится похожее на человека одинокого...

Но! Тут блескучая падучая звезда пошла потекла по небу бездонных бархатов шелков атласов божьих...

Звезда падучая близко огненно прошла вблизи опечаленных седых голов удивленных наших мудрецов...

Тогда Ходжа Насреддин сказал тихо:

– Дервиш, ты чуешь видишь эту близкую жаркую звезду близ ночных ликов наших?..

– Это награда Аллаха за притчу твою!

И что выше жарче вселенской Награды Аллаха этой? А Дервиш? Тебя не обожгла Звезда эта?..

Но Дервиш усомнился:

– Разве эта звезда – награда за притчу мою?.. Не сама ль она пала с небес в звездотекучем августе-звездопаднике? А?

Но Ходжа Насреддин улыбнулся в ночи и сказал:

– Дервиш, ты молчишь – и гляди в небеса: там Аллах молчит! Не мечет звезды... Где падучие звезды Его в небе?..

Дервиш молчал и не было в небе неоглядном полыхающем падучих звезд... Ни одной падучей звезды не было в небе...

Тогда Дервиш тихо изрек шепотом травы безветренной одно из стихотворений своих...

И как только произнес – явилась близкая падучая всеполыхающая звезда близ лика потрясенного Дервиша и даже опалила седую бороду его и запахло жженым волосом древним и Дервиш испугался и замолчал...

И тут в небе стала тишина и ни одна звезда падучая не явилась...

Тогда Дервиш еще шепнул Притчу – и тут с ужасом увидел новую падучую звезду и она пала так близко, что он убоялся, что следующая падет на тихую многоседую голову его и замолк.

И сразу замолкли притихли не текли огненными алмазами пламенной рекой падучие звезды...

Тогда Ходжа Насреддин обнял Дервиша и сказал:

– Дервиш! Вот она – великая алмазная Награда Аллаха!..

И что тут золото Дворцов и милость Царей?.. А ты говорил, что ты осыпан лишь нищими медяками!

О Дервиш блаженный! О ты – осыпанный Звездами Аллаха!..

И больше Дервиш никогда не тосковал о земном богатстве.

Осыпанный медяками... Осыпанный Звездами...

А величайший тысячелетний Странник Ходжа Насреддин канул пропал, как Звезда Падучая, в бездонном вселенском колодезе звездном ночи ночи ночи...

АйиииииииииииииииииииАйиииииииииииииииииАйииииии.....

И отныне, когда Дервиша поедала тоска бытия бытья, он воздевал очи к небу и говорил притчу и шла в ответ с небес кипела ярилась летела на него обжигая паля душу, глаза и волосы его звезда...

...Но! есть! есть в мире Притча Притч!

О если ты скажешь эту Притчу своими тленными устами алчущими – то Всевидящий Всеслышащий Аллах обрушит уронит на землю все звезды с небес и станет во Вселенной вечная Тьма тьма тьма...

Тогда уходящий растворяющийся во Вселенной великий шейх Ходжа Насреддин улыбнулся на всю Вселенную:

– Только я знаю эту Притчу... И Ты, о необъятный Аллах Господь миров... Но Аллах никогда не позволит мне сказать Ее!.. Да!..

И неизреченно сокрушенно радостно вселенски зарыдал он...

ПОРТФЕЛЬ «ЛГ»

С новыми Новыми годами!

Самые длительные праздники у нас – это Новые года! В этот раз их четыре. Не успели мы отметить два традиционных праздника: просто Новый год и старый Новый год, как наступают на нас еще два, на этот раз – по восточным календарям! Один – год Овцы, другой – Козы! Не только Овец и Коз, конечно, но и членов их семей, поскольку члены – частные случаи Овец и Коз: Баранов, Козлов, Ягнят и Козлят!

Здесь следует заметить, что если к Ягнятам и Козлятам мы относимся почти сносно, то к взрослым особям, несмотря на их большую приносимую нам пользу в виде овечьего сыра, баранины, дубленок, шерсти, теплого козьего пуха, сафьяна, лучшего в мире (после ослиного) козьего молока и шашлыков, мы могли бы относиться значительно лучше. Как только ни унижаем мы кротких овечек, боевитых козочек и их родичей обидными кличками, сравнениями, а порой и прямыми действиями, наносящими овечье их козлоовечьему достоинству!

Как обидно, наверное, любознательному, а порой и целеустремленному Барану слышать такие несправедливые словосочетания: «Смотрит как баран на новые ворота!» или «Упрямый баран». Как досадно, когда молодой, но воспитанный в плохом детском саду козел, вместо того чтобы уступить место в трамвае пожилому человеку, орет на весь вагон: «Отвали, старый козел!» А как реагировать на такие слова о кроткой Овечке: «Заблудшая овца», «Молодец на овец, а на молодца – сам овца»? Говорят: «Голых овец не стригут!», «Отольются волкам овечьи слезы!». Если бы так! И стригут, и не отливаются!

Кстати, к Козам мы относимся еще хуже почему-то, чем к Овцам! У нас и «Коза не скотина», и «Идет Коза рогатая за малыми ребятами». Хорошо еще, что к младенцам козьего рода мы относимся гуманней и в случае «Волка и семерых козлят» наши симпатии на козляткиной стороне, равно как и в случае, когда «Остались от козлика рожки да ножки». А в некоторых случаях люди запрещают «варить козленка в молоке его матери»! Но сколько нарушений этого правила!

Но вернемся к нашим Баранам. Вернее, к Козлам. Нам удалось обнаружить несколько случаев взаимоотношений между Козлами и людьми, описанных в стихах и в прозе хорошими и разными поэтами и прозаиками. Представляем вниманию читателей описания этих взаимоотношений. А теперь – «Думайте сами, решайте сами», как после прочтения этого вы должны относиться к Козлам в их праздники, с которыми администрация «Клуба ДС» вас искренне поздравляет!

А сейчас староновогодняя загадка: принадлежат ли публикуемые тексты данным авторам?

А.С. ПУШКИН

Одна в глуши лесов сосновых
Старушка дряхлая жила
И другом дней своих суровых
Имела серого козла.
Козел, томим духовной жаждой,
В дремучий лес ушел однажды;
И растерзал его там волк.
Козлиный глас навек умолк.
Остались бабушке лишь ножки
Утехою минувших дней,
И память о козле больней,
Лишь поглядит на козьи рожки.
Одна, одна в лесной глуши
Тоскует о козле в тиши.

1827 г.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Скрипела старуха,
телега славно,
кха
кхо
кхе
кхи.
Великолепно мною уловлены
старухины все грехи.
Дрянной старухиной
хаты возле
разрушенный
был
хлев.
Маленький миленький серенький козлик
валялся там на земле.
Вздумалось козлику в лес погуляти.
– Какое же дело мне?
Но я, старуха,
аккумулятор
загубленных козьих дней.
А мне козлы, те, кого обидели,
всего роднее и ближе.
Видели,
как собака бьющую руку лижет?
Напали на козлика серые волки,
душу кровью облив.
Встала дыбом
испуганным, колким
седая щетина земли.
Остались бабушке рожки да ножки.
Теперь ей козе какой?
В алтаре
альтами
звезды-крошки
со свя-ты-ми у-по-кой!

1913 г.

Козьма ПРУТКОВ

Некая старуха к серому козлику любовью воспылала и от оного козлова присутствия весьма большое удовольствие получала.

Реченый же козлик, по природе своей весьма легковетрен будучи и по младости лет к прыжкам на вольном воздухе склонность имея, в лес от старухиных прелестей умчался. А как известно, в лесу волки серые обитая и духу козьего не вынося, то козлику тому внезапную смерть учинили. Старухе же ножки козлиные и рожки козлиные же в презент оставили.

1862 г.

А.Н. ВЕРТИНСКИЙ

Куда же вы ушли, мой серенький мой козлик,
с бубенчиком на лбу и с лентой на рогах?
Грустит ваш сад. Наннет-старушка
плачет возле
Об умершей любви, о майских прошлых
днях.

В последний страшный час я видел вас так
близко,
в далекий темный лес вас мчал кабриолет.
Под тяжестью волка потом вы пали низко,
лишь ножки и рога оставив для Наннет.

1916 г.

Публикация Сергея ЛУКОНИНА

Анатолий КОЛОМЕЙСКИЙ.
ЧЕЛЯБИНСК

Баран, козел и компания

Смелые люди на Востоке: выступить с инициативой посвящения целого года овце и козе! Это ж теперь все человечество будет смотреть в календарь как баран на новые ворота! Как же надо плюнуть в душу людям, чтобы подарить триста шестьдесят пять календарных дней каким-то баранам и козлам!

Хотя бытует мнение, будто пресловутые парнокопытные – представители сугубо отечественной фауны, как, например, медведь. Просто медведь ухитрился стать партией, а козел остался политически невостребованным. Действительно, козлами в отечественной истории оставлены не только рожки, ножки, но и немалое фольклорное наследие. Козел отпущения – чисто российский гибрид. Хотя обычно этих козлов никто никуда не отпускает. Потому что они ни у кого не спрашивают разрешения!

Трудно вообразить козла, спрашивающего у калитки разрешения пройти в огород. Но никто не видел даже барана, спрашивающего разрешения войти в лифт. И это несмотря на неуклонно растущее поголовье! У нас даже проигравший в домино, и тот козел. Притом, что для выигравшего вообще не нашлось никакого животного!

У нас с козлами вообще полная ерунда! Вот, например, героиня сказки Козадереза. Имя говорит о том, что козу дерут за, а за что именно – имя скрывает! Можно предположить худшее, будто козу просто надирают. Вспоминается сидорова коза, которая, судя по фольклору, будучи ни в чем не виновата, оказалась отодранной!.. Козлята вообще наплевали на самое святое – на пословицу, которая гласит, что семеро одного не ждут. Вот эти начинающие козлы, если верить сказке, всем коллективом и дождались одного волка!

А чего дождались мы? Ведь, по утверждению зоологов, козлы относятся к семейству жвачных. Кто теперь каждый жующий «Орбит» или «Джусси фрут»?!

И тут уместно вспомнить кавказскую легенду. На горной дороге, широкой, как футбольное поле, встретились два барана. И, не сумев разойтись, упали в горную реку, глубокую, как бассейн, и бурную, как ванна-джакузи «нового русского». Мораль: не будьте баранами! Вне зависимости от животноводческой привязки года!

Козлизмы

- Козы просят иметь в виду, что с коза ностра они отношения не поддерживают.
- Светские общения года – козни.
- Бартер года – клок сена за клок шерсти.
- Пусть Новый год будет для коз годом открытых дверей на огород.
- Люди, с точки зрения козы, присосавшиеся.
- Бодливый козел – это козлюка.
- Если козу отправить в пустыню Сахару, она будет давать сгущенное молоко.
- Мечта селекционера – получить от козла молоко.

Сергей СКОТНИКОВ

- С каким постоянством иной календарь делает нам козу!
- В Год Козы вместо козлов отпущения – сидоровы козы.
- Не блей козлетоном!

Виктор СУМБАТОВ

- В Год Козы и Козлом быть не зазорно!

Александр РОГОВ

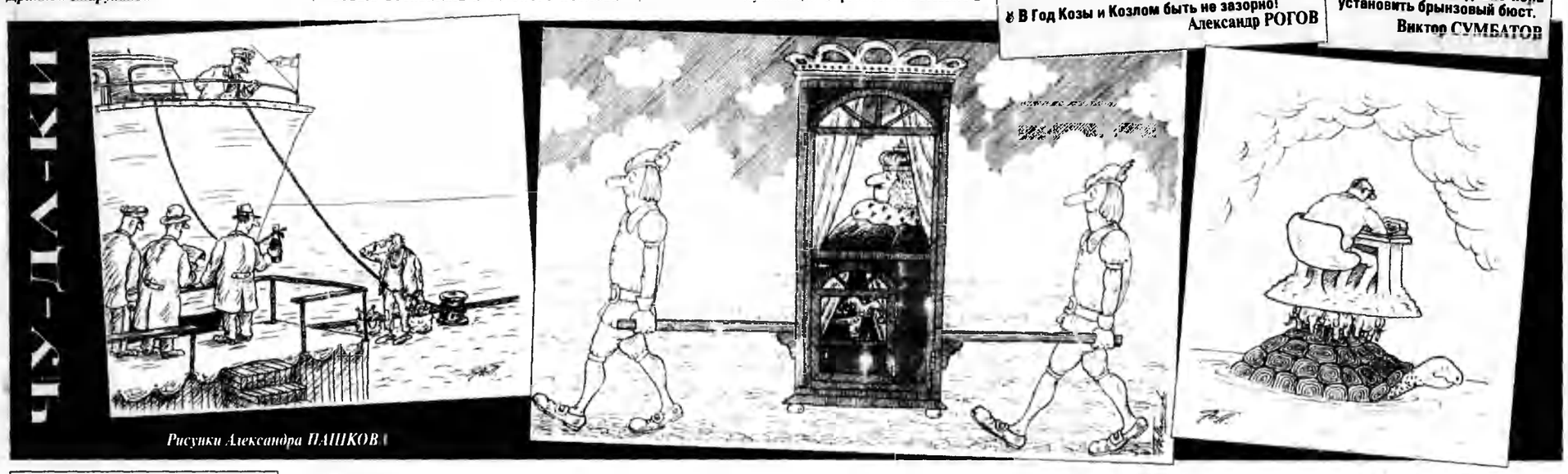
Овцызмы

Знать года – барон Овечкин.
Символ года – рог изобилия.
Штопор года – бараний рог.
Потрясвив года – овечий хвост.
В Год Овцы всем хорошего подножного корма!
Овечка – невинное создание, вызывающее волчий аппетит.
Баран – это молодец против овец.

Сергей СКОТНИКОВ

С Новым годом вас, эсэнгОВЦЫ!
Встречать Год Овцы в овечьей шкуре – привилегия волков.
У заблудших овец – бараны в пастухах.
Бедным овечкам давно пора установить брынзовый бюст.

Виктор СУМБАТОВ



Рисунки Александра ПАШКОВ

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Хорошее отношение к премиям

Эстафетно-премиальная палочка передавалась в России из рук в руки

В России литературные премии всегда были знаковым явлением. Сначала экскурс в прошлое: еще в конце прошлого века Академией наук была учреждена Пушкинская премия, просуществовавшая до 1919 г. Ее лауреатами стали безукоризненные литературные величины – Бунин, Чехов, Куприн, Майков, Полонский (нужно ли упоминать, что нынче в лауреаты Пушкинской премии попал Тимур Кибиров?!)... Учрежденная в то же время Грибоедовская премия также попала в «яблочко»: А. Островский, Толстой, Горький...

При Владимире Ильиче премий за книги не давали, их авторов успешно подвергали зачисткам и в лучшем случае высылкам на пароходах (странно, что пароходы доплывали до пункта следования. Неувязочка!). Пришедший на смену Иосиф Грозный *качественно* пересмотрел премиальный расклад: Ленинские премии присуждались за произведения о Ленине («Кремлевские куранты» Погодина, «Семья Ульяновых» Шагинян и т.д.), Сталинские – за произведения о Сталине (примерам несть числа!). Сталин был последним русским царем нашего столетия, который, если верить мемуаристам, собственноручно просматривал литературные журналы и держал руку на пульсе литературы (точнее, на ее горле?). При нем премиями были облагодетельствованы ныне выветрившиеся из памяти Софронов и Бубеннов, Павленко и Сурков, Панферов и Бабаевский... С Никитой Сергеевичем (не оскароносцем!) было сложнее: разругал молодых эстрадных поэтов, которых надо было впрячь в квадригу советской идеологии (впрочем, в прошлом веке тот же просчет допустил государь император Александр Николаевич (Освободитель): сделай он Некрасова членом Государственного Совета – и вся «муза мести и печали» стала бы работать на государственную идею. Ан нет, не додумался. Решил освобождать крестьян. Результат – благодарность российских бомбистов, начитавшихся того же Некрасова). Итак, «оттепельный» многонациональный букет лауреатов благоухал лексическим интернационализмом – М. Рыльский, Турсун-заде, А. Прокофьев, О. Гончар, П. Бровка и другие ныне прочно забытые и в России, и в своих республиках писатели.

Эстафетно-премиальную палочку из рук свергнутого Никиты Сергеевича получил Ильич номер Два. Книг он, как и его «отечественный» тезка под Первым номером, не читал – он их писал и даже получил за известную трилогию Ленинскую премию. Поначалу серьги раздавались всем многонациональным сестрам, отстоявшим свою очередь и доказавшим лояльность советской власти. Затем среди награжденных «сестер» стали попадаться авторы не слишком высокого качества (В. Кожевников, С. Сартаков, А. Коптелов), а также литературоведческие мастодонты – Б. Сучков (за книгу «Исторические судьбы реализма»), М. Храпченко (за четыре года он сгреб сразу Государственную и Ленинскую премии за теоретические нетленки «Художественное творчество, действительность, человек» и «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы»). Вот тогда вспомнили, что «гвозди» (по балладе Тихонова!) для стропил советского режима можно делать и из железа свежей выплавки: лауреатами стали поэты-шестидесятники Р. Рождественский, А. Вознесенский, И. Драч (в совершенно дурных переводах: будущий лидер «Руха» никогда не интересовался своими переводами на московской мове). Для баланса наряду с «интернационалистами» дали Госпремию В. Чивилихину – за роман «Память». Впрочем, «эстрадникам» пришлось свои премии завоевывать: каждый модный поэт обзавелся «ленинской поэмой». Поэты-шестидесятники утром получали премии, а вечером «бунтовали» на подмостках Лужников и Политехнического. Иногда бунт был всамделишный – без кавычек: в 1974 году Евтушенко послал «лично» дорогому Л.И. Брежневу» телеграмму с протестом против высылки Солженицына из страны. Его вечер в Доме союзов был отменен (нам, пришедшим на вечер, сообщили, что в Колонном зале перестилают паркет), а поэт уехал писать поэму про «крыши КамАЗа». Поэма была напечатана в «Новом мире». Автора простили.

Любовь власти периода стагнации (сиречь застоя) к премиям почувствовали на себе многие воспеватели БАМа, КамАЗа, Нечерноземья... Становится – по-человечески! – непонятным водораздел, произошедший во времена перестройки между нашими писателями – Астафьевым, Граниным, Бакланом, Шатровым, оказавшимися по одну сторону баррикад, и Бондаревым, Стаднюком, Распутиным, Беловым, Исаевым – по другую: в последнее десятилетие советской власти Ленинскими и Госпремиями были облагодетельствованы в равной степени и те, и другие.

Для тех, кто был только на подходе к «взрослым» премиям, появились премии Ленинского комсомола. Ими, как и премиями Н. Островского (грех смеяться!), порой стали удостаивать бедных инвалидов – прикованные к постели, они, увы, желали приносить пользу Отечеству плохими стихами и прозой. «Младшие братья» русского народа принялись учреждать свои премии – имени Ахундова, Янки Купалы, Якуба Коласа, Руставели, Абая, Токтогула, Низяи, Шевченко, Тукая, Галана, Ойунского, Сеспеля и Махтумкули... Вообще-то, «дружба народов» (не журнал, но и журнал тоже!) в то время неплохо кормила армии наших писателей, составивших последний справочник Союза писателей СССР толщиной в четыре пальца: декады и месячники литературы в братских республиках, фестивали молодой поэзии... Но главное, конечно, это переводы «младших братьев». Переводчику переводная книжка давала гонорар, а самому автору (с гор, из пустыни, степи, тундры – *нужное подчеркнуть!*) – премию имени того же Махтумкули!

Александр ЩУПЛОВ

Владимир РЕЗНИЧЕНКО

Год козы

Вариации на козьи темы

СЧАСТЛИВЫЙ ОТЕЦ

Портрет мой помещен газетой:
я дочь свою назвал Козеттой!

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

– Как в Год Козы не стать козлом?
– А завяжи рога узлом!

СТАРЫЙ ШЛЯГЕР

Едва явилась коза новая,
козел заблеял: «Казанова я!»

ХУДОЙ УДОЙ

Я целый день доил козу.
В итоге – выдавил слезу.

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

С козой валяясь на козетке,
козел прослушивал кассетки.

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Схватив за бороду козу,
я с ней в грядущее вползу!

ЖЕСТОКАЯ РАСПРАВА

Иван с Петром приняли дозу,
задрали сидорову козу.

СБАВЬ ОБОРОТЫ!

Скача по жизненной стезе,
всех не объедешь на козе!

К ПРАЗДНИЧНОМУ СТОЛУ

Лежат в тазу рога с копытами...
Съедим козу и будем сытыми!

Письмо Деду Морозу

Игорь ИВАНОВ,
УЛАН-УДЭ

Здравствуй, дорогой и любимый Дедушка Мороз. Пишет тебе Иванова Анюта. Мне семь лет, я учусь в воскресной школе. У меня есть дедушка, бабушка, мама и собака.

Я знаю, что если тебе написать письмо, то все исполнится. У меня так много желаний, что прямо и неудобно все просить. Поэтому я для отвода глаз попрошу вначале другим.

Я спросила всех в семье, что кому надо. Дедушка сказал, что ему бы лучшим подарком была Снегурочка. Зачем она ему, ведь у него же есть уже одна внучка? И так, он говорит, что на меня одну не может напокупаться всякой всячины, а здесь будут сразу две. Да и тебе, Дедушка Мороз, одному ходить по домам будет скучно. Ну ладно, если у тебя есть запасная Снегурочка, пришли ему. Еще у него полетели два колеса на машине, наверное, обманывает, я-то знаю, что колеса не летают.

У бабушки так много просьб, что прямо не знаю с чего и начать, наверное, больше чем у меня. И хотя она и говорит, что Дед Мороз – это сказки, но мне на всякий случай все свои просьбы рассказала. Первое, что она все время просит, вначале просила у дедушки, но, видимо, разочаровалась и стала просить у меня, чтобы я написала тебе, хоть и говорит, что сказки. А просит она ни мало ни много, а каракулевую шубу и чтобы выдали зарплату за прошлый год. Еще она просит, чтобы дедушке не звонили по телефону женским голосом. Я прямо удивляюсь, ведь ей же звонят тетеньки, и дедушка никогда не ругается. Странная она у нас. А сама бы я для нее попросила красивое платье, как у твоей Снегурочки.

Мама у меня хорошая, и ей ничего не надо. Она говорит, что ей и так хорошо. А бабушка ей говорит, что она сиднем сидит дома, «как невыдернутая редька». Наверное, у них свои приколы, и мне их не понять. Но я вижу, что у всех папы, а у нас только дедушка, да и тот, как говорит бабушка, непутевый. Вот было бы хорошо, чтобы у тебя вместе со Снегурочкой ходил бы и такой же внучек, может быть, ему моя мама и приглянулась бы. У нас папа был, но мама говорит, что он весь вышел, а куда не говорит.

Своей собаке я бы попросила новый коврик, а то этот стал ей мал, но это не обязательно, на ее день рождения мама обещала купить побольше. А куда нам два, ведь вторую собаку мне все равно не возьмут?

Ну и, наконец, я попрошу для себя. Не забудь напомнить дедушке с бабушкой, чтобы они положили под елку подарок, и чтобы в нем был обязательно ранец для школы, и чтобы в подарке обязательно были конфеты, а то мне их уже две недели не дают. Говорят, что вываливаются зубы. Я понимаю, но так хочется. Если найдешь наш дом (адрес на конверте), то пришли мне братика, а то одной так скучно, хотя я и знаю, что без мамы такие вопросы не решают, но мы ее уговорим. Хочу я и велосипед. Мне его уже покупали, но я его сломала. Стали мы на нем с ребятишками съезжать по лестнице со второго этажа, и он выдержал всего два раза. Дед так рассердился, что не стал его даже налаживать, а сразу выбросил на помойку и еще нас всех отругал. А при чем здесь мы, если велосипед такой попался.

До свидания, Дедушка Мороз. Жду тебя в гости. Если будешь читать это письмо другим, то мы всей семьей желаем всего-всего, что они сами себе загадали.

А отдельно дедушка желает, чтобы все, кто не получал долго зарплаты, ее получили немедленно.

Бабушка желает, чтобы у всех были квартиры и послушные дети.

Мама желает всем здоровья, счастья, любви и успехов в работе.

Наша собака желает, чтобы у всех собак на обед была большая кость и хозяин чаще чесал ей за ухом.

Ну а я желаю, чтобы у всех ребятишек были подарки и такие же хорошие мамы, как у меня.

Извини, Дедушка Мороз, что у меня такой почерк. Мама говорит, что я пишу, как «курица лапой», хотя я даже в мультиках не видела, чтобы курица умела писать.

Александр УМИРОВ

ОАО «Концерн средств массовой информации и рекламы «Системы Масс-Медиа»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Генеральный директор
Андрей Филиппов

Общественно-редакционный совет
Председатель
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Члены совета
Игорь Ашурбейли, Сергей Боев, Аркадий Ваксберг, Александр Воронцило, Валерий Гергиев, Владимир Егоров, Игорь Крутой, Екатерина Лахова, Владимир Меньшов, Сергей Михеев, Игорь Моисеев, Олег Попцов, Николай Скатов, Николай Шмелев, Равиль Юлгушев.

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора:
Леонид Колпаков, Валерий Павлов (*представитель «ЛГ» в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе*), Игорь Серков, Дмитрий Беловецкий

«Политика, экономика» – тел. 208-09-22
ведущий редактор Владимир Поляков; Анатолий Друзенко, Ирина Хуземи
«Общество» – тел. 208-82-80
ведущий редактор Игорь Гамаюнов; Валерий Бурт, Людмила Мазурова
«Специальные проекты» – тел. 208-85-97
шеф-редактор Армен Гаспарян
«Научная среда» – тел. 208-82-76
шеф-редактор Владимир Губарев; ответственный редактор Андрей Тарасов
«Литература» – тел. 208-94-19
ведущий редактор Александр Яковлев; Павел Басинский, Надежда Горлова
Редакция книжных изданий – тел. 208-98-96
главный редактор Виктор Широков

«Книжный салон» – тел. 208-92-02
шеф-редактор Татьяна Драгилин
«Искусство» – тел. 208-98-76
Жанна Васильева, Ирина Тосунян
«Клуб 12 стульев» – тел. 208-82-62
главный администратор Павел Хмара
Обозреватели:
Наталья Айрапетова, Алла Латынина, Сергей Луконин, Олег Мороз, Александр Ципко, Аркадий Соснов (Санкт-Петербург), Владимир Смирнов
Фотослужба –
Александр Карзанов, Борис Горев

Выпуск – Борис Фуров
Отдел рекламы и РК – тел. 208-95-24, 208-91-62
Елена Беланова, Юлия Лукьянова
Производственный отдел: тел. 208-91-23
Сектор Интернета: тел. 208-56-18
руководитель Виктор Кальян, Татьяна Кислова, Евгений Артемов
Общий тираж 78 000 экз.
Газета печатается в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, а также Великобритании и Израиле
Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса», 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. «Правды», 24
Номер подписан к печати 14 января 2003 г.
Зак. № 10191

Подписные индексы: 50067, 34189 и 84874 (для предприятий и организаций)
Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодика» и «Аргументов и фактов»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ №77-1835 от 10.03.2000 г.

Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва 107045
Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru, editor@lgz.ru
Факс: 206 62 25, 208 91 83

Корреспондентское бюро «ЛГ» по Центральной и Западной Азии
тел. 8-10-99-412-930989
Васиф Самедов

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

«Литературная газета» распространяется на бортах авиакомпаний
AEROFLOT Russian Airlines
BRITISH AIRWAYS
JAL JAPAN AIR LINES
ТРАНСАЭРО ТУР

Розничное распространение в Европе и Северной Америке осуществляет фирма «Пресс Пойнт Интернейшнл», в Израиле – Издательский дом «Новости недели»

ЦЕНА В РОЗНИЦУ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ ДОГОВОРНАЯ
Austria – 2,90 EUR;
Canada – CAND 2,50;
Denmark – DKR 18,00;
England – GP 1,65;
Germany – 2,50 EUR;
Greece – 1,65 EUR;
Hungary – HUF 930,00;
Portugal – 2,50 EUR;
Spain – PTS 475,00;
Switzerland – CHF 4,80;
Turkey – TL 850,000;
USA – USD 2,50.

ISSN 0233-4305
9 770233 430004

Printed in Russia